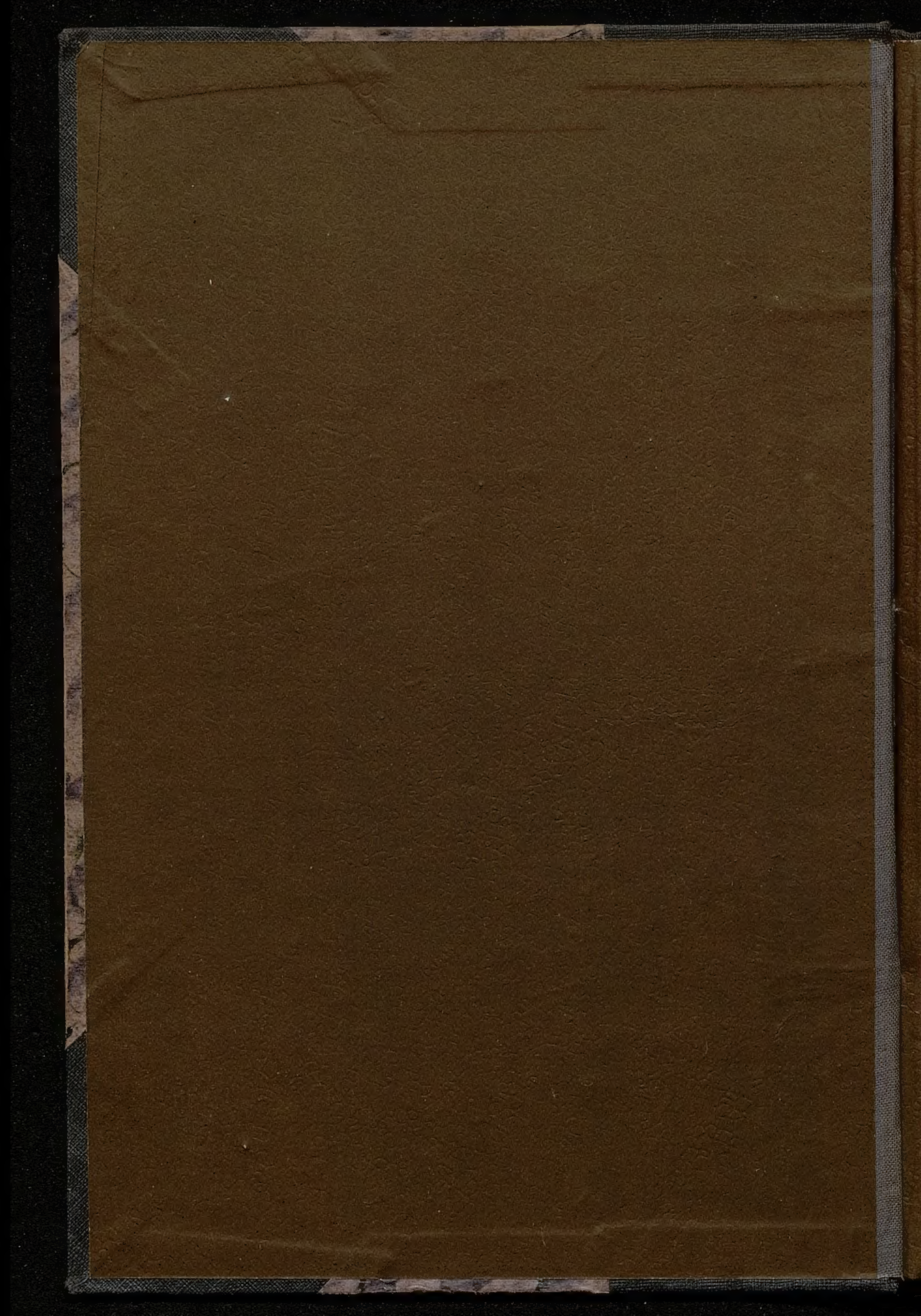
15 ЛЕТ
Октябрьский сборник

Пролетари
всех стран,
соединяйте
15
лет

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

15 лет

ОКТЯБРЬСКИЙ СБОРНИК

ленинского района г. москвы

под редакцией
я. г. сойфера
ю. а. липского
к. островитянова

москва ★ 1932

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ»,
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

Мособлит № 33544. Тираж 5050.
Заказ № 3922. 9 печ. л.

От редакции

В составлении Октябрьского сборника Ленинского района г. Москвы активное участие принимали фабрично-заводские редколлегии „Истории заводов". На заводе „Красный пролетарий", например, в собирании материала участвовало более 80 старых кадровых рабочих, на заводе им. Владимира Ильича — более 50 человек.

Особо мы отмечаем активное участие т т. ЛЕБЕДЕВА (фабрика „Красный Октябрь"), СТЕПАНОВА и МАКАРОВА (фабрика им. М И. Калинина), ЯНИНА (завод № 2 „Шарикоподшипника"). Товарищи помогли редакции найти весьма ценный материал по истории, предоставив его редакции.

Однако очерки по отдельным заводам далеко не исчерпывают всего огромного материала, рисующего историю этих заводов.

Предстоит еще большая работа по об'единению целого ряда разрозненных воспоминаний и документов.

В особенности серьезным пробелом является отсутствие в очерках достаточного материала, характеризующего руководящую роль большевистских парторганизаций на этих заводах.

Сама подготовка к октябрьскому восстанию дана в некоторых случаях слишком схематично и поэтому требует еще дальнейшего серьезного изучения и работы над ней.

Я. Сойфер.

К XV годовщине ОКТЯБРЯ

Прошло пятнадцать лет с тех пор, как на развалинах старой императорской России родилась первая в мире республика Советов.

Эти пятнадцать лет диктатуры пролетариата были годами непрерывной, напряженной борьбы рабочего класса и трудящихся масс крестьянства за укрепление своей власти, за построение социалистического общества. Под руководством партии Ленина, преодолевая все трудности, сметая с пути всех врагов пролетарской диктатуры, Советский Союз подошел к XV годовщине великого Октября с огромнейшими победами всемирно-исторического значения.

Рабочие и крестьяне нашей страны, в условиях полного развала хозяйства, после изнурительной империалистической войны, геройски боролись на фронтах гражданской войны, и на голову разбили во много превосходящие военные силы белогвардейской контрреволюции и империалистической интервенции. Без всякой помощи извне, во враждебном окружении капиталистических стран, республика Советов восстановила разрушенное войной народное хозяйство и развернула героическую борьбу за реконструкцию народного хозяйства, за построение социализма в нашей стране. Мы смело поставили перед собой грандиозную задачу индустриализировать своими силами отсталую, мелко-крестьянскую страну, построить свою мощную социалистическую промышленность, обеспечить себе полную экономическую независимость от передовых капиталистических стран.

С невиданным энтузиазмом, с громадным творческим подъемом, развертывая новые формы социалистического труда, миллионные массы рабочего класса под руководством своей коммунистической партии ринулись в бой за осуществление программы великих работ, за выполнение первого пятилетнего плана. Преодолевая все трудности, показывая невиданные в мире темпы строительства промышленности, мы пошли «на всех парах по пути индустриализации к социализму, оставляя позади нашу вековую «рассейскую» отсталость» (Сталин).

Бурный рост промышленности полностью ликвидировал безработицу в нашей стране, этот неизбежный бич капиталистиче-

ского строя. До неузнаваемости реконструируя старые промышленные предприятия, мы построили за эти годы по последнему слову техники сотни новых гигантов индустрии. Сталинградский тракторный, автозавод им. Сталина, Магнитогорский и Сталинский заводы, мощнейшая в мире Днепровская гидростанция и ряд других уже пущенных нами предприятий — гигантов, заслуженно являются нашей гордостью. Мы уже завершили фундамент социалистической экономики и ведем решительную борьбу за построение социалистического общества.

Мы развернули гигантскую работу по социалистической реконструкции нашего сельского хозяйства. Опираясь на бурный рост социалистической промышленности, мы построили невиданные в мире крупнейшие с.-х. предприятия, наши совхозы. Мы направили в наше отсталое сельское хозяйство сотни тысяч тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Мы покрыли нашу страну мощной сетью машино-тракторных станций, мы добились величайших успехов в деле коллективизации с.-хозяйства. Мы одержали громадные победы в деле укрепления смычки рабочего класса и крестьянства, на новой производственной основе.

На основе сплошной коллективизации мы уже завершили в основном в решающих зерновых и сырьевых районах ликвидацию кулачества как класса, этого последнего оплота капиталистической эксплоатации в нашей стране. Мы уже добились, того что социалистический сектор хозяйства абсолютно преобладает не только в городе, но и в деревне, в сельском хозяйстве. Ленинский вопрос «кто-кого» в нашей стране уже окончательно разрешен в пользу социализма. В результате одержанных в совхозном и колхозном строительстве побед, СССР стал страной самого крупного в мире земледелия. Итоги весеннего сева этого года неопровержимо доказали, что Советский союз окончательно утвердился на социалистическом пути.

Сентябрьский пленум Центрального комитета партии (1932 г.) в соответствии с директивами XVII партконференции во весь рост поставил перед страной задачу дальнейшего улучшения материально-бытовых условий жизни трудящихся, дальнейшее развертывание советской, в частности, колхозной торговли, создание собственных продовольственных баз на наших предприятиях социалистической промышленности — все это вместе является могучим рычагом в наших руках для быстрого повышения материального уровня рабочих и укрепления торговой смычки города с деревней на базе социалистической производственной смычки.

Так партия под испытанным руководством своего ЦК во главе с лучшим из лучших учеников Ленина — т. Сталиным ведет нашу советскую страну через все препятствия и трудности от победы к победе. Но не легко давались и даются нам эти победы. Мы отвоевываем их в упорной борьбе с классовыми врагами, которые не сдают ни одной пяди без самого жестокого сопротивления.

В условиях обостренной классовой борьбы при наличии мелкобуржуазных элементов в нашей стране становится неизбежным проникновение классово-чуждых влияний не только в среду рабочего класса, но и в его авангард — в партию. На протяжении всей нашей борьбы, а в моменты ее наибольшего обострения в особенности, отдельные наименее устойчивые члены нашей партии, поддавались этим классово-чуждым настроениям, и сколачивая внутри партии фракционные группки, вели борьбу против партии, против ее генеральной линии. И при Ленине и после его смерти партия непримиримо боролась со всеми проявлениями оппортунизма в своих собственных рядах. Расчеты наших классовых врагов, что после смерти В. И. Ленина колебнется стальное единство наших большевистских рядов, не оправдались и разлетелись в прах. Под руководством нашего вождя т. Сталина, закаленного в борьбе за большевизм, партия во главе со своим Ленинским ЦК последовательно сокрушала все попытки свернуть ее с ленинского пути.

Мы разбили троцкистскую оппозицию, пытавшуюся сорвать нашу работу по восстановлению хозяйства и скатившуюся в лагерь контрреволюции.

Партия сокрушила правую оппозицию, стремившуюся свернуть большевистские темпы индустриализации и ставившую ставку на кулака, на кулацкий капиталистический путь развития нашего сельского хозяйства.

Партия непримиримо боролась с «левацкими» загибщиками, со всеми беспринципными группировками различных осколков оппозиции, с двурушниками и примиренцами. Совсем недавно мы выбросили из наших рядов контрреволюционную группировку Рютина, Галкина, Иванова и др., объединившуюся на антисоветской платформе возврата к капитализму.

Только в результате этой непримиримой борьбы за чистоту генеральной линии партии были одержаны решающие победы и обеспечена беззаветная поддержка партии со стороны рабочего класса и широчайших масс трудящегося крестьянства.

Вот почему наша партия, насчитывавшая во время Октябрьских боев десятки тысяч человек в своих рядах, за эти 15 лет выросла в могучую 3-миллионную армию большевиков с $5\frac{1}{2}$-миллионным резервом Ленинского комсомола.

В передовых рядах борцов за социализм твердо шли все эти годы под руководством партии пролетарии Ленинского района.

В предоктябрьские дни большевики старого Замоскворечья с беззаветной революционной преданностью и громадным упорством подготавливали рабочие массы к решающим боям. Тесно сплоченная партийная организация района смело повела рабочих на октябрьские баррикады. Не было ни одного завода, ни одной фабрики, которые бы так или иначе не принимали бы участия в этой решающей борьбе. Завод Михельсона, носящий теперь за свои революционные заслуги имя Владимира Ильича, в эти

„Надо добиться, чтобы здесь на фабрике Фрунзе и на других подобных сделать то же, что сделано на Трехгорке".

Л. КАГАНОВИЧ

В светлой, чистой, уютной квартире живу я, — говорит ткачиха ф-ки Фрунзе т. Зайцева.

По директиве т. Кагановича

В этом году старые текстильные казармы, доставшиеся нам в наследство от капиталистов, переоборудованы и превращены в светлые отдельные квартиры для рабочих.

исторические дни являлся оплотом коммунистической партии, передовым организатором отрядов красной гвардии и базой нашей военной организации снабжавшей восставших рабочих оружием.

Вооруженные рабочие бывшего Замоскворечья вместе с восставшими солдатами вели борьбу на важнейших стратегических пунктах боев и сыграли громадную роль в победе Октябрьского восстания в Москве.

В суровые годы гражданской войны партийная организация района отдала на многочисленные военные фронты тысячи стойких большевиков. После великого разгрома белогвардейщины в районе закипела упорная работа по восстановлению полуразрушенных заводов и фабрик. Каждый год приносили победы в нашей борьбе на хозяйственном фронте. Район носящий имя Ленина по заслугам может гордиться, теми достижениями, с которыми он подошел к 15-й годовщине Октября.

За эти годы мы достигли крупнейших достижений в борьбе за индустриализацию района. Проделана громадная работа по реконструкции старых предприятий, доставшихся нам в наследство от капиталистов. Вместо старого захудалого заводишка дореволюционного времени капиталиста Бромлея — вырос мощный станкостроительный завод «Красный пролетарий», оборудованный по последнему слову техники, и успешно овладевающий массовым производством новых станков «ДИП» (Догнать и перегнать»).

В несколько раз вырос основной капитал бывшего завода «Михельсон», ныне завод им. Вл. Ильича, ставшего крупным предприятием по производству оборудования для нашей лесной промышленности.

Технически перевооруженные I и II станции МОГЭС резко повысили отпуск электроэнергии.

В корне реконструируя старые предприятия, мы развернули в районе строительство новых фабрик и заводов. За 4 года нашей борьбы за пятилетку мы пустили 21 новое предприятие. Среди них первый в союзе завод по производству машин для стекольной промышленности — «Стекломашина», первые две в Союзе катонинные фабрики — «Знамя Октября» и «Новый хлопок» и такой гигант пятилетки, как завод револьверных станков — полуавтоматов, являющийся крупным вкладом в промышленность советской страны.

За последние четыре года вся промышленность нашего района почти утроила количество своей продукции, а металлообрабатывающие предприятия увеличили выпуск в шесть раз. Наряду с бурным ростом тяжелой промышленности росла и наша легкая промышленность. За последние 4 года в полтора раза увеличился выпуск продукции в текстильной промышленности, в три раза увеличилось производство пищевых продуктов, вдвое выросла наша полиграфия.

В нашу растущую промышленность мы вовлекли десятки тысяч новых рабочих. Так например, на предприятиях металлообрабатывающей промышленности за последние четыре года коли-

чество рабочих увеличилось в три раза с 5 тысяч человек до 15 тысяч.

Мы сделали гигантский скачок вперед от старого купеческого Замоскворечья.

В особенности за последние 2 года мы имеем крупнейшие успехи в деле реконструкции городского хозяйства. В этом отношении исключительная роль принадлежит непосредственному конкретному руководству секретаря ЦК и МК т. Кагановича, который поднял все вопросы городского хозяйства на неизмеримую высоту.

300 тыс. квадратных метров вновь отстроенных после революции жилищ сейчас составляют уже пятую часть всей жилой площади нашего района. Там где были заброшенные пустыри и стояли развалившиеся лачуги за эти годы выросли новые благоустроенные рабочие городки с десятками громадных светлых корпусов.

В районе, который до революции почти не знал усовершенствованных мостовых, мы покрыли шестую часть улиц брусчаткой и асфальтом. Значительно выросла линия водопровода и канализационная сеть. Оторванные от центра города окраины мы связали трамваем и автобусами.

Освещены все улицы и переулки района, расширена площадь зеленых насаждений. Широко развернулись надстройки домов. Расширена лечебная помощь и создан ряд совершенно новых учреждений по здравоохранению (ночные санатории, диэтстоловые и др.).

Опираясь на наши хозяйственные достижения мы развернули большое культурное строительство в районе. Всеобщее обучение всех детей от семи лет, 42 научных института, 22 высших учебных заведения, 32 техникума, 13 рабфаков, 26 школ ФЗУ, 53 клуба, 47 библиотек, 5 учреждений рабочего образования, где обучение проводится без отрыва от производства — вот несколько цифр лучше всяких слов характеризующие культурный рост нашего района за 15 лет диктатуры пролетариата.

Все эти успехи есть результат громадного подъема политической и производственной активности рабочих масс. Пролетарии нашего района на 73% охваченные ударными бригадами и социалистическим соревнованием геройски дерутся за завершение первой пятилетки.

Целый ряд предприятий, в том числе завод Вл. Ильича уже закончили свою пятилетку. Завод им. Землячки, систематически перевыполняющий производственную программу, дал большевистские образцы новых высших форм социалистического труда, явившись одним из первых застрельщиков в Советском союзе по переходу на бригадный хозрасчет и сменно-встречное планирование. Все это говорит о громадном росте политического влияния нашей районной партийной организации в широких рабочих массах.

Это возросшее доверие рабочих партийная организация за-

воевала тем, что осуществляя ведущую роль в борьбе за социализм, она неизменно проводила в жизнь генеральную линию нашей партии.

Все попытки поколебать большевистское единство встречали в наших рядах беспощадный отпор.

В 23—27 году группка троцкистов пыталась свить свои гнезда в отдельных учебных заведениях, учреждениях и предприятиях нашего района и повела подрывную фракционную работу против партии. Районная партийная организация разоблачила перед рабочими массами контрреволюционную сущность троцкизма и на голову разбила троцкистскую оппозицию.

1928—29 годы были годами борьбы против правых оппортунистов, против «углановщины» в Московской организации. Большевики Ленинского района дали решительный отпор попытки правых капитулянтов поколебать наши ряды.

В 1930 году районная партийная организация выправила отдельные «левацкие» ошибки руководства Районного комитета в вопросах колхозного строительства.

В последующие годы наша организация, своевременно выкорчевывая все осколки разбитой правой и троцкистской оппозиции вела упорную борьбу со всеми проявлениями хвостизма, гнилого либерализма, за повышение классовой бдительности и большевистской воинственности.

Воспитывая коммунистов и беспартийных рабочих на уроках борьбы за чистоту генеральной линии партии, мы развернули большую работу по повышению идейно-политического уровня нашей партийной организации.

В этой борьбе идейно крепла, закалялась и количественно росла партийная организация Ленинского района. К 15-й годовщине Октября, мы большевики Ленинского района, подходим отрядом в 30 тысяч коммунистов, тесно сплоченные вокруг Ленинского ЦК, МК.

Перед нами стоят громаднейшие задачи, разрешение которых связано с преодолением ряда трудностей и требующих непримиримой борьбы за генеральную линию партии, против оппортунистов всех мастей, против идущих ко дну капиталистических элементов.

Первая и основная наша задача — успешно завершить последний год пятилетки и развернуть широким фронтом борьбу за осуществление задач построения бесклассового социалистического общества во 2-й пятилетке. Острейшим оружием в выполнении этой задачи являются шесть исторических условий т. Сталина. Мы должны еще лучше научиться владеть этим большевистским оружием и напрячь все наши силы, чтобы лучшие образцы выполнения указания т. Сталина были перенесены на все предприятия нашего района.

Нам надо в кратчайший срок овладеть полной производственной мощностью наших новых и реконструированных заводов

и фабрик и изжить неполадки в производстве. А это значит в первую очередь — научиться конкретно руководить производством на основе изучения новой техники. В первых рядах борьбы за овладение новой техникой должен быть коммунист.

Не менее важной задачей является всемерное улучшение материального уровня рабочих и трудящихся масс. В соответствии с решениями последнего Пленума ЦК (сентябрьского) мы должны обеспечить максимальное развертывание производства предметов широкого потребления.

Еще настойчивее и решительнее мы должны будем драться за улучшение рабочего снабжения. Мы уже создали на ряде предприятий собственные продовольственные базы, рабочие огороды, кроличье стадо наших фабрик и заводов за несколько месяцев достигло внушительной цифры 26 000 тыс. голов. Немалых успехов мы добились в области развития свиноводства, уже целый ряд предприятий района имеют свои собственные совхозы. Но это еще только начало той громадной работы, которую мы не теряя ни одного часа обязаны развивать с большевистским размахом и упорством.

Мы достигли заметных результатов в области развертывания нашей советской торговли, в частности в деле организации колхозной торговли. Однако, мы еще не изжили ряд крупнейших недочетов в этой работе.

В условиях нашего района, на территории которого расположено много культурных учреждений, учебных заведений и школ, мы можем и обязаны показать образцы работы на культурном фронте, по-большевистски борясь за реализацию решений ЦК о школе и вузах.

Важнейшим звеном в деле успешного разрешения поставленных перед нами задач является широкое развертывание партийно-массовой работы.

Уметь диференцированно организовать массовую работу, уметь охватить своим политическим влиянием каждого рабочего — этому нам еще нужно учиться. Особое внимание необходимо обратить на групповую и индивидуальную агитацию, являющуюся одной из самых действенных форм нашей разъяснительной работы. Невозможно охватить политическим влиянием каждого отдельного рабочего не укрепив среднего и низового партийного звена на предприятии. А это обязывает нас крепче налечь на подготовку широких кадров низового партийного актива, на максимальное развертывание марксистско-ленинского воспитания среди членов и особенно кандидатов партии. Большую роль в выполнении этой задачи должен сыграть районный Дом Партийного просвещения.

Развертывая партийно-массовую работу, укрепляя нашу связь с массами, по-большевистски воспитывая эти массы, мы обеспечим дальнейший рост нашей партийной организации за счет лучших рабочих ударников.

Мы большевики Ленинского района под руководством МК и МГК, тесно сплоченные вокруг Ленинского ЦК во главе с вождем партии и рабочего класса т. Сталиным, уверенно идем вперед на дальнейшую борьбу за полное построение социалистического общества в нашей стране, за победу пролетарской революции во всем мире.

[redacted]

К. Островитянов

ИЗ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ В ЗАМОСКВОРЕЧЬИ

Замоскворецкий район накануне Октябрьской революции концентрировал в своих пределах целый ряд крупных металлообрабатывающих заводов, текстильных фабрик, кожевенных и др. предприятий с большим количеством рабочих. Не мудрено, поэтому, что Замоскворечье на всех этапах развертывания Октябрьской революции, как на подступах к Октябрю, так и в момент Октябрьских боев, шло в авангарде московского пролетариата. Недаром т. Ломов в своих воспоминаниях называет Замоскворечье «самым революционным из наших районов» (см. сборник «12 годовщина Октября», ГИЗ, 1929 г., стр. 32).

Еще до революции в Замоскворечьи на ряде крупных заводов и в Коммерческом институте были ячейки большевиков, которые вели нелегальную работу, занимались в кружках, выпускали прокламаций, организовывали массовки и демонстрации.

Эти большевистские ячейки сыграли роль костяка большевистской организации Замоскворечья. После низвержения царизма этот костяк стал быстро обрастать рабочей массой.

Еще в «Письмах издалека» и в особенности в апрельских тезисах, Ленин со всей решительностью поставил вопрос о том, что наша партия не должна оказывать ни малейшей поддержки временному правительству, а должна все свои усилия направить на подготовку масс к захвату власти советами и установлению пролетарской диктатуры.

Перед вновь образовавшимся райкомом и всей большевистской организацией Замоскворечья стала огромнейшей важности задача — завоевание рабочих масс, мобилизация их на борьбу против буржуазно-соглашательского, меньшевистско-эсеровского правительства, на борьбу за диктатуру пролетариата. Началась организационная работа по оформлению уже имеющихся большевистских ячеек на предприятиях и организация новых. Оформились в первую очередь ячейки на заводах: *Михельсон, Густав Лист, Бромлей, «Поставщик», фабрика «Эйнем», «Даниловская мануфактура»* и т. д.

Период от февраля к октябрю характеризуется чрезвычайно

быстрым ростом влияния нашей партии. Огромную роль в организации этого массового подъема сыграла наша большевистская организация, наш райком и наши фабрично-заводские ячейки. Замоскворецкий райком все более и более становился единственно авторитетным штабом для рабочих Замоскворечья, куда они обращались за разрешением всех больших и малых вопросов.

Большевики прежде всего развили большую агитацию по фабрикам и заводам района. Наряду с кадром агитаторов-профессионалов, в агитации и пропаганде большевистских идей принимали участие и рядовые партийцы. Те, кто могли, выступали с докладами, другие вели агитацию в толпе с небольшими группами рабочих. Большевики не ограничивались агитацией по фабрикам и заводам. Они организовывали общерайонные митинги в больших залах района — Коммерческом институте, Учительском доме и т. д. Несмотря на то, что в первое время после февральской революции среди масс пользовались большим влиянием меньшевики и эсеры, благодаря нашей сплоченности и организованности мы большей частью выходили победителями на этих больших массовых митингах. Большую поддержку в этом деле оказывал завод Михельсона, являвшийся главной цитаделью большевизма в Замоскворецком районе. Для усиления нашего влияния на массы и помощи нашим ячейкам, райком целый ряд наших активных агитаторов и пропагандистов послал на крупнейшие заводы и фабрики в качестве секретарей завкомов. Проникнув таким образом в самую заводскую массу мы получили возможность активно, в процессе повседневной работы, влиять на массы и завоевывать их на сторону нашей партии, пресекая тут же влияние меньшевиков и эсеров, разоблачая их соглашательскую политику.

Большую роль сыграла предпринятая со стороны райкома организация рабочей молодежи, которая с возрастающим энтузиазмом шла за нашей партией и оказала ей неоценимую помощь как в подготовке Октября, так и в самом Октябрьском восстании.

Большое значение имела также работа среди женщин, развернутая райкомом.

В результате, уже в мае месяце, т. е. спустя несколько месяцев после февральского переворота значительные массы рабочих полностью шли за нашей партией, и целый ряд важнейших кампаний в районе проходил под руководством нашей партии.

Мы пользовались всяким поводом, всяким шагом буржуазии и соглашателей, чтобы разоблачать их контрреволюционную политику и активно втягивать массы в борьбу против них за диктатуру рабочего класса.

Кампания за введение 8-часового рабочего дня, кампания против «Займа свободы», по вопросу об отношении к Временному правительству и т. д., — все это использовалось нами для мобилизации масс на борьбу.

Общественное питание все больше и больше внедряется в жизнь и быт трудящихся района.

На снимках — фабрика-кухня и кафе.

Уже 2 марта мы устраиваем громадный митинг в Коммерческом институте — первое наше массовое выступление после февральской революции. Впервые стены Коммерческого института открылись для рабочих масс, рабочие столкнулись со студенчеством, в своем подавляющем большинстве идущим за кадетами, меньшевиками и эсерами. На митинге присутствовало много революционно настроенных рабочих, в частности с завода Михельсона. Мы впервые, в обстановке до крайности бурной, провели большевистскую резолюцию о войне.

Большую активность развернула наша партийная организация вокруг борьбы против «Займа свободы». На ряде заводов нам удалось провести резолюции против «Займа свободы»; на огромном числе заводов нам удалось склонить на нашу сторону значительное количество рабочих. В то время, в условиях засилия меньшевиков и эсеров, это была большая победа.

Первомайская демонстрация, вылившаяся в грандиозное шествие, явилась в то же время демонстрацией нашей активности, сплоченности и организованности. Несмотря на то, что мы в то время еще были «меньшинством», все же демонстрация прошла в значительной мере под нашими лозунгами и впереди ее развевалось знамя нашей большевистской партии, знамя МК и нашего райкома.

Известная нота Милюкова «о войне до победного конца», отправленная союзникам, вызвала бурный протест со стороны рабочих масс Замоскворечья, который вылился во внушительную демонстрацию. Это движение было возглавлено нашей партийной организацией и шло под нашими большевистскими лозунгами.

Как мы уже сказали, развитие революции от февраля к октябрю характеризовалось быстрым нарастанием революционного подъема, которое сопровождалось огромным ростом влияния нашей партии.

В июльские дни кадеты, меньшевики, эсеры, торговцы, мещане, использовали все средства против большевиков: клевету, инсинуации, избиения и даже убийства, чтобы скомпрометировать нашу партию в глазах рабочих масс и загнать ее в подполье. Это вызвало решительный протест со стороны значительного числа заводов.

Так, 17 июля, на собрании, состоявшемся в здании Коммерческого института, принимается следующее приветствие Ленину:

> «Дорогой товарищ, Владимир Ильич! В эти дни разгула шовинистических и реакционных сил, полной растерянности и беспомощности вождей мелкой буржуазии, мы снова приветствуем в вашем лице одного из самых стойких вождей революционного пролетариата» (см. сборник «Красное Замоскворечье»).

Заводы Михельсона, «Мотор» и ряд других, выносят резкие

резолюции протеста против травли большевиков, предпринятой буржуазией и ее меньшевистско-эсеровскими приспешниками.

Собравшийся вскоре после июльских дней VI съезд нашей партии сыграл громадное историческое значение в деле мобилизации масс вокруг задачи захвата власти пролетариатом. Центральным вопросом VI съезда был доклад т. Сталина о политическом положении, наметивший пути нового подъема масс, пути боевой подготовки к Октябрю.

Замоскворецкий райком и вся партийная организация с еще большей энергией взялись за подготовку Октября. Влияние нашей партии росло не по дням, а по часам.

Наиболее ярким моментом, характеризующим рост влияния нашей партии, был период созыва Московского государственного совещания, явившегося попыткой объединения всех контрреволюционных сил против бурно и неотвратимо надвигающейся Октябрьской революции.

Наша партия решила ответить на эту попытку контрреволюции мощной, всеобщей забастовкой протеста.

Накануне с огромным подъемом были проведены митинги по фабрикам и заводам. Забастовка охватила подавляющее большинство предприятий Замоскворечья и явилась главным предостережением для контрреволюции, заседавшей в Большом театре, явилась предвестником грядущей Октябрьской бури. Пропасть между пролетариатом и буржуазией все более и более ширилась, классовая борьба обострялась, происходила концентрация сил революции на одном полюсе и контрреволюции — на другом перед решающей схваткой. Всякое выступление контрреволюции, всякая попытка посягнуть на революцию вызывали новый подъем революционной волны. Так было в дни Корниловского мятежа, когда Корнилов пошел на Ленинград.

Революционные массы рабочих и солдат отвечают на наглое выступление контрреволюционного генерала, по призыву Московского комитета партии, организацией боевых отрядов. Лозунг «за оружие» становится наиболее популярным лозунгом среди рабочих масс и начинается открытая массовая организация Красной гвардии.

Уже с этого периода по директивам Московского комитета партии райком партии ведет интенсивную подготовку на всех крупнейших предприятиях района. На з-де Владимира Ильича, в Апаковском трампарке, на МОГЭСе, Поставщике, Густав Листе и др. проводятся систематические военные занятия с рабочими, идет их вооружение и концентрация оружия в районе.

Контрреволюционные действия зарвавшегося генерала вызвали мощное революционное противодействие, явившееся важнейшим этапом в подготовке Октябрьской революции.

Новой пробной мобилизацией сил революции и контрреволюции явились выборы в районные думы. Предвыборная борьба велась с крайним ожесточением. Силы революции сконцентриро-

вались под знаменем нашей партии, силы контрреволюции — под знаменем кадетов — соглашательские партии меньшевиков и эсеров превратились в генералов без армии.

В Замоскворецком районе, как и в ряде других пролетарских районах, большевики на выборах одержали блестящую победу. Абсолютное большинство всего взрослого населения Замоскворечья отдало свои голоса списку № 5 — списку большевиков. Так шла в районе мобилизация и организация масс для Октябрьского восстания.

Однако, работа нашей большевистской организации не исчерпывалась политической мобилизацией рабочих масс. Огромную работу райком и ячейки вели среди солдатской массы — этих, в своем подавляющем большинстве, крестьян, одетых в серые шинели. Огромное внимание уделялось работе среди 55-го и др. полков, сосредоточенных в районе. В этом отношении большую инициативу проявляет ячейка завода Михельсон, установившая теснейшую связь с 55-м полком вплоть до того, что представители завкома участвовали в заседаниях полкового и ротных комитетов. Все это привело к тому, что солдатская масса, расположенная в Замоскворечьи, в своем большинстве к моменту октябрьского восстания была на нашей стороне.

Однако работа по связи с солдатскими массами не ограничивалась теми частями, которые находились на территории Замоскворечья. Установилась связь с некоторыми частями, находившимися на фронте, путем посылки подарков, литературы, делегаций, установления регулярных письменных сношений.

По мере роста политического сознания рабочих, они начинают подходить к контролю и овладению производством. Наоборот, капиталисты начинают в это время свой знаменитый саботаж. Воспоминания рабочих, освещающих жизнь отдельных фабрик и заводов дают необычайно яркие картинки экономической борьбы: забастовка на заводе «Мотор», длящаяся вплоть до Октябрьской революции, цинделевский завком, контролирующий выпуск мануфактуры с завода и вымогающий у фабриканта 40 000 руб. и особняк для первого в Москве рабочего детсада, заводские комитеты, добывающие сырье и топливо для заводов.

Все эти факты являются яркими показателями того глубокого перелома, который происходит в сознании и психологии рабочих масс. Еще задолго до октябрьского восстания и до декрета о национализации фабрик и заводов они уже смотрят на эти фабрики и заводы, как на то наследство, которое к ним скоро перейдет по историческому праву и которое поэтому надо охранять, как зеницу ока от их теперешних хозяев.

С первых дней февральской революции в Замоскворечьи велась военная подготовка восстания; и в этом отношении впереди других заводов шел завод Михельсон. На этом заводе в прокатном корпусе в одной из стен было замуровано до 125 винтовок и 75 револьверов, захваченных еще в февральскую революцию.

За годы революции построены огромные рабочие городки. На снимке — рабочие поселки по Хавско-Шаболовской и Б. Серпуховской улицам.

Кроме того, рабочие завода по ночам нелегально занимались изготовлением оружия. Красная гвардия организовалась на заводе вскоре же после февральской революции. Военное обучение производилось при помощи инструкторов из солдат 55-го полка. Нелегально существовали подобные красногвардейские отряды и на целом ряде других предприятий района. Во время демонстрации можно было видеть среди демонстрантов организованные отряды красногвардейцев. Однако, толчком к массовой открытой организации Красной гвардии послужило корниловское восстание.

«Штаб Красной гвардии, — говорит в своих воспоминаниях т. Файдыш, — был составлен из: начальника Красной гвардии Файдыша и тт. Викмана, Томашевского, Бруна, Микуцкого, Пана (Кржеминского) и еще одного товарища, которого я не припомню. Организация делилась на отряды, основой которых являлся крупный завод и районы. К моменту восстания было 5 районов, которыми командовали: Пан (Кржеминский) — база завода Михельсон, Томашевский — база электростанции 1886 г. Даниловский подрайон — фамилию начальника сейчас не помню, затем район завода Листа — Н. К. Федоров и Варшавский арматурный — фамилию начальника не припомню.

Всего к началу восстания Красная гвардия насчитывала 600 человек, которые явились основным ядром, вокруг которых концентрировались рабочие в период восстания».

Ленин, находившийся в то время в подполье, с гениальной прозорливостью в своих письмах в ЦК и МК РСДРП(б) со всей большевистской решительностью ставил вопрос о восстании. Письма Ленина, мобилизовали внимание партии и рабочего класса на восстание, как вполне назревшей задаче пролетариата. Влияние их на партийные и рабочие массы района было исключительно. Позиция Зиновьева и Каменева, которых Ленин называл штрейбрехерами не находила сторонников в рядах нашей Замоскворецкой партийной организации.

МК и райком с возрастающей энергией вели подготовку к захвату власти пролетариатом.

К моменту Октябрьского восстания наша партия пользовалась колоссальным авторитетом в глазах рабочих и солдатских масс района, выросла сильно партийная организация, было завоевано подавляющее большинство в районном Совете, в наших руках находились две районных думы: Пятницкая и Калужская.

Рабочие и солдатские массы готовы были в любую минуту по призыву и под руководством нашей партии ринуться в бой против буржуазии, за диктатуру пролетариата, за власть советов.

Каково было положение в буржуазном лагере? Главной опорой буржуазии и соглашательских партий был Коммерческий институт, где был сосредоточен значительный отряд буржуазного

студенчества, вооруженный городской думой, и школа прапорщиков, помещавшаяся в Александровских казармах.

Среди крупных фабрик и заводов Замоскворечья меньшевики и эсеры пользовались влиянием в Сытинской (теперь 1-й Образцовой типографии), на электрической станции Об-ва 1886 г. и кое-где на других предприятиях.

Кроме того, кое-какие силы группировались в буржуазных домах. Однако, они были разрознены и способны только на предательские выстрелы из-за угла. Таким образом в самом районе не было сколько-нибудь значительной силы, могущей оказать серьезное сопротивление октябрьскому восстанию.

Отсюда военные действия внутри района свелись к стычке с отрядом студентов Коммерческого института, которая кончилась разгромом и взятием в плен всего отряда, что же касается школы прапорщиков, то по распоряжению полковника Рябцева, она была вызвана в центр в самом начале октябрьских боев.

В первые дни восстания сплошь да рядом раздавались выстрелы по нашим отрядам из буржуазных домов, так что по вечерам нередко приходилось ездить на трамваях с потушенными огнями. Однако, быстро принятыми мерами со стороны Военно-революционного комитета, а также благодаря революционной бдительности завкомов и самих рабочих масс, эти методы борьбы были парализованы. Внутри района наша задача свелась, главным образом, к охране революционного порядка. Всюду в центральных пунктах были расставлены патрули из красногвардейцев и солдат, которые стояли на страже охраны района от белогвардейцев. По всем заводам были созданы свои военно-революционные комитеты, которые несли на себе охрану своего предприятия, а также окружающей их части района. Имевшие место в районе попытки грабежа со стороны бандитов быстро были ликвидированы. Так, цинделевские рабочие захватили банду громил, забравшихся в часовой магазин. Но не только красногвардейские патрули, военно-революционные комитеты фабрик и заводов, не только военно-революционные комитеты, но и сами рабочие массы принимали активное участие в охране района. Малейшее движение со стороны противника: выстрел, прозвучавший из буржуазного дома, оружие, замеченное в буржуазной квартире, световые сигналы противника — обо всем сообщалось в Военно-революционный комитет. Последний посылал отряды, которые производили обыски, изымали оружие, арестовывали белогвардейцев и т. д. В результате за все время октябрьских боев в районе сохранялся строгий революционный порядок.

В первые дни восстания была произведена огромная агитационная работа в особенности среди воинских частей. Благодаря этому ряд колеблющихся солдатских частей удалось склонить к активному участию в боях. В этом отношении показательным является случай с отрядом мотоциклистов, который помещался на фабрике Эйнем, находившейся под прямым обстрелом белогвар-

дейцев. Этот отряд после нашей агитации предоставил себя и свои мотоциклы в распоряжение Революционного комитета и сыграл громадную роль в деле налаживания связи в районе.

Трудно теперь по истечении 15 лет в точности восстановить ход и развитие боевых действий Замоскворецкого района в октябрьские дни. Эта работа требует специального научного исследования ряда уже накопившихся материалов в сборниках, воспоминаниях и др. документах.

Наше описание развития Октябрьских боев в Замоскворечьи не претендует на то, чтобы дать сколько-нибудь точную и исчерпывающую картину этих боев.

За основу изложения мы взяли воспоминания т. *Арутюнянц Иана* и *Смирнова,* дополнив их кое-какими материалами из других воспоминаний.

Ход октябрьских боев по этим воспоминаниям рисуется в следующем виде.

25 октября 1917 г. пленум Замоскворецкого совета рабочих депутатов, совместно с представителями фабкомов и завкомов района избрали Военно-революционный комитет в составе тт. *Коссиора Иосифа,* (председателя Замоскворецкого совета), *Шиллерта Юлиуса, К. Витковского, Файдыша,* начальника Красной гвардии района, одного меньшевика (*Пистрак* — секретарь их райкома) и одного эсера (по фамилии, кажется, *Судаков*). В дальнейшем через день меньшевик и эсер вышли из состава Военно-революционного комитета и вместо них вошли в его состав присланные из центра *П. К. Штернберг* и *Б. Волин* и партийный организатор района т. *Цивцивадзе.*

Однако момент выборности является формальным. Фактически во время октябрьских боев руководили Военно-революционным комитетом тт. Штеренберг, Волин, Цивцивадзе, Файдыш и некоторые другие. Другая же часть выбранных членов Военно-революционного комитета приняла участие в непосредственных боях, как например, Витковский, Шиллерт.

Большевистский ученый, профессор астрономии Штеренберг руководил непосредственно боевыми организациями в районе.

Военно-революционный комитет сразу становится общепризнанным боевым центром. Сюда стягиваются с фабрик и заводов отряды красногвардейцев, сюда свозится оружие, отсюда вооруженные отряды рассылаются по окопам и боевым участкам, отсюда идут боевые отряды...

Военно-революционный комитет во все время боев жил в невероятном напряжении.

> «Кроме чисто боевых функций, он был и правительством. При нем был трибунал, называвшийся Юридической комиссией, которая допрашивала арестованных с тем, правда, чтобы в большинстве случаев их выпустить»...

Ревком должен был снабжать население — рабочих продовольствием (сб. «Красное Замоскворечье», стр. 92—93). Ревком дол-

жен был выполнять ряд чисто административных функций, наблюдать за порядком в районе и т. д.

Самое восстание в Замоскворецком районе началось при следующих обстоятельствах, 26-го, под вечер, в районном комитете партии большевиков на малой Серпуховке, д. № 28 было собрание партактива Замоскворецкого района, где обсуждался вопрос о выступлении. Указывалось на то, что пока центр медлит, белогвардейские массы стягивают свои силы в центр, укрепляются и, естественно, что борьба в таких условиях будет более тяжелой, чем при немедленном выступлении. На этом собрании была избрана специальная делегация, которой было поручено поехать в Военно-революционный комитет Москвы и настаивать перед ним на немедленном начатии боевых действий.

Делегация часам к 2 ночи вернулась в Замоскворечье через Каменный мост, где уже был выставлен пикет юнкеров, который, однако, ее не задержал. Ревком в это время перебрался на Калужскую площадь в бывш. ресторан Полякова. По приезде состоялось маленькое совещание ревкома, на котором было решено захватить мосты. Все свободные и вооруженные рабочие красногвардейцы были разбиты на отряды и посланы: Томашевский (рабоч. телеграфно-телефонного завода — теперь завод Морзе) с отрядом в 20 человек в качестве патрулей по Коровьему Валу и по большой Серпуховке до Александровских казарм; там он должен был войти в связь с 55-м полком и наблюдать за оставшимися юнкерами в школе прапорщиков;

2-й отряд под командованием Макса (убит в 1918 г. на войне при наступлении немцев на Украину) по Малой Серпуховке. Последний отряд был послан в сторону Хамовников к Крымскому мосту. Для наблюдения за этим мостом был выслан отряд Варшавского арматурного завода (человек в 20—30), который на заводе имел свой штаб-квартиру.

26-го октября ночью было получено распоряжение от Московского Революционного комитета о присылке ему подкрепления. Были вооружены русскими винтовками из запасов завода Михельсона 125 двинцев, которые пошли на подмогу к Московскому Революционному комитету.

Первая стычка произошла на Красной площади, и часть двинцев прорвалась к Московскому совету; кажется человек 70 из 125.

Тем временем рабочие Варшавского арматурного завода повели наступление на Крымский мост. К утру юнкера отошли от моста к продовольственному магазину.

Товарищами работницами под руководством Александра Калинина на Серпуховской площади в бывшем кафе «Франция» был организован летучий санитарный отряд, на который напала вооруженная группа студентов под командой какого-то корнета. Санитарки отряда немедленно сообщили об этом в штаб. Был выслан отряд Томашевского и на углу Стремянного переулка,

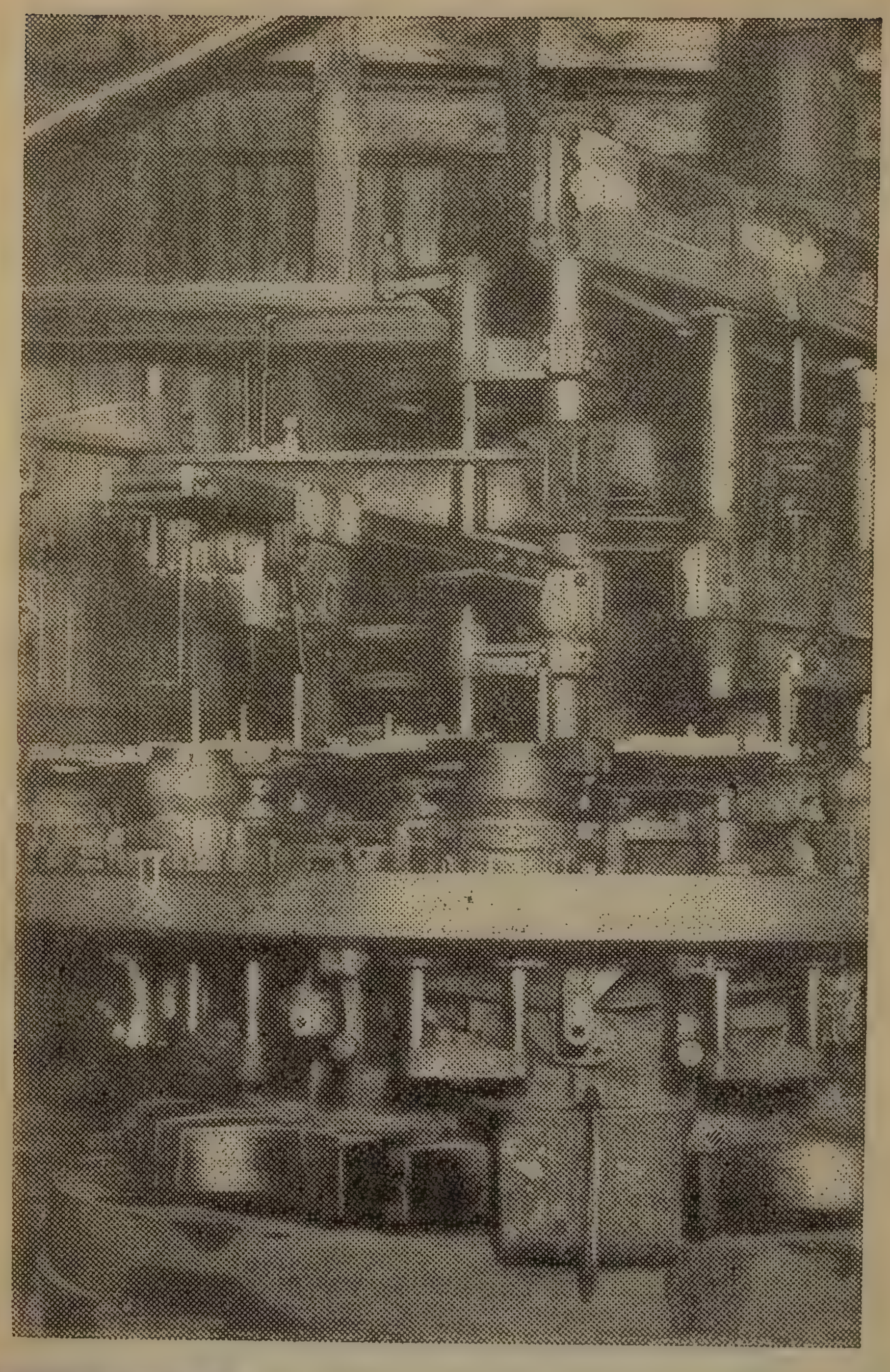
при встрече отряда с группой студентов Коммерческого института в 10—12 человек, произошла перестрелка, в результате которой один студент был убит, два арестованы, а остальные разбежались.

В Московском коммерческом институте студенты и курсистки, получив от комитета общественных организаций вооружение, проектировали произвести в тылу Замоскворечья ряд вылазок против вооруженных рабочих Замоскворечья. Немедленно было дано распоряжение через представителя 55-го полка солдата Алексеева с ротой солдат оцепить Коммерческий институт, обезоружить отряды студентов и направить их в Серпуховской арестный дом. По приходе отряда т. Алексеева на требование добровольной сдачи студенты ответили выстрелами, но под натиском солдат принуждены были сдаться и под конвоем были направлены в Серпуховский арестный дом. Под утро главари их (энесовец *Закс* и эсер *Атабекьян*) были допрошены комиссией, назначенной Военно-революционным комитетом. При опросе обнаружилось, что указанные студенты, связанные с комитетом общественных организаций, перевезли оружие в Коммерческий институт (это было днем) и организовали эти отряды. По распоряжению Революционного комитета все арестованные были оставлены под арестом и только 1 ноября под расписку, что каждый из них не будет с оружием выступать против рабочих и советской власти, были отпущены на свободу. Всего их было около 200—250 человек.

С 27-го числа со всех заводов и фабрик района начали стекаться отряды рабочих в штаб Революционного комитета с требованием вооружения их для участия в боевых действиях. День 27 октября прошел в организации этих отрядов, причем, ввиду малого количества оружия, не все рабочие были вооружены и только часть их, вооруженная, направлялась на те или другие участки боя. Одновременно Революционный комитет направил специальных комиссаров для занятия милицейских участков.

Наиболее важными стратегическими пунктами района были участки у Каменного и Москворецкого мостов и в особенности район Крымского моста и Остоженки, где главным образом и происходили бои.

У большого Каменного моста нашему району приходилось выдерживать натиск юнкеров, которые засели в Кремле и храме Христа спасителя. Этот участок был важен, во-первых в том отношении, что здесь лежал главный путь из центра. В Замоскворечье Каменный мост был своего рода воротами Замоскворечья, во-вторых этот участок лежал по линии наиболее близкого соприкосновения, наконец, здесь находилась трамвайная электрическая станция с боевыми центрами белогвардейцев. Противник неоднократно делал попытки прорваться через большой Каменный мост в Замоскворечье, чтобы захватить станцию и нанести нам удар в самом центре района, зная, что наши силы в значительной мере оттянуты боями на Остоженке. Но все эти попытки, благодаря

[redacted] Новая машина, освобождающая нас от импорта, изготовленная на заводе „Стекломашина". [redacted]

стойкой героической борьбе красногвардейцев и солдат окончились неудачей. Большая роль в борьбе на этом участке выпала на долю рабочих трамвайной электрической станции, Эйнем, Густав Лист и др.

Вот как описывается одно из таких выступлений в воспоминаниях тт. *Радина, Прокопенко* и *Мышкина*.

> «На нескольких грузовиках хорошо вооруженные юнкера двинулись с большого Каменного моста по Всехсвятской улице по направлению к Б. Полянке, наши посты во-время заметили движущиеся огни, сообщили отрядам, находящимся на Центральной трамвайной станции, последние залегли на обе стороны улицы в канавах и когда автомобили приблизились на незначительное расстояние, дали по ним несколько залпов, юнкера от неожиданности растерялись и бежали, оставив на месте несколько винтовок».

Большое значение в смысле стратегическом имела электрическая станция 1886 г. Еще в самом начале боев эта станция была занята нашим отрядом красногвардейцев.

> «В дальнейшем электрическая станция в наших руках сыграла крупную роль. По приказанию Военно-революционного комитета были выключены из сети освещения инженером-коммунистом Броннером и остались без света все белогвардейские участки».
>
> (Сб. «Красное Замоскворечье», стр. 107.)

Наличие в наших руках трамвайной электрической станции обеспечило использование трамвайного парка, который предоставлял нам трамвай для перевозки продовольствия, оружия, войск и т. д.

> «Когда часть Садового кольца была перерезана юнкерами, то трамвайщики Замоскворецкого парка: *Апаксв* и др., завесив чугунными листами переднюю площадку, разъезжали по поручениям в самых опасных местах с небольшой охраной».
>
> (Там же, стр. 107—108.)

Однако, на этих участках боевые действия за исключением первых дней свелись, главным образом, к перестрелке с юнкерами, которая, правда, не прекращалась до самого окончания боев.

Главное внимание и силы нашего района были брошены на участок Крымского моста и Остоженки, где велись ожесточенные бои против штаба Московского Военного округа, который был весьма важным пунктом концентрации белогвардейских сил. По предписанию Ревкома дружина солдат в 60 чел. под командой т. *Пана* направилась к Крымскому мосту; отсюда после перестрелки с юнкерами, находящимися в лицее, подошли к Крымской площади.

В составе отряда рабочих входили — рабочие телефонно-телеграфного завода, завода «Поставщик», завода Михельсона, и Варшавско-арматурного завода. На углу Крымской площади дружинники рассыпавшись в цепь и открыв огонь, начали пробиваться по Остоженке к штабу Военного округа.

При продвижении было несколько раненых: ранен в руку т. *Петр Добрынин* — рабочий телеграфно-телефонного завода, который несмотря на ранение остался на посту и в дальнейшем руководил боем в районе Остоженки и Пречистенки. Петр Добрынин молодой рабочий-большевик, самоотверженный революционер, в дальнейшем, до своего второго ранения и смерти, не будучи военным, проявил себя как великолепный командир.

Рабочие отряды по Остоженке цепью дошли до угла Коробейниковского переулка, где на углу дома № 33 имелась почная чайная. В этой чайной в дальнейшем и находился штаб Остоженско-Пречистенского района. В этом месте Остоженка делает изгиб, что дало возможность укрепиться отряду. Немедленно были привезены из Замоскворечья тюки с хлопком, которыми загородили Остоженку около чайной и под их прикрытием начали рыть окопы поперек Остоженки. Окопы были для стрельбы с колена; мало приспособленные, они в дождливые дни заливались водой.

Одновременно часть отряда пошла для разведки по Мансуровскому переулку на Пречистенку, а оттуда маленькой группой, перебегая пыталась вдоль стены подойти к Московскому Военному округу; пройдя пожарную каланчу Пречистенской части, она была отбита пулеметным огнем, открытым из Московского Военного округа. Отойдя к углу Мансуровского переулка, Пречистенский отряд вырыл окоп и на Пречистенке. На Пречистенке Замоскворецкие отряды слились с группками красногвардейцев Хамовнического района, под общей командой нашего штаба на Остоженке. Штаб отряда помещался в вышеуказанной чайной. Здесь после смены отдыхали отряды красногвардейцев, сюда прибывали пополнения из района, находился продовольственный отряд, главный перевязочный пункт и санитарные летучки. По продовольственному и санитарному делу в нашем штабе работали сестры тт. *Кравчук* и *Замогильная Полина.*

28 октября ночью было перевезено 3 французских орудия на Калужскую площадь; одно орудие было выставлено за Варшавско-арматурным заводом и *Павел Карлович Штеренберг* с т. *Уваровым* поехали на легковой машине в Мытищи за 6-дюймовыми снарядами. Снаряды эти оказались негодными для данных орудий.

29-го числа продолжалось дальнейшее укрепление на занятых позициях. Одновременно по Коробейниковскому пер. и 3-му Зачатьевскому пер., выходящим на Остоженку, был занят женский Зачатьевский монастырь. Занятие монастыря было произведено двумя отрядами. Один состоял из рабочих «Поставщик» под командой *Смирнова*, а другой — из сапер 3-го Ржевского сапер-

ного батальона, которые имели порядочные запасы патронов. Оба отряда придя в Зачатьевский монастырь разделили его на два участка: правую сторону заняли рабочие завода «Поставщик», а левую заняли саперы, которыми командовал один из унтер-офицеров. Со стороны Зачатьевского монастыря велась перестрелка с юнкерами, засевшими в угловом доме Остоженки № 17/15. Все боевые операции Остоженского района были направлены к тому, чтобы с правого фланга — от Зачатьевского монастыря и, по возможности, с Москворецкой набережной выйти по Савеловскому переулку в тыл штаба Московского Военного округа, одновременно прикрывая свой левый Пречистенский фланг от возможного обхода юнкерами.

В эту ночь был переброшен пулемет из штаба Замоскворечья и поставлен на колокольню Зачатьевского монастыря. На утро пулемет был перенесен в иконописную мастерскую, окна заставили иконами, чтобы не было видно его со стороны улицы. Снабжались оба отряда продовольствием из запасов Зачатьевского монастыря.

В ночь с 30 на 31 октября велся усиленный обстрел со стороны юнкеров по направлению к Зачатьевскому монастырю; ими делалась попытка подойти ближе к монастырю, особенно к воротам, которые были справа. Однако, наши отряды эту вылазку отбили. Следующее утро и день перестрелка велась тише, так как у нас было мало патронов.

Подозрения в возможности стрельбы из домов, прилегающих к занятым отрядами красногвардейцев улиц, усилились; поэтому был выделен особый отряд, в состав которого вошли тт. *Ауксиэ* (по прозвищу «*Братко*»), рабочий Варшавского арматурного завода, *Юрий Мышкин* и еще ряд товарищей. Они обыскали все прилегающие дома указанного района с целью обнаружения белогвардейцев и порчи телефонных проводов, чтобы не дать засевшим в этих домах белогвардейцам держать связь и давать сведения белогвардейскому штабу о наших продвижениях. Этот же отряд вел разведку, пробираясь через стены между домами к штабу Московского Военного округа, доходя до Борыковского переулка между Остоженкой. Состояние всех отрядов было бодрое; периодически, через каждые полдня, из штаба Военно-революционного комитета Замоскворецкого района присылались смены.

30 октября на площади Зачатьевского монастыря т. *Добрынин,* командир Остоженского участка, желая своим личным примером увлечь отряд красногвардейцев из Зачатьевского монастыря, по 3-му Зачатьевскому пер., для занятия углового дома № 17/15 на Остоженке, был ранен. Падая под ударом белогвардейской пули он крикнул: «Да здравствует революция». Мы не сумели его подобрать, а подобрали его белогвардейские сестры штаба Московского Военного округа. Впоследствии эти сестры рассказывали, что т. Добрынин был ранен разрывной пулей в живот, перед смертью очень мучился, и все просил пристрелить

его, чтобы избавиться от мучительной боли. Одновременно тут же была убита, наряду с товарищами красногвардейцами, и т. *Люся Лисинова*, в то время как она оказывала помощь раненым. Это была тяжелая потеря. Тов. Добрынин в течение трех суток руководил боями на этом участке. После его смерти командование перешло к товарищам *Арутюнянцу* и *Мышкину*, которые по обоюдному согласию решили командовать «коллегиально» — вдвоем, о чем немедленно довели до сведения Ревкома Замоскворецкого района, утвердившего их решение.

30 октября в 5 часов вечера начался обстрел штаба Московского военного округа. Приехали тт. *Уваров* и *Штеренберг*, привезли шесть снарядов, но к снарядам вдруг не оказалось запалов. На помощь им пришел один инженер-химик, который в течение одной ночи приготовил для этих снарядов 6 запалов.

31 октября юнкера предприняли обходное фланговое движение с Арбата по Левшинскому переулку на Пречистенку в тыл окопа, находившегося у Мансуровского пер. (на Пречистенке). Красногвардейцы не растерявшись, немедленно заняли дом на углу Мансуровского пер. по Пречистенке, выходящий лицом к Левшинскому пер., засели в комнатах этого дома у окон, выходящих на Левшинский пер. и продавив стекла, лежа у подоконников, открыли огонь вдоль Левшинского пер. Одновременно другая группа красногвардейцев этого окопа полезла на крышу соседнего шестиэтажного дома на углу Пречистенки и Еропинского пер., откуда также открыла огонь по Левшинскому пер. Эта находчивость красногвардейцев дала возможность в течение очень короткого времени отогнать наступающую группу юнкеров с Левшинского переулка и ликвидировать их обходное движение.

Ревком Замоскворечья неоднократно ставил вопрос перед Московским Ревкомом о необходимости открытия артиллерийского огня по противнику, чтобы дать возможность красногвардейцам под его прикрытием двинуться вперед и занять штаб Московского Военного округа.

Вечером 31 числа отряд, находившийся в Зачатьевском монастыре, постепенно сильным огнем оттеснил юнкеров к углу 1-го Зачатьевского пер. (на Остоженке) и вышел к дому № 17 (по Новому 15) по Остоженке, который был занят. Тут был выдвинут окоп по Остоженке на расстоянии 1—1½ квартала от окопа юнкеров, находившегося у штаба Военного округа. В эту же ночь из Ревкома Замоскворечья было получено приказание в связи с перемирием, заключенным Революционным комитетом с полковником Рябцевым, прекратить всякие боевые действия.

Однако, фактически боевые действия на этом участке не прекратились. Примерно, в это же время был прорыв юнкеров у Смоленского рынка по бульвару по направлению к Зубовской площади, где вел бои Хамовнический район.

1 ноября в штаб поступило донесение, что колонны казаков двигаются по Серпуховскому шоссе к нам в тыл из Каширы и

в этот же день был послан т. *Карпов*, как казак, выяснить, в чем дело, а Пану было дано задание укрепить район Серпуховской заставы. Тов. Карпову удалось приостановить движение казаков.

В тот же день открыли огонь из орудия, которое стояло у Крымского моста, по Кремлю.

> «Я помню, — рассказывает Пан в своих воспоминаниях, — подхожу я к этому орудию и вижу — на дуле его сидит солдат с ниточкой и церковной свечкой, делает крест и берет по этому кресту прицел, так как при орудии не было панорамы, чтобы можно было точно взять прицел».

Снаряды давали недолет и перелет. Один снаряд попал в тыл наших окопов в Мансуровском пер., пробил крышу большого дома.

После артиллерийского огня настроение красногвардейцев поднялось, они начали частую перестрелку с юнкерами.

2 октября было получено сообщение о том, что заключено перемирие.

По получении приказа о заключении перемирия и прекращения стрельбы отряд под командой *Смирнова* вышел из Зачатьевского монастыря и направился к Московскому штабу Военного округа. Вот как Смирнов описывает занятие штаба МВО.

> «Подойдя к окопу МВО, который был вырыт по пояс, где были наложены штабеля дров и лежали железные койки, окрученные колючей проволокой, мы увидели несколько юнкеров, которые до нашего прихода еще не успели получить распоряжение от командира выйти из окопа. Около окопа у стены был сделан маленький проход, по которому мы прошли к воротам штаба Московского Военного округа. У ворот стояло две пары часовых. На предложение — «открыть ворота» — нам ответили: «Мы открывать ворота не можем, ибо нас разводящий не снял еще и не дал распоряжения о пропуске вас». Я тогда с товарищем перелез через ворота и распорядился, чтобы никого не впускали и не выпускали из ворот. Из окна было видно, как в первом и во втором этажах дома, находившиеся там юнкера переодевались в солдатские шинели, у них можно было видеть массу шоколада, какао, хлеба в то время, как наши голодали.
>
> В этот момент подбегает солдат *Маслаков*, который был членом совета и которого юнкера арестовали и посадили в подвал, и заявил, что здесь имеется касса с наличием 100 000 рублей денег. Я откомандировал Маликова и еще одного товарища (фамилии не помню) и дал распоряжение никого к кассе не допускать и денег не выдавать без моего разрешения. В этот момент стали стаскивать пулеметы, которые были расположены на чердаках и в верхних этажах штаба в количестве 12 штук. Подбегает часовой и говорит,

что пришел начальник нашего участка, *Петр Арутюнянц*, и человек 30—40 красногвардейцев, впускать их или нет. Я распорядился впустить их. В этот же момент начальник команды юнкеров выстроил свою команду, и передо мной встал вопрос, куда девать их. Этот вопрос разрешил Арутюнянц, который приказал их отправить в Серпуховской арестный дом. Несмотря на то, что офицеры протестовали, показывая приказ о разрешении сохранения оружия, наши товарищи обезоружили их, забрав имеющиеся у них шашки и револьверы. Человек 6—7 моих ребят были отправлены для сопровождения юнкеров 3-й школы прапорщиков. Я с остальными товарищами стал просить Арутюнянца, чтобы он сменил нас и принял штаб Московского военного округа. Я ему сдал 8 машин, 4 мотоцикла и все орудия, которые там находились».

На следующее утро был назначен начальник Московского военного округа, которому и был сдан штаб.

Героическая борьба увенчалась победой.

С тех пор прошло 15 лет. Замоскворецкий пролетариат за эти годы давал не раз образцы подлинного героизма как на фронте гражданской войны, так и на фронте социалистического строительства. В корне изменилось лицо большинства фабрик и заводов района. Колоссально выросла партийная организация и ее верная смена — комсомол.

Бурной волной развернулись соцсоревнование и ударничество, десятки и сотни тысяч рабочих втянуты активно в социалистическое строительство.

Тот революционный подъем, которым были охвачены рабочие и солдатские массы в Октябрьские дни, теперь направлен на мирное социалистическое строительство.

На страже завоеваний Октябрьской революции стоят уже не кое-как вооруженные, неопытные в военном деле красногвардейцы, а мощная, хорошо вооруженная рабоче-крестьянская Красная армия.

Впереди нам предстоят бои с мировым капиталом. Мир быстрыми шагами подходит к новому туру революций и войн.

В этих условиях опыт Октябрьского восстания, приведшего к победе рабочего класса в нашей стране и открывшего тем самым новую эру в истории человечества, должен стать предметом тщательного изучения со стороны братских компартий, со стороны мирового пролетариата, а память о его славных героях навсегда запечатлеется в сознании миллионов трудящегося человечества всего мира и будет воодушевлять его на новые и новые революционные битвы и победы.

Л. ШУШКОВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЗОР

I

Москва-река, бульвары, густой строй высоких каменных домов, этажи жилых помещений над витринами магазинов, — такова первая зона Ленинского района.

Вторая зона, простирающаяся до Садового кольца, разбавлена мелкими строениями. Здесь меньше учреждений, меньше магазинов, больше деревянных домов.

За Садовым кольцом до Камер-коллежского вала тянется третья зона. Здесь дома вовсе мелки и благоустройство их на крайне низком уровне. Зато — много крупных фабрик и заводов. Новые, огромные корпуса выстроены рабочей жилищно-строительной кооперацией именно здесь, вблизи предприятий. Рабочие поселки новой стройки составляют резкий контраст с мелкими, приземистыми, трухлявыми домиками, сохранившимися с дореволюционных времен.

Наконец, по ту сторону Камер-коллежского вала, находится четвертая и последняя зона. Здесь также расположены крупнейшие промышленные предприятия района. Развитие и застройка этой зоны; еще вчера являвшейся пригородом, дело ближайшего будущего. В настоящее время здесь имеются лишь одноэтажные деревянные домики, в большинстве лишенные даже элементарного благоустройства.

Территория, занимаемая сейчас Ленинским районом, составляет 2 894 га и фактически в два раза больше той территории, которая охватывалась границами района в 1917 г.; она расширена за счет вновь присоединенных, экономически тяготевших к району, пригородов: Воробьевых гор и Нижних и Верхних Котлов.

В районе живут 396 000 человек, среди которых рабочего населения 46 процентов, служащих 29 процентов, младшего обслуживающего персонала и прочих пролетарских групп около 20 процентов.

Население в районе за 1931 год увеличилось на 46 тысяч человек.

Основная масса ленинского пролетариата занята в промышленности (около 90 тысяч человек), на строительстве (37 000) и в госучреждениях (свыше 23 000). Процент женщин среди работающих достигает 38.

В районе имеется 3 142 домовладения, общий размер жилой площади составляет 1 511 тысяч квадратных метров.

За время революции в районе выстроено 309 тыс. кв. метров. Другими словами, *пятая часть всей жилой площади в районе приходится на новые, выстроенные за время революции, дома.*

Основное жилстроительство за годы революции проводилось жилищно-строительной кооперацией, которая выстроила не мало домов в районе: Ленинское районное РЖСКТ имеет в своем распоряжении 163 тыс. кв. метров жилой площади (24 тыс. человек пайщиков), РЖСКТ при заводе им. Вл. Ильича — 31 000 кв. метров жилой площади (2 047 человек пайщиков), РЖСКТ при заводе «Красный пролетарий» — 23 000 кв. метров (1 800 человек пайщиков).

Однако рост населения и качество строений, доставшихся нам в наследство от купеческого Замоскворечья, требует больше новой площади для смягчения жилищного кризиса, чем выстроено до сих пор.

Ленинский район не избежал общей для Москвы «прелести» — планировки жилстроительства б. городской управы. Рядом с домом-карликом, деревянным одноэтажным домиком, строились крупные многоэтажные здания без учета перспектив развития, без всякой планировки, без соблюдения зачастую и чисто строительных правил, а отсюда, как следствие, получилась плотность застройки, густота, нагроможденность строений.

Резкое изменение в размещении жилого фонда, благоустройства внесла Октябрьская революция в Ленинском районе. Если в первые годы революции строительства не было, то начиная с 1924 г. строительство жилых домов начинает проводиться исключительно форсированным темпом.

Устраняется разница между центром и окраиной. Почти все новое строительство концентрируется на бывших «окраинах» района. На пустырях, на месте мелких деревянных домиков, — ряд новых рабочих городков, насчитывающих по 6—10 тысяч человек населения.

На Мытной ул., 23 — 10 корпусов, в которых живут 6 000 человек населения.

На Б. Серпуховской ул. — 30 корпусов с 10 000-ным населением.

На Тульской ул. — 10 корпусов с 7 000-ным населением.

На Хавско-шаболовском поселке — 16 корпусов с 8 000-ным населением.

Дома нового строительства отличаются от строительства царского времени, помимо их основного назначения — жилье для рабочих, — еще и тем, что они благоустроены, решительно все имеют:

Научно-исследовательский институт прикладной минералогии возник вскоре после победы пролетарской революции, своей научной работой заслужил мировую известность.

электричество, водопровод, канализацию, центральное отопление, огромное большинство из них имеют ванные, газ, а многоэтажные дома — лифты.

Поселки внешне благоустроены — озеленены, радиофицированы и имеют все основные элементы культурного обслуживания трудящегося населения домов: прачечные, ясли, детсады, клубы, красные уголки, передвижные библиотеки, сберкассы и пр.

К этим особенностям, резко отличающим советское жилстроительство от прошлого, надо еще добавить то, что все дома каменные, шлако-бетонные, четырех, пяти и свыше этажей, что большинство из них, особенно после исторического июньского пленума ЦК, богато архитектурно оформляются, чем вносится украшение в общую систему городского хозяйства.

Резко изменилось за годы революции благоустройство района: водопровод и канализация развивались главным образом за счет прокладки на окраине и в новых кварталах района.

На 12 километров увеличилась линия водопровода, захватив окраину. На 10 километров расширена канализационная сеть. С 40 до 60 километров увеличилась трамвайная сеть — новые пути проложены главным образом на окраины и заставы. Автобусное сообщение, совершенно неизвестное до революции, составляет по километражу линий в районе — 55 километров.

Значительные изменения произошли с покрытиями улиц. Прежде только единственная маленькая улица — Балчуг — обладала усовершенствованным покрытием. *Теперь 16 процентов всей площади в районе находится под асфальтом и брусчаткой.* Во всем районе всего лишь 74 тысячи квадратных метров (6 проц.) не имеют еще мостовой, но в самом ближайшем будущем и эти последние 6 процентов площади будут замощены.

Мы улучшаем благоустройство домов, увеличиваем зону зеленых насаждений. В одном только 1932 году было посажено 172 тысячи новых деревьев и 376 тысяч кустарников.

Былое купеческое Замоскворечье превращается в высококультурный рабочий Ленинский район.

■

Общий подъем в районе, изменение его лица, неизмеримый рост его культурного значения — все это является результатом твердого и решительного осуществления генеральной линии партии.

Если мы проследим развитие экономических и производственных сил в Ленинском районе за время первой пятилетки, мы отчетливо увидим крупные изменения, происшедшие за истекшие пять лет внутри отраслевой структуры промышленности района.

В 1927/28 году большая часть Замоскворецкого района, составляющая ныне Ленинский район, имела 58 различных предприятий. В них было занято 32 тысячи человек. Стоимость вало-

вой продукции в ценах того же 1927/28 года определялась в 234 миллиона рублей.

В течение первой пятилетки подвергались коренной реконструкции многие старые заводы и фабрики. *Пущено в эксплоатацию 21 новое предприятие.* В промышленность района вовлечены новые десятки тысяч рабочих. Стоимость продукции по плану 1932 г. (в ценах 1926/27 г.) — 636 миллионов рублей.

Первая и вторая станции МГЭС, находящиеся в Ленинском районе, настолько технически перевооружены, что за девять месяцев 1932 г. отпустили значительно больше энергии, чем за весь 1927/28 год; стоимость отпуска за 1927/28 год около 20 миллионов рублей, а за 9 месяцев 1932 года — около 25 миллионов.

Накануне пятилетки в районе было 19 металлообрабатывающих предприятий. В них было занято 5 тысяч человек. Валовая стоимость продукции составляла 30 200 тысяч рублей.

Государственный [redacted]

научно-исследовательский институт нефтяной промышленности. [redacted]

Пятилетка ввела в строй 10 *новых* предприятий. Кроме того, *старые реконструированы столь основательно, что новые капиталовложения сплошь и рядом превышают стоимость былого основного фонда реконструированных заводов*. В результате на металлообрабатывающих заводах района *втрое увеличилось количество занятой рабочей силы и стоимость годовой продукции возросла с 30 миллионов до 178 500 тысяч рублей.*

Наиболее видное место в группе металлообрабатывающих предприятий занимают заводы среднего машиностроения — «Красный факел», «2-й Шарикоподшипник», 2-е отделение АМО, завод им. 1 Августа. За ними следуют заводы цветной металлургии (им. Молотова, Металлопрокатный) и станкостроительные заводы — «Красный пролетарий» и Станкозавод.

Удельный вес продукции Станкозавода еще незначителен: завод не вышел из пускового периода. Когда коллектив овладеет полной его проектной мощностью, станкостроительные заводы в районе дадут 35—40 процентов всей продукции металлообрабатывающих заводов.

В группе текстильных предприятий мы имеем за пятилетку увеличение на две фабрики. Зато резко увеличилась производительность всех фабрик: с 41 миллиона рублей в 1927 г. до 60 миллионов в 1932 году.

В районе введены в строй две новых катонинных фабрики — «Знамя Октября» и «Новый хлопок», впервые в СССР наладившие массовый выпуск суррогата-хлопка, вырабатываемого из лубяных растений — льна, конопли и др.

Предприятия пищевой группы — среди них крупнейшие московские кондитерские фабрики: «Красный Октябрь», «Ударница», «Рот-фронт» и «Марат» — за время пятилетки возросли втрое и в полтора раза увеличилось количество рабочих и работниц, занятых на фабриках.

Вдвое также увеличилась выработка предприятий полиграфической группы и больше чем вдвое возросла производительность химических предприятий.

Таким образом в результате первой пятилетки все без исключения отрасли производств в районе показывают большой абсолютный рост. Резко поднялся удельный вес металлообрабатывающих предприятий. Они заняли в районе первенствующее место. В 1927 г. удельный вес металлообрабатывающих предприятий был равен 12,9 процентов. В 1932 г. он достиг 29,6 процента.

Если принять во внимание, что Станкострой еще только налаживает свое производство, что на «Красном пролетарии», на заводе имени Владимира Ильича, им. Молотова, еще не полностью завершена реконструкция, станет ясным, что в самом ближайшем будущем группа металла в районе и особенно заводы станкостроения займут не только передовое, но и ведущее положение в группе всех остальных заводов и всех остальных отраслей промышленности.

3

Экономическому и производственному росту соответствует мощный культурный подъем.

Культурный профиль Ленинского района за годы революции резко изменился.

Ленинский район из бывшего купеческого Замоскворечья превратился в культурный центр красной столицы.

На территории района в настоящее время расположены 42 научных института, 22 высших учебных заведения, 31 техникум, 13 рабфаков, 26 школ ФЗУ, 53 клуба, 47 библиотек, 85 учреждений рабочего образования, в которых производится обучение без отрыва от производства.

Кроме того в Ленинском районе расположены Центральный парк культуры и отдыха, театр Ленсовета на Б. Ордынке, 3 кинотеатра, среди них «Ударник», выстроенный в 1931 г., самый большой, звуковой кинотеатр в Москве, рассчитанный на 2000 мест. Два художественных музея в районе — Третьяковская галлерея и музей оружейной палаты — имеют мировую известность.

Все 47 школ в районе, в соответствии с постановлением ЦК партии, перестроились на базе политехнизации. Помимо того, что в договорном порядке установлена тесная связь между школами и промышленными предприятиями, при школах созданы свои собственные мастерские — слесарные, столярные, швейные, переплетные, токарные, кузнечные, механические и наборные.

При фабриках и жактах имеются 63 детсада. Наиболее крупные и благоустроенные детсады созданы при фабрике им. Фрунзе, на фабрике «Ударница», при Первой образцовой типографии. Учреждений дошкольного воспитания еще мало в районе. Детсады обслуживают около 5000 детей. Слишком мало. Это — немногим более 18 процентов детей дошкольного возраста.

Сеть рабочего образования без отрыва от производства густо разбросана по району и охватывает свыше 20 тысяч учащихся. Важнейшие из учреждения этой сети — Рабочий университет (887 учащихся), Межотраслевый техкомбинат (1281 учащихся), Промышленно-экономический комбинат (1296 учащихся), Учебно-производственный комбинат при фабрике имени Фрунзе и Станко-инструментальный техникум при заводе «Красный пролетарий».

Научных учреждений до революции вовсе не было в районе. Вся масса их (42 научно-исследовательских института, в которых работают свыше 4000 научных работников) создана в революционное время, и главным образом, в течение пятилетки.

В районе расположен ряд институтов, которым принадлежит первостепенное, всесоюзное значение: Институт инженерно-строительной гидротехники обслуживает крупнейшие социалистические ударные стройки Союза, как Магнитогорск, Бобриковское строительство, завод «Шарикоподшипник», Днепрострой, Белморстрой; Институт цветных металлов проводит в опытном порядке

Клуб фабрики „Красные текстильщики".

и в полузаводских мастерских работы, имеющие крупнейшее значение при стройке новых заводов и пуске их, обслуживая Челябинскстрой, Прибалхашстрой, Губинскую обогатительную фабрику; Институт торфяной промышленности проводит работы в области механизации торфяной промышленности, изучает природу торфа и торфяные залежи; Институт энергетики и электрификации занимается исследованием энергетических ресурсов СССР и проблемами энергетики районов СССР; Институт нефтяной промышленности разрабатывает основные технические и экономические проблемы реконструкции нефтяной промышленности, особо выделяя вопросы разведки, добычи, переработки и утилизации нефти; Институт местных стройматериалов занимается изысканием новых видов материалов на базе распространенного сырья, использования отбросов производства и упрощением технологических процессов.

Мы должны особо назвать из всего количества научных учреждений, имеющих первостепенное значение, ряд институтов, которые, помимо разрешения ими важнейших проблем, особо связаны проработкой проблемы освобождения нашей промышленности от иностранной зависимости (машины, сырье). К таким учреждениям в первую очередь надо отнести Институт кожевенной промышленности, Институт текстильной промышленности, Институт огнеупора, Институт прикладной минералогии и др.

Научные институты Ленинского района обслуживают буквально все отрасли промышленности Союза и, несмотря на краткие сроки своего существования, успели оказать нашей промышленности громадные услуги.

Высших учебных заведений в районе до революции было 2. В революционное время количество их из года в год росло и достигает к 15-й годовщине внушительной цифры — 22.

В 22 вузах и втузах обучаются 21 тысяча человек. Наиболее крупные из учебных заведений района — Московский текстильный институт, Горный, народного хозяйства им. Плеханова, Институт стали.

В техникумах района обучаются свыше 10 тысяч человек. Важнейшие техникумы — Московский медицинский техникум, Текстильный техникум, Строительный, Индустриально-педагогический и Станкоинструментальный.

В 26 школах ФЗУ Ленинского района учатся 8 350 человек. Наиболее крупные ФЗУ имеются при заводах «Красный пролетарий», Велострой, при фабриках «Красный Октябрь» и Москвошвей.

Необходимо отметить Ленинский районный дом партпросвещения. Он является центром партийной, культурной и пропагандистской работы в районе. Наиболее крупные профессиональные клубы — «Красные текстильщики», клуб при заводе им. Молотова, при 1-й Образцовой типографии, при 1 МГЭС, при заводе Владимира Ильича.

Подавляющее большинство всех учебных и научных заведений, всех учреждений дошкольного и внешкольного воспитания, всех институтов рабочего образования, всех клубов и домов партпросвещения — созданы революцией.

Купеческое Замоскворечье было оплотом тьмы и невежества, оно было районом, свято хранившим домостроевские традиции и пополнявшим черносотенные кадры тит титычей и их приказчиков. Замоскворечье в руках пролетариата, Замоскворечье революции преобразовалось за 15 лет неузнаваемо и стало культурным Ленинским районом, оно стало культурным центром красной столицы.

Мы вступаем во вторую пятилетку. Перед районом партией и правительством поставлены новые грандиозные задачи, направленные к дальнейшему подъему как в области промышленности, так и в области бытового обслуживания.

В результате первой пятилетки выдвинулись вперед металлообрабатывающие предприятия в районе.

Район стал в основном районом машиностроения и станкостроения.

В течение 2-й пятилетки, когда полностью развернет свое производство завод «Станкострой», когда развернет свое производство «Красный пролетарий», будет реконструирован завод «Шарикоподшипник» и др., при общем росте всей промышленности района эта специализация будет еще больше углублена.

Наше машиностроение сделало колоссальные успехи в развертывании производства, в освоении новых типов машин и оборудования. Но эти успехи становятся недостаточными в свете тех новых задач, которые встают перед нами.

Машиностроение должно сделать новые, еще более крупные шаги вперед, чтобы стать основой технического перевооружения народного хозяйства, чтобы окончательно закрепить экономическую независимость СССР.

Ленинский район сыграет крупную роль в осуществлении этой проблемы.

План 2-й пятилетки по промышленности района предусматривает перспективу прогрессирующего развития и резкого роста выпуска продукции (в 2,5—3 раза) и освоения ряда новых машин.

По отдельным предприятиям намечены следующие планы развития.

«Красный пролетарий» в 1937 г. должен дать продукции на 60 млн. рублей, рост против 1932 г. — 180 процентов. При этом, начиная уже с будущего года, завод форсирует производство станков; в 1932 г. завод должен дать 368 станков ДИП, а в 1937 г. — 3 735. Многорезцовых станков — «Санстренды» — намечено выпустить: 50 шт. в 1932 г. и 600 штук в 1937 г.

В течение второй пятилетки капиталовложения в завод «Красный пролетарий» составляет 21 миллион рублей.

Станкострой в 1937 году должен дать продукции на 68 млн. руб. против 6 млн. руб. в 1932 году, достигая огромного роста выпуска важнейших новых совершенных машин: вместо 300 станков по плану 1932 г. — 6200 в 1937 г.

Капиталовложения во второй пятилетке намечены на 19 млн. руб.

Завод имени Карпова в пять раз увеличит свою производительность к концу второй пятилетки и даст продукции на 66 млн. руб. Капиталовложения на реконструкцию будут составлять 13 млн. руб.

Там, где была свалка...

...вырос огромный Парк культуры и отдыха...

В соответствии с этим ростом промышленности намечен рост во всех остальных областях: расширяется общественное питание (оно будет обслуживать к концу второй пятилетки 426 тыс. человек против 170 тыс. в 1932 г.), развивается советская торговля, увеличивается товаропроводящая сеть.

Контрольные цифры предусматривают создание 1200 тыс. кв. метров жилплощади. Будут построены также 4 бани, 9 механизированных прачечных.

В фабрично-заводских десятилетках будут обучаться 82 тыс. человек (в 1932 г. 45 тыс.), построено будет 10 новых школ.

Дошкольное воспитание, недостаточное в настоящее время (5 тыс. детей) будет развернуто до размеров, позволяющих охватить 31 тыс. детей и дать тем самым возможность большему количеству женщин принимать участие в производстве. Дошкольных предприятий в 1937 г. будет 106 вместо теперешних 64.

Одновременно с развертыванием большой программы строительства предусмотрена реконструкция района.

В основу реконструкции на второе пятилетие кладется планировка, предусматривающая нормальное расположение жилых и производственных зон. Вывод из центральной части района некоторых предприятий, решительное оформление улиц за счет сноса мелких деревянных домиков, надстройка этажей, строительство новых крупных домов, усиленное озеленение района, расширение магистралей, — обеспечивают социалистическую планировку района.

Основной магистралью района явится Новая улица — объединение Б. и М. Ордынки. Кольцо «А» пройдет внутри района по Климентовскому, Толмачевскому переулку на Б. Ордынку к набережной.

С территории района Китай-города выводятся все жилые помещения; эта часть будет административно-политическим центром всей Москвы.

В целях реконструкции топливно-энергетического хозяйства, предусмотрено в течение 2-й пятилетки построить в районе и ввести в 1934 г. в эксплоатацию Ленинскую теплоэлектроцентраль, с мощностью в 150 тыс. киловатт-часов.

Постройка теплоэлектроцентрали, помимо большого значения в разрешении вопроса освобождения от дальнепривозимого топлива, даст большой эффект в росте потребления электроэнергии на бытовые нужды населения и тепловую потребность промышленности.

Увеличение количества автобусов, введение новых маршрутов (24), дальнейшее и значительное развитие трамвайной сети (завершение кольца Камер-колежского валла, прокладка ряда новых линий на окраинах района), — все это должно расширить проблему городского транспорта и обеспечить бесперебойную подвижность населения.

Во 2-й пятилетке предусмотрено дальнейшее внедрение усо-

вершенствованных мостовых, в результате чего 65% всей общей площади проездов района будет иметь усовершенствованное замощение (вместо 16% в 1932 г.).

В связи с началом работ по обводнению Москвы-реки и устройства в Москве первоклассного речного порта, район получает особенные перспективы развития: район будет иметь пассажирские пристани и товарные гавани вдоль набережной реки (по Андреевскому каналу).

Москва-река и река Яуза в пределах района должны быть окаймлены художественно-оформленными набережными.

В связи с поднятием уровня Москвы-реки для обеспечения непрерывного сообщения по реке, уничтожается Бабьегородская плотина (уровень реки будет поднят на 3 метра). Одновременно предусматривается большая работа по реконструкции существующих мостов.

Важнейшими работами явятся: сооружение новых мостов — Симоновского у Дворца советов, и Голутвинского — у фабрики «Кр. Октябрь», взамен Б. Каменного и Крымского.

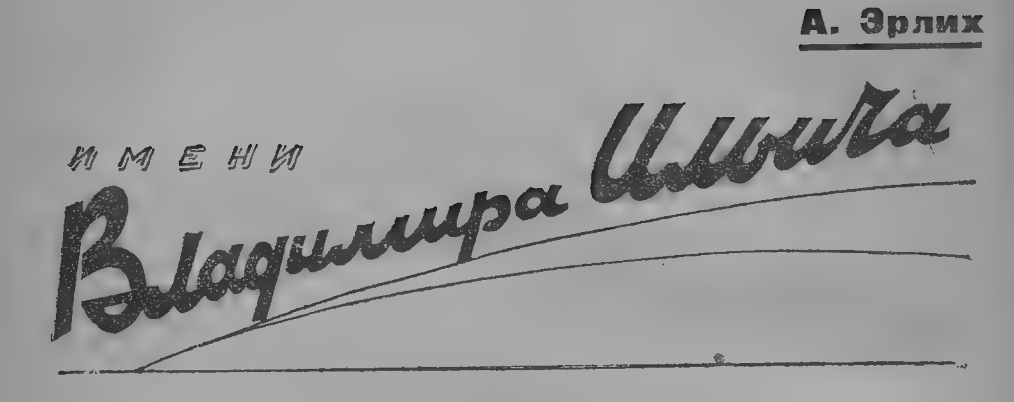
Одновременно предусмотрены сооружения вдоль всего протяжения набережных — подпорные стены и замощение откосов бетонными плитами.

Блестящий опыт первой пятилетки убеждает, что под руководством партии, при твердом, решительном отпоре всяким оппортунистическим, правым и «левым» пособникам классовых врагов — мы реализуем новые планы новой пятилетки также успешно, как план пятилетки минувшей, первой, завершенной нами в четыре великих исторических года.

Завод им. В. Молотова. Продувка медеплавильной печи.

А. Эрлих

I

Первой гильдии купец Василий Яковлевич Гоппер владел полвека заводом, расположенным в Замоскворечьи.

Некогда маленькое предприятие, едва справлявшееся с ремонтными поручениями более крупных московских фабрик и заводов, в шестидесятых и семидесятых годах прошлого столетия начало быстро развиваться. Хозяин богател, капиталы его возрастали. Купец первой гильдии, конкурируя с именитыми московскими тузами, заводчиками и фабрикантами, переоборудовал и расширил свой завод. Он приобрел заграницей серию новых токарных станков, ручные краны, паровые молоты, выстроил вагранку. Постепенно, входя в силу, он выписал также специальные станки лобовые, сверлильные, фрезерные и, наконец, высшее достижение тогдашней техники — великолепный 20-тонный механический кран.

Гоппер покончил с мелкими ремонтными поручениями. Он возвысился до производства паровых машин. Предприятие ремонтного характера превратилось в значительный завод с самостоятельным производством.

Завод паровых машин в варварской России, тяжелая индустрия в стране сохи и лаптей, машиностроительное производство в ситцевой столице — Гоппер мог гордиться успехами. Завод его выплавлял в год в среднем 4 800 тонн чугуна. Валовая стоимость продукции достигала трех миллионов рублей.

Вскоре, однако, конвенция Германии с Россией заставила Гоппера переменить фронт. Когда из Германии начался усиленный ввоз машин в Россию, Гоппер свернул производство паровых машин. Конкурировать с индустрией Германии было бы равно-

сильно самоубийству. Завод, руководимый уже новым поколением Гопперов, сыновьями, удачно выбрал новое производство: трансмиссионные части. Ременные и канатные шкивы, муфты, подшипники, подвески и прочие мелкие части — разумеется, были куда скромнее прежних тяжелых машин, но оказались не менее выгодными.

Наследники старика Гоппера умножали свои капиталы, эксплоатируя рабочих по утонченным, английским методам: широко практиковались сверхурочные работы, для соблазна рабочих применялась так называемая «работа на премию» (сделай деталь вдвое быстрее, получишь маленькую награду), десятичасовой рабочий день, штрафы, эксплоатация подростков, оплачиваемых по четвертаку в день, но с перспективой — спустя год хозяин будет платить на гривенник больше — все это из года в год увеличивало капиталы Гоппера тем ощутимее, чем более возрастала валовая выработка и чем скорее оборачивались средства.

Еще в девяностых годах прошлого столетия на заводе созданы были революционные марксистские кружки. Кружком в модельном цехе руководил т. Лядов.

К 1905 году — году первой революции — завод Гоппера был одним из крупнейших заводов Москвы. Рабочие-гопперовцы, отлично усвоившие все прелести капиталистической эксплоатации, выступили в первых шеренгах революции. В 1905 году они столкнулись с классовым врагом в открытой схватке.

2

Зима. Лютая зима далекого, 1905 года. Царская Россия, ослабленная на полях Манчжурии, но еще достаточно крепкая, чтобы противостоять внутреннему революционному напору, — готовилась к решительному удару по рабочему движению.

Металлозаводчики Московской губернии собрались на заседание. Цвет российской буржуазии, охраняемый полицией и жандармами, вырабатывал план наступления на рабочих. Будущее представлялось буржуазии грозным. Надо было задушить революцию. Но как? В разных частях страны пробовали отвечать рабочим голосами винтовочных залпов. Революция нарастала. Казачьи нагайки, аресты, ссылки, локауты, шпионаж, провокация, виселицы — все средства были испробованы и все вместе они не дали желаемого результата. Революция нарастала.

— Полезно уступить, — советовали одни на московском совещании металлозаводчиков, — маленькими уступками нам еще удастся, быть может, погасить начавшийся пожар.

Так убеждали одни, испуганные ростом событий. Другие же, напротив, держались непримиримой позиции.

— Никаких переговоров с рабочими! Никаких поблажек пролетариату. Вступая в переговоры с бунтовщиками, мы как бы расписываемся в собственной слабости.

Так говорил на собрании капиталистов мистер Гоппер. Он требовал от своих коллег решимости и мужества. Каждая, сколько-нибудь значительная уступка в борьбе с рабочими, — убеждал он, — ослабит нас и усилит наших противников.

Цинизму Гоппера противопоставлены были дружные требования рабочих.

Вот главнейшие из них:

— Восьмичасовый рабочий день. Комиссия из рабочих депутатов по делам приема и увольнения рабочих, а также по вопросам заработной платы. Безусловное запрещение сверхурочных работ. Отмена работы на премию. Увеличение заработной платы на 60 процентов. Увеличение заработной платы мальчикам до 50 копеек в день. Право общих рабочих собраний, созываемых по усмотрению рабочих депутатов.

Гоппер не стал даже читать рабочих требований. Он прямо заявил, что никаких требований, как бы скромны они ни были, он выполнять не намерен.

— Бунтовщики, — так называл он бастующих рабочих, — бунтовщики должны вернуться к станкам. Они обязаны работать на прежних, издавна существующих на заводе, условиях.

Революция, между тем, достигла высшего своего развития. В Москве началось знаменитое декабрьское вооруженное восстание. На заводе Гоппера был избран стачечный комитет. Гопперу вновь были предъявлены требования рабочих. И опять он не читал их. Он распорядился:

— Вызвать эскадрон драгун.

Вечером на заводской конюшне фыркали кони. Драгуны охраняли двор.

Улица кипела. Рабочие Замоскворечья строили баррикады. Звенел снег под ногами. Вооруженные гопперовцы засели на баррикадах у Шаболовки. Выжидали атаки. Улица простиралась перед ними, вмиг опустевшая, седая, в морозном тумане. Скоро показались вдали казаки.

Силы рабочих были еще недостаточны. Казаки в конце концов сломили героическое сопротивление баррикады на Шаболовке. Разгромленные гопперовцы, отстреливаясь, теряя раненых и убитых, отступили к типографии Сытина. Здесь им удалось продержаться еще некоторое время.

Гоппер мог торжествовать. Первая схватка рабочих с капиталистами в 1905 г. окончилась поражением революции. Царское правительство жестоко разделалось с главарями рабочего движения и с лучшими представителями рабочего класса. Потянулись годы реакции, долгие годы безвременья, столыпинщины, мракобесия.

3

Десять лет спустя завод получил нового хозяина и новое имя. Он стал называться заводом Михельсона.

Михельсон выхлопотал у правительства крупную, многомиллионную ссуду, выстроил наскоро гранатный корпус, увеличил штат рабочих до 3 000 человек и начал готовить для военного министерства трехдюймовые снаряды французского образца.

Было в то время среди рабочих не мало молодых людей, папенькиных сынков, «считавших на заводе гайки». Дезертиры, укрывшиеся от военной службы, находили себе пристанище в цехах Михельсона. Папаши платили деньги. Сынки, получив отсрочку по воинской повинности, числились рабочими на предприятии, работавшем на оборону.

С другой стороны, на завод из тогдашнего Петрограда прибывало много кадровых рабочих с отличной боевой подготовкой. Они обогатили коллектив. Питерские рабочие значительно повлияли на рост революционных настроений среди рабочих.

Михельсон просчитался, как известно. Новая, победоносная революция повела особый счет прибылям и убыткам. Баланс революции принес поражение и гибель всем Михельсонам, всем капиталистам, всей буржуазии в стране.

После 1912 года на заводе созданы были больничные кассы. Кассы эти выполняли огромную революционную роль. С 1905 г., когда кадры завода были пополнены тверскими рабочими, роль касс повысилась еще больше. Через кассы выдвигались экономические требования. Через кассы объединялись революционные силы. Кассы были центром боевой рабочей общественности.

Накануне революции, в 1915 г., в ноябре на заводе Михельсона организовался революционный рабочий кружок, зародыш будущей ячейки ВКП (б). Он был по-началу весьма малочисленным.

В кружок входили: слесарь Мартынов, слесарь Уваров, токарь Стрелков, слесарь Волков, смазчик Куприянов.

Однажды вечером в квартире Куприянова во Втором павловском переулке в доме № 6, кв. 16 кипел самовар. Но хозяйка не торопилась нести его на стол. Напротив, она предпочитала заглушить клокотанье в его недрах и все подливала новой воды из ведра.

Вскоре пришли Мартынов и Волков, потом Уваров и другие. Было известно:

— Будет сегодня. В восемь часов.

В восемь влетела в квартиру шумная девушка.

— Вот это она и есть. Товарищ Люся, — сказал хозяин, снимая с гостьи пальто.

Тут только самовар был вознесен на стол. Постороннему глазу — появись он в этот вечер в квартире Куприянова — могло казаться: у Куприянова гости, собрались товарищи, пьют чай.

Люся Люсинова тихим голосом рассказывала о рабочем движении в России и на Западе. Так начал работать революционный рабочий кружок на заводе Михельсона — кружок, которому после суждено было стать большевистской ячейкой.

Состав кружка быстро увеличивался. Собирались часто и меняли квартиры для встреч: в Рогожской, в Лебяжьем переулке, на Шаболовке. Помимо Люси, пропагандистами работали здесь тт. Хлоплянкин, Фокин.

Еще не грянула революция, кружок уже связался с Московским и районным комитетом РСДРП (б).

На улицах, в цехах, в столовых, в очередях у пекарен и зеленых лавок, в казармах и лазаретах — всюду, по всей стране зрела новая революция.

Завод Михельсона готовился к ней.

4

— Выступаем. Питер гремит.

В этих трех словах, в сущности, и заключался весь доклад, сделанный 23 февраля в гранатном корпусе неким рабочим, нахлобучившим на себя чужую шапку и чужую шинель.

День 23 февраля (по старому стилю) международный день работницы. В гранатном корпусе собралось поэтому много народу. А общее нетерпение и общая готовность к революции были столь велики, что тут же решено было работу бросить и поддержать забастовавших питерцев.

Вечером в трактире «Теремок», где собирались руководы-рабочие, стало известно, что на квартиры им являться не следует, также как не следует ходить на завод. Человек сорок михельсоновцев, которым угрожал арест, три дня скрывались. А на четвертый день, как известно, произошли величайшие события.

На заводском дворе собрались рабочие. Они не шли в цехи. Гул стоял над толпой. Слухи повторялись. Нельзя было сомневаться в их основательности. Михельсоновцы, построившись шеренгами, вскоре вышли на улицу. Забастовка. Революция. Поход к думе. Дорогой решено было останавливать все фабрики и заводы, звать с собой рабочих.

Возле типографии наскочила конная и пешая полиция и разогнала михельсоновцев нагайками.

Но уже на другой день 1 марта 1917 года Москва беспрепятственно ликовала. В магазинах нехватало красных ленточек. Гремели оркестры воинских частей, маршировавших к думе и демонстрировавших свою солидарность с революцией.

На заводе Михельсона не работали с утра. В гранатном корпусе состоялось общее собрание. Выступали участники подпольного революционного кружка. Выступала Люся и другие большевики.

Михельсоновцы выбирали своих представителей в совет рабочих депутатов. Избранными оказались Лимошев и члены революционного кружка, руководимого большевичкой Люсей Люсиновой — Горбачик, Стрелков, Уваров и Волков Иван. Они не были еще большевиками — эти четверо. Формально, по крайней мере. Они стали ими несколько дней спустя.

В средине марта, после длительного перерыва, вызванного начавшейся революцией, собрался кружок. Все двадцать человек собрались на одной квартире. И говорить можно было полным голосом.

Люся громко прочитала устав большевистской партии.

— Все ли согласны с программой и уставом нашей партии? — спросила она.

Все участники кружка тут же внесли по 30 копеек, первый партийный взнос и получили членские книжки.

Первая ячейка большевистской партии на заводе Михельсона была оформлена в марте 1917 года. Первым секретарем ее был токарь Стрелков.

Ячейка эта успешно боролась за влияние на рабочих с эсерами и меньшевиками. Ячейка завоевала завком. Решающую роль в завкоме сыграли большевики. Во главе завкома были большевики, присланные районным комитетом — Фельдман, а после Колосков.

Завод Михельсона вместе с сотнями и тысячами других предприятий в стране начинал борьбу с керенщиной, с буржуазией, с мелкобуржуазными партиями, пытавшимися удерживать рабочих в рамках парламентаризма. История заводского коллектива от мартовских до октябрьских дней — это история борьбы за власть советов, история борьбы за диктатуру пролетариата.

Границы действий заводского коллектива необъятно раздвинулись. Михельсоновцы-большевики отнюдь не ограничивались борьбой внутри своего завода. Они действовали по всей Москве, они входили в соприкосновение с соседними заводами Брокар, Ганзин и Котова, с солдатами 55 полка, расквартированного в Александровских казармах, они простирали свое влияние на фронт, подготовляя армию к пролетарской революции.

На заседании завкома 22 марта 1917 года обсуждался среди прочих вопросов — такой вопрос: «Проводы солдат на фронт».

И уже тогда, в самом начале великих событий, михельсоновцы продемонстрировали большевистское отношение к войне и революции.

Подарки солдатам? Пожалуйста. Закупили михельсоновцы подарки на 3 125 рублей. Литература солдатам? Непременно должна быть заготовлена и литература. Но ни в коем случае не та, которой намерен снабдить солдат земский союз. «Русское слово», «Утро России», «Московский листок», рекомендованные земским союзом, были решительно отвергнуты. Михельсоновцы закупили на 250 рублей исключительно большевистской литературы и поручили своим представителям зачитать солдатам следующее приветствие:

«Рабочие завода Л. А. Михельсона, являющегося авангардом пролетарского движения в Замоскворечьи, шлют товарищам солдатам, отправляющимся на фронт, своей брат-

ский привет и выражают твердую уверенность, что товарищи солдаты среди грохота пушек, моря крови и груды трупов не забудут о наших основных лозунгах:

«Мир и братство народов»

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Михельсоновцы уверены, что солдаты приложат все усилия к агитации этих лозунгов среди сражающихся, для скорейшего окончания войны».

Заводской центр отлично понимал, что впереди предстоит борьба с оружием в руках. Оружие в значительном количестве было уже припрятано на заводе. Оно было захвачено в первые дни революции, едва лишь удалось свергнуть самодержавие. В те дни рабочие Иванов, Уваров, Артунянц и многие другие из революционного кружка, отправились на Зацепу, к Сибирскому торговому банку. В банке хранилось оружие варшавской полиции. Обезоружив охрану, рабочие нагрузили машину винтовками, револьверами и патронами, увезли оружие на завод и здесь спрятали так хорошо, что неоднократные попытки буржуазного правительства разыскать его — ни к чему не привели.

В июле михельсоновцы имели уже свой отряд Красной гвардии, отлично вооруженный. В июле завком состоял уже почти целиком из большевиков. Завком добился права приема и увольнения рабочих. Завком очистил коллектив от сора, от примазавшихся «папенькиных сынков» — дезертиров. Завком осуществлял контроль над производством.

Завод Михельсона был одним из немногих предприятий в стране, сразу же отстранивших от дел своих хозяев-капиталистов. Михельсоновцы еще в дни Керенского создали свою «Михельсоновскую республику», выбрали свое, рабочее правление на заводе.

5

Завод стал базой Красной гвардии в районе. К Красногвардейскому отряду михельсоновцев примыкали рабочие многих соседних заводов. Все рабочие Замоскворечья, возмущенные демонстративными выходками юнкеров, засевших в Кремле, спешно вооружались и готовились к выступлению.

В необычайный час разнесся гудок. Кто-то цикнул — «бросай работу. Сбор у завкома».

У заводского комитета четверть часа спустя собрался чуть ли не весь завод.

— Товарищи! — говорил представитель райкома — Берите оружие.

От имени замоскворецкого районного комитета большевиков он звал к захвату власти и к установлению диктатуры пролетариата. Это значило — выбить юнкеров из Кремля, захватить важнейшие правительственные учреждения. Рабочим были розданы винтовки и патроны.

Три отряда составили михельсоновцы. Один остался охранять завод. Другой отправился через Красную площадь к Московскому совету. Третий — ушел на Калужскую площадь.

Был ветренный октябрьский вечер. Была тьма. Редким и тусклым пунктиром огней светили фонари на улицах. Отряд, поступивший в распоряжение ревкома, получил задание: занять Крымский мост, пробиться на Остоженку, связаться с Хамовническими казармами.

Гремели выстрелы. Чтобы безопаснее было пройти через мост решили расстрелять все фонари на мосту и близ него. Началась пальба по стеклам и огням. Угасал, тонул в ночной октябрьской тьме Крымский мост. План удался. Отряд смог вскоре перебежать мост без всяких потерь.

Сильным орудийным и пулеметным огнем отряд преследовали на Остоженке. Но тут подвезли тюки с хлопком. Отряд забаррикадировался. Он взломал мостовую, вырыл поперек улицы окоп, чтобы удобнее было пристреливаться. Позиция на Остоженке была прочно закреплена.

Бой шел ночь и день. К вечеру следующего дня люди утомились, валились с ног.

— Люся приходила несколько раз на Остоженку. Потом явилась поддержка. Часть уставших бойцов возвратилась в ревком. В ревкоме подзакусили, несколько часов соснули, а потом все были среди ночи разбужены: формировался новый отряд. Приказано было во что бы то ни стало занять электрическую трамвайную станцию.

Отряд подбирался весьма разношерстный. Были здесь и матросы, и солдаты, и красногвардейцы разных заводов.

Представитель ревкома сказал:

— Товарищи! — сказал он. — Вы пойдете занимать самый важный, самый ответственный пункт. Кто боится пули, пусть лучше останется.

Отряд заметно поредел.

— Кто еще боится? — спрашивал Пан. — Выходи из шеренги.

Матрос, вооруженный карабином, маузером, несколькими гранатами, опоясанный через оба плеча пулеметными лентами — смущенно пробормотав: «У меня куриная слепота», тоже вышел из отряда.

— Герой... А ну, давай сюда оружие. Пригодится для моих михельсоновцев.

«Героя» разгрузили.

Отряд пошел на Полянку. В пути ему встречались и его обгоняли какие-то молодые люди с девицами. Ночь. Тьма. Выстрелы. Не время для ротозеев. Молодые люди показались подозрительными. Отряд задержал некоторых из них — за штатскими пальто оказалась юнкерская форма. Переодетых юнкеров вместе с девицами, сопровождавшими их, направили под конвоем в ревком.

У Каменного моста встретилась разведка. Разведка донесла, что электрическая станция пока еще не занята юнкерами. Надо было спешить. Редкими цепочками, под непрерывным огнем неприятеля отряд перебежал мост и тотчас же ему навстречу показался грузовик юнкеров; повидимому, и юнкера спешили на станцию. Началась ожесточенная перестрелка, стоившая многих жертв отряду, но закончившаяся победой. Трамвайная электростанция стала цитаделью большевиков. С чердаков ее можно было отлично обстреливать Кремль. Отряд наносил противнику огромный урон.

На станцию из Замоскворечья приходили бодрящие вести. К выступлению рабочих присоединяются воинские части, одна за другой. На Воробьевых горах стоит артиллерия. Наша, красная артиллерия. Не сегодня — завтра она ударит из всех жерл по Кремлю. Но приходили также и печальные известия: многих товарищей уже не досчитывались рабочие. На Остоженке убита Люся. Нет больше Люси Люсиновой, храброй девушки, руководительницы первого революционного кружка на заводе Михельсона.

— К телефону... Комендант, к телефону!

— К какому еще телефону? Откуда? — комендант михельсоновцев, боевой матрос, взял трубку.

— Я слушаю. Кто говорит? — недоумевая, спрашивал комендант.

— Из Кремля. Предлагаем вам немедленно прекратить огонь, — требовали юнкера. — В противном случае расстреляем станцию из орудий.

— Из каких орудий стрелять будете? — рассмеялся матрос.

— Передайте привет арестованным революционным солдатам 56 пехотного полка. Объявите им от имени ревкома благодарность за то, что сняли со всех ваших орудий замки и уничтожили их. До скорой встречи.

Пан приказал своему отряду усилить огонь по Кремлю.

Утром дано было распоряжение по всем районам: перейти в генеральное наступление. Юнкера были сломлены и сдались. Боевые действия прекращены. Щелкали лишь разрозненные, одиночные выстрелы. Это офицеры, не желавшие сдаваться, расстреливали свои последние патроны.

С этой минуты вся власть переходила в руки Советов. Рабочие достигли своей цели: с оружием в руках они установили диктатуру пролетариата.

Но борьба еще не окончилась. Надо было защищать завоевания Октябрьской революции. Наступали годы гражданской войны — годы восемнадцатый и девятнадцатый.

6

Гражданская война. Лучшие силы брошены на фронт, к Дону. В сердце страны нет топлива, нет сырья. Завод Михельсона стоит.

Партийная ячейка, увлекая за собой рабочих, организует собственными силами заготовку дров. Удастся заготовить и подвезти топливо, завод поработает некоторое время и опять станет.

Гремит фронт на Дону и Украине. Пылает Ярославль. Англичане высаживаются на севере. Чехи и Колчак продвигаются к Волге.

Завод Михельсона посылает все новые и новые отряды рабочих на фронт. Завод опустел.

30 августа 1918 г. состоялся в снарядно-приемочной исторический районный митинг.

Приехал Владимир Ильич.

Председатель собрания т. Иванов объявил:

— Слово предоставляется председателю Совета народных ко...

Гул, восторженный шум, громовые аплодисменты заглушили фразу председателя собрания.

Вождь великой революции произнес свою знаменитую речь: о чехословацком наступлении и продовольственном кризисе.

Враги окружают страну со всех сторон. Империалистические хищники, русская буржуазия, меньшевики и эсеры — все враждебные силы — объединились, чтобы задушить рабочую революцию. В тот вечер никому и в голову не могло притти, что враг проник на самый завод. Враг сидел в зале. Враг слушал Ленина. Враг готовил предательский выстрел.

Вождя заражал бодростью и волей к победе многочисленный рабочий митинг. Он призывал рабочих защищать Великий Октябрь и рабочие отвечали ему долго несмолкавшими аплодисментами. Он убеждал мужественно переносить лишения, голод и холод — и рабочие отвечали ему новым взрывом приветствий. Голод, холод, многочисленные лишения и даже самая смерть во имя революции, в защиту Октября — вызывали у рабочих единодушный, громовой, восторженный шум.

Ленин окончил речь свою. Он простился с товарищами. Окруженный многими михельсоновцами, он шел к выходу. Ему задавали вопросы — он охотно отвечал.

— Товарищ Ленин, почему не дают провозить хлеб? — некий гимназист в форме, молодой человек, лет восемнадцати — двадцати, особенно настойчиво засыпал Владимира Ильича вопросами.

Ленин на ходу отвечал. Он прошел уже всю залу. Он постоял несколько минут на ступеньках. Он направился к автомобилю. И в это самое время враг нажал курок. Раздалось несколько выстрелов. Ленин упал на земь.

В панике загудела толпа. Рабочие кинулись на улицу. Мальчики у ворот встревоженно указывали:

— Там... Тетенька на Большую Серпуховку побежала.

Эсерка Каплан, стрелявшая в Ленина, была задержана рабочими на стрелке, у трамвайной остановки и доставлена в военный комиссариат Замоскворецкого района.

Враг был повсюду. Он наступал с севера, с юга, с востока.

Он таился в самом центре революции и пытался вырвать из жизни величайшего вождя и вдохновителя Октябрьской революции. Враг расстраивал транспорт, взрывал заводы и фабрики.

В течение 1918 года завод Михельсона еще был в состоянии от времени до времени делать орудийные снаряды для военного комиссариата. Но в конце 1919 года, и особенно в 1920 году, окончательно прекратилось питание завода топливом и сырьем. Летом 1920 года на заводе оставалось немногим больше 100 человек. Остальные действовали на фронте и в продотрядах.

Еще недавно крупный машиностроительный и снарядный завод — завод Михельсона — мог выпускать лишь мельничные постава (в самом ничтожном количестве), конные приводы и кое-какие мелкие, трансмиссионные части.

Сторожиха, заводской ветеран, рассказывает:

— Какая была наша работа в те дни? Нам главное было — заборы охранять. Самое главное было, чтобы заборы не растащили. А то никакой бы разницы не было — что улица, что завод. Растащили бы наш завод, как в песне поется, по камушку, по кирпичику.

7

Окончились испытания. Разгромлен был враг. Начался восстановительный период на заводе Михельсона.

Завод переименован был в последний раз. Он поступил в ведение Гидроторфа и принял имя вождя революции:

— Завод имени Владимира Ильича.

Транспорт мало-помалу наладился. Завод получил топливо и сырье. Завод приступил к производству пеньевых кранов, торфососов, поворотных кранов и других машин и приспособлений для добычи торфа. Одновременно восстановилось основное производство трансмиссионных деталей.

Опять начался рост коллектива. Опять на заводе стало свыше 400 рабочих. Ячейка зорко следила за составом коллектива. Высокое имя Владимира Ильича обязывает ко многому. Каждый рабочий на заводе Владимира Ильича должен быть высоко сознательным участником революции. В 1923/24 году на каждых двух беспартийных на заводе имелся один партиец или комсомолец.

В продолжение нескольких лет завод не имел все же определенного производственного лица. Номенклатура продукции была крайне разнообразной. Объяснялось это и общим состоянием народного хозяйства в те годы, и расстроенностью оборудования на самом заводе Владимира Ильича. Страна еще не имела возможности вкладывать значительные средства на восстановление основных предприятий. По 1927/28 год включительно на капитальные расходы было затрачено всего 468 тыс. рублей, из них на производственное оборудование только 60 тысяч с небольшим.

Рост производительности завода целиком определялся еще ор-

ганизационными мероприятиями и ростом производительности труда.

В 1925/26 году валовая стоимость выпущенной продукции в довоенных рублях составила 851 тысячу. В 1926/27 году — 1 миллион 289 тысяч. В 1927/28 году — 1 миллион 664 тысячи.

За те же годы количество работающих (вместе с учениками) возросло с 539 человек до 790. На долю каждого работающего пришлось продукции в 1925/26 году на 2 106 рублей.

Еще далек был завод от полного восстановления, а у нас значительно улучшилось материальное положение рабочих и усилилось их культурное и бытовое обслуживание. Был создан клуб, открыто несколько библиотек, действовали многочисленные кружки, работали санатории и дома отдыха для рабочих. Заработная плата за годы 1925—1927 увеличилась на 24 процента.

Вне сомнения, успехи восстановительного периода могли бы быть куда значительнее, будь на заводе должная труддисциплина. В годы, предшествовавшие пятилетке, дисциплина на заводе не была высокой. Достаточно сказать, что прогулы на заводе по неуважительным причинам в 1925 году достигли 4 процентов, а в 1928 году хотя и несколько снизились, но все еще превышали 2 процента.

Общие потери во времени в эти годы составляли огромные цифры и достигали 10 процентов.

Партийный комитет завода и завком профсоюза проделали огромную воспитательную работу, стремясь улучшить коллектив и усилить его производственную боеспособность к началу великих реконструктивных работ. Приходилось одновременно бороться с различными уклонами от генеральной линии партии — мясниковщиной, шляпниковщиной, троцкизмом, правым уклоном. Под руководством партии коллектив завода окреп в борьбе с мелкобуржуазными течениями и подготовился к реконструктивным работам, к осуществлению планов развернутой индустриализации.

Вступая в реконструктивный период, приняв гигантский план перестройки, завод Владимира Ильича получил точную специализацию.

Известным стало: завод Ильича будет специализироваться на выпуске лесопильных рам шведского типа «Болиндер» и деревообделочных машин.

План составлен был гигантский. В составе завода решено было построить новый корпус, специально оборудованный. Пропускная его способность определена была в 450—500 лесорам. Выпуск продукции по пятилетнему плану намечен был в 39 миллионов 900 тысяч рублей. Производительность последнего года пятилетки должна превосходить выработку 1928/29 года на 208 проц.

Мог ли когда-нибудь Гоппер или Михельсон мечтать об этаких делах!

Развивая и расширяя свое предприятие в течение полувека, Гоппер довел выплавку чугуна на заводе до 4 800 тонн в год и

годовую валовую стоимость продукции до трех миллионов рублей.

Большевики поставили перед собой цель — из года в год делать гигантские скачки, каждый из которых соответствовал бы полувековому движению Гопперов.

Дерзость! Так наши планы и расценивались по началу капиталистическим миром. Хвастливым бредом называли капиталисты пятилетний план реконструкции народного хозяйства в СССР.

8

Гигантский план может быть реализован только в советских условиях. Многотысячный коллектив, руководимый партийным комитетом, из года в год показывал чудеса организованности и производственного подъема.

В апреле 1929 года в механическом цехе № 3 несколько комсомольцев (инициаторы Миронов, Харламов и Жуков) организовали первую ударную бригаду.

Надо было срочно отремонтировать станки в новом корпусе. Комсомольцы заключили договор социалистического соревнования. И они успешно выполнили все принятые на себя обязательства. Все станки были отремонтированы к сроку. Договор дисциплинировал бригаду. За все время срочных работ не было отмечено не только ни одного прогула, но и ни одного опоздания, хотя бы на несколько минут.

Сроки ремонта были чрезвычайно жесткими. Со стороны могло казаться: невозможно технически и физически выдержать их. Комсомольцы-энтузиасты показали всем и каждому, что сроки реальны, что они вполне соответствуют нашим возможностям, что необходимо лишь правильно, расчетливо, осторожно расходовать силы и время.

Ремонт станков — маленькое дело. Маленькая бригада в семь человек отлично справилась с порученным ей делом. На первый взгляд — ничего особенного. Между тем это первый опыт социалистически организованного труда на заводе Владимира Ильича по праву заслуживает упоминания, как важнейший этап в истории завода.

Комсомольцы-энтузиасты на маленьком участке показали, как надо работать в масштабе всего завода, во всех цехах, во всех пролетах, чтобы гигантский план, план великих работ пятилетки, был выполнен и перевыполнен.

Вскоре организовались еще две комсомольских ударных бригады — имени десятилетия КИМа и имени мексиканского подшефного комсомола.

Партийная организация на заводе и заводской комитет профсоюза организовали широкий рост ударного движения, справедливо усматривая в нем основной рычаг для выполнения плана.

В апреле 1929 года имелась на заводе только одна ударная бригада, насчитывавшая 7 человек. В октябре того же года их было 5, в апреле 1930 года — 70, в октябре 1930 года — 131,

в апреле и октябре следующего 1931 года — соответственно 222 и 264 бригады. К этому времени свыше 80 процентов всех рабочих на заводе было уже охвачено ударничеством и социалистическим соревнованием. В апреле 1932 года ударных бригад стало 340. Почти весь завод, весь коллектив возвысился до глубокого, сознательного, подлинно социалистического отношения к труду. И в этом — основная решающая причина того блистательного успеха, которым может гордиться завод.

Планы были детализированы и уточнены. Вся рабочая общественность принимала участие в их разработке и доведении их до цехов, до бригад, до станков и рабочего места.

Борьба с недочетами в организации производства за лучшее использование рабочей силы и оборудования, за сбережение заводского рубля, за максимальную эффективность всех количественных и качественных показателей — стала «делом чести, доблести и геройства».

Непрерывно возрастала производительность труда: рабочий в течение часа вырабатывал в 1926/27 году 2 р. 15 к., в 1929/30 году 3 р. 11 к., в особом квартале 3 р. 60 к. и в 1931 году 3 р. 65 к. За это время, как видим, производительность труда возросла на 70 процентов.

Где, в каком капиталистическом государстве, на каком капиталистическом предприятии можно найти столь разительный подъем?

В мае 1931 года завод удалось перевести на семичасовой рабочий день. Мероприятия по дальнейшему уплотнению рабочего дня и более эффективному использованию оборудования позволили удержать на высоком уровне выпуск продукции. Революция сократила рабочий день еще на один час, без всякого ущерба для производства.

Завод в руках у Гоппера давал при десятичасовом рабочем дне, при широкой практике сверхурочных работ, при цинической эксплоататорской системе «работ на премию» — бесконечно меньший эффект, чем тот же завод в социалистических условиях, при полном упразднении всяких капиталистических методов эксплоатации, при сокращенном семичасовом рабочем дне, при новой системе руководства и организации производства на основе шести условий т. Сталина.

Секрет — в принципиальном отличии социалистического предприятия от предприятия капиталистического. В успехах производства на нашем социалистическом заводе кровно заинтересован каждый рабочий. Именно поэтому малейший затор в одном каком-нибудь пункте вызывает массовый подъем на всем заводе: коллектив спешит на помощь отстающему участку. Сломались станки в трансмиссионном цехе — весь завод мобилизовался на ликвидацию аварии. Не оказалось плана по сборке лесорам РЛБ—75, коллектив взял шефство над продвижением деталей в слесарно-сборочную. Запаздывали заказы к посевной

кампании — партийная организация, комсомол, профсоюз нашли средства усилить темпы, и заказы были выполнены к сроку.

Творческая активность масс содействует тому, что план пятилетки, как ни велик он, из года в год претворяется в жизнь. Пятилетний план — тот самый план грандиозных работ, который капиталистам представлялся плодом разбушевавшегося хвастовства, — осуществляется полностью, и притом не в пять лет, а в четыре года.

9

Первый год пятилетки не был удачным для завода. Намеченный план производственной программы был выполнен всего лишь на 92,5 проц.

Завод им. Владимира Ильича все еще не получил должной спецификации производства. Попрежнему продукция его носила крайне разносторонний и разнообразный характер. В добавление — производственный процесс многих изделий (мостовые краны, эксцентричные прессы, компрессоры) не был освоен.

Но уже со следующего года основной тормоз был устранен. Завод перешел на выпуск изделий согласно промзаданиям пятилетки.

И результаты второго года оказались блестящими. Выпуск продукции за год увеличился на 89 проц., производительность труда возросла на 47 проц. Годовой план завод выполнил на 113 процентов. Себестоимость снизилась на 12,6 проц.

С такими же блестящими итогами ильичевцы прошли особый квартал и 1931 год. Завод преобразился. Его узнать нельзя. Основной капитал завода возрос с 4 миллионов 400 тысяч рублей в 1928/29 году до 14 миллионов 800 тысяч в 1932 году. Еще эффективнее иллюстрируют подъем завода цифры, показывающие стоимость оборудования. В 1928/29 году стоимость оборудования равнялась 1 миллиону 800 тыс. руб. В 1932 г. она равна 6 миллионам 800 тыс.

Завод реконструирован. Литейный цех получил в свое распоряжение мощные десяти- и пятитонные краны. Формовочный зал увеличен в полтора раза. Вагранка снабжена электрическим подъемником с десятичными весами для взвешивания шихты. Выстроены новые сушильные печи. Переоборудована модельная. Построен железобетонный корпус для производства лесопильных рам. Цех оборудован по последнему слову техники.

Механические мастерские получили 60 новых импортных станков. Все станки снабжены индивидуальными методами и проводами.

Построена новая центральная котельная с двумя котлами системы Шухова.

Основная продукция завода — лесопильные рамы, двойные обрезные станки, сбрасыватели досок.

Мы вынуждены были раньше ввозить из-за границы на огром-

ную сумму оборудование для нашей лесной промышленности. Завод им. Владимира Ильича освободил страну от этого тяжелого расхода.

Лесопильные рамы, выпускаемые ильичевцами, превосходят по качеству шведские машины. Мы больше не ввозим из-за границы оборудование для нашей лесной промышленности. Мы в состоянии насыщать ее оборудованием собственного, советского изготовления.

В 1932 году мы вышли с нашими лесорамами на иностранный рынок. Мы успешно конкурируем со шведскими фирмами за границей. 4 800 тонн — предельная производительность литейной у Гоппера. В 1931 году литейная Владимира Ильича дала 7 472 тонны, а в 1932 году дает 10 000 тонн. Что же касается стоимости продукции, то она исчисляется десятками миллионов рублей.

Но не только лесорамы строит завод.

Страна создает новую металлургическую базу на Востоке. Магнитострой и Кузнецкстрой создаются не на строительных только площадках, у подножья Магнитной и в далеком Кузнецке. Вся страна, все заводы страны делают в своих цехах какую-нибудь часть Магнитостроя.

И подобно тому, как михельсоновцы делали общее рабочее дело, добывая оружием победу в Октябрьские дни, так теперь ильичевцы творят общее дело, выполняя в своих цехах ответственные заказы для Магнитки и Кузнецка. Они выполняют эти заказы в ударные, кратчайшие сроки.

«Имени Владимира Ильича» — ведущий завод в Ленинском районе. Он выставил многолюдные отряды бойцов, когда надо было защищать завоевания Октября. Он выделил множество героев-производственников в наши дни, когда потребовалось осуществлять лозунг партии «догнать и перегнать».

Вот список лучших из лучших ударников-ильичевцев, неоднократно премированных за систематическое перевыполнение заданий.

Володин — формовщик с тринадцатилетним рабочим стажем, формовщик Новов, с двадцатилетним стажем, формовщик Дейкин, двадцать лет с честью носящий звание пролетария, стерженщик Куроничев, работающий десять лет, стерженщик Афанасьев, насчитывающий свыше 30 лет стажа, фрезеровщик Фрейман, с 35-летним стажем, строгальщик Потапов, с 20-летним стажем, слесарь Ларин, с 15-летним стажем, слесарь Зайцев с 9-летним стажем, слесарь Цербе — работающий уже свыше 25 лет, слесарь Чугунов, с 6-летним стажем, слесарь Козлов, с 32-летним стажем, ветеран Володин, работающий уже 44-й год и все еще сохраняющий достаточно бодрости, чтобы быть впереди, в шеренге самых лучших, самых боевых производственников, ведущих коллектив к блистательным победам.

Разумеется, список этот далеко не исчерпывает имена героев. Их неизмеримо больше; ибо новый завод, созданный из

развалин и рухляди Гопперов и Михельсонов, обслуживается многотысячным коллективом ударников. За время пятилетки коллектив увеличился почти в $2\frac{1}{2}$ раза.

Еще совсем недавно, в 1927 г., в цехах работали 4 женщины. Теперь женский труд применяется в широких масштабах. Женщины работают в цехах рядом с мужчинами и решительно ни в чем не уступают им. Около 600 женщин работают сейчас на заводе.

Завод имеет свою школу ФЗУ. Непрерывно и быстро развивающееся производство заставило внимательнее отнестись к такой проблеме, как проблема подготовки кадров. К концу 1930 г. в заводской школе ФЗУ обучалось 300 человек, а в 1931 г. уже 382 человека. В ближайшем будущем количество учащихся будет доведено до 584 человек.

Растет завод, растут кадры, готовится смена.

Уже и сейчас Гопперу не узнать было бы «своего» предприятия. Сверкают стеклами новые здания. Перестроены и переоборудованы старые корпуса. По заасфальтированному двору бесшумно движутся автокары.

Коллектив строителей социализма, коллектив ильичевцев, руководимых партией, успешно заканчивает в четыре года план первой пятилетки.

Новая, вторая пятилетка будет реализована столь же удачно, как и первая. И когда минует она, старый Гопперовский корпус будет заменен новым, — «ильичевцы» станут выпускать в нем вереницы советских машин, способных конкурировать с наилучшими западно-европейскими машинами. Там, где некогда находился гранатный корпус михельсоновской стройки, возникает дворец-цех, предназначенный для производства трансмиссий. Уже в будущем, 1933 г., будет выстроена также гигантская столовая для рабочих. И, наконец, реконструируется кузница. Это — единственный цех, которого еще не коснулась реконструкция. Кузнице в течение первой пятилетки приходилось туго. Нельзя было отставать. Надо было работать с великим напряжением, чтобы не задерживать роста продукции в соседних цехах и во-время выполнять все возрастающие заказы на поковки. Краснознаменная кузница справлялась с честью. Ни разу не была она в прорыве. Напротив, герои-кузнецы много раз в течение первой пятилетки рапортовали заводской общественности о досрочном выполнении своих заказов.

Во вторую пятилетку краснознаменная кузница, расширенная, переоборудованная, снабженная мощными молотами, получит, наконец новое, специально выстроенное для нее, здание.

Что же останется тогда от гопперовского наследства? Исчезнут всякие его следы. И только по историческим материалам новое поколение рабочих сможет узнать, чем был некогда завод «Имени Владимира Ильича».

Тихон Холодный

Конец Бромлея

I

Митинг был необычный — без знамен, без лозунгов, без слишком длинных речей. Моросил холодный осенний дождик, но никто не расходился — слишком большой и серьезный решался вопрос, поставленный к тому же в упор всем и каждому...

«...В городе уже начиналась стрельба. Медлить не приходилось, вопрос ставился ребром: выступать или не выступать? 23 или 24-го мы пришли на завод, созвали митинг и поставили этот вопрос. Меньшевики и эсеры были против выступления, но у массы настроение было боевое, масса была настроена по-большевистски, и мы решили выступить. «Слушали»... Слушали ряд ораторов, в том числе меньшевика Рыбникова, который вопил, что мы «гоним рабочих на убой». Он получил достойный отпор. Постановили: организовать красную гвардию и 24-го выступить с оружием в руках. Всем желающим предложили получить винтовки. Я составлял списки новых красногвардейцев. Записалось, помнится около 300 человек, но выступили, конечно, не все...»

Из воспоминаний Бурдачева.

В этот час, когда сотни молодых и старых рабочих на клочке заводской мостовой выстраивались к походу в будущее, за их плечами распластывалось полувековое прошлое и цепко тянулось серыми тенями вослед, точно еще надеялось ухватить, задержать, чтобы после примять горбами к земле и этих, и сотни тысяч других вдруг ринувшихся в грядущее.

— Винтовки получаем в районном комитете партии.

Тот, кто сказал это, не прячет лица. Спокойное лицо, мужественный голос. Чтобы вот так сказать, мало простой смелости. Нужен опыт, нужно знание, нужно сознание неотвратимости победы.

За воротами построились. Двое, трое неловко вскинули за плечи винтовки, остальные зашагали так. Тени стали еще длин-

нее. Они забегали сбоку и, обгоняя, торопливо клали темные пятна на лица идущих. Скоро тени скрыли их совсем, и только мерный стук шагов говорил, что люди идут, идут...

— Откуда?

— Бромлеевцы.

— Выступили?

— Как видишь.

— Сколько вас будет?

— Сотня будет. Да ты, друг, не рассусоливай. Давай инструмент, показывай куда двигать, да еще сколько на завод посылать. Для охраны, значит.

— Ладно. Сейчас... распорядимся!..

«По получении винтовок мы снова разделились на две партии — пошли к Крымскому и Каменному мосту. По дороге мы выбивали юнкеров. Так мы выбили юнкеров из лицея, где теперь институт Красной профессуры. Юнкерье палило в нас из домов, с крыш, чердаков, подвалов, из-за углов... Я два дня провоевал там, только на третий день пришла смена... На четвертый день наша группа перешла Москва-реку, выгнала юнкеров и пошла к центру. Старая власть была ликвидирована».

Из воспоминаний старого бромлеевца Бурдачева.

II

Класс эксплоататоров, разбитый в открытом бою, пошел в обход.

На заводах, как и в советах, оставалось не мало меньшевиков и эсеров. Не мало было их и на Бромлее. Агентура буржуазии в среде рабочего класса еще не успела себя полностью разоблачить, прикидываясь «друзьями народа».

«Горели казармы. Меньшевики начали агитацию — требовать денег. Они говорили: «Вот вы призывали к восстанию, толковали, что потом будут деньги, а сами денег рабочим не платите!..» Я сам не представлял себе, где я возьму денег. Рабочие же, хотя и не все, отнеслись сначала к перевороту так: «Что хотим, то и делаем: теперь мы хозяева!» Серьезно пришлось бороться с таким настроением. Ведь фактически тогда на заводе хозяина не было. Надо было выдавать зарплату, а денег все нет и нет. Очень тяжелое создалось положение...»

Из воспоминаний Богдановича.

Впервые в истории прочно завладели властью рабочие и крестьяне. Предстояло осваивать старое «наследство». Практического опыта не было. Не было его и на Бромлее.

«...Решили избрать на заводе директорат. Просуществовал он три недели: Куцкий, Сошальский, и трое от рабочих: Мезит, Рыбников и я. Партийный состав был такой: три меньшевика и два большевика. Мы не знали, что делать. Собирались ежедневно, судили-рядили, а работы никакой не вели. Позднее был издан декрет о рабочем контроле...»

Из воспоминаний Бурдачева.

Рабочий контроль оказался более жизненной формой, чем директорат. Фактически, — по крайней мере на Бромлее, — это был не контроль только, но и руководство всей жизнью завода.

«...В контрольной комиссии работали Александров, Зотов и я. Мы ведали контролем денежных счетов и обеспечением заказов. Без нашей визы с завода не выпускалась ни одна машина. Но новых заказов не было, завод работал «на склад», пришлось заводу очень и очень туго...»

Из воспоминаний Богдановича.

«...Положение было такое, что мы две недели не спали — дежурили. На завод прибыл новый рабочий Иванов. Он был эсер и, как мы потом узнали, специально послан был организовать забастовку. Он выступил с требованием: «Нужно кормить рабочего и платить жалование». Лозунгом было: «Большевики, раз они взяли в свои руки заводы, отныне ничем не отличаются от капиталистов». И пришлось же тут поработать!.. Но за это время мы и укрепились. Мы буквально не сходили со своего поста. Сувиров не выходил из мастерской. Богдановичу приходилось не сладко: продовольственные затруднения давали себя чувствовать. Дисциплины не было. Пришлось ставить вопрос об охране завода, иначе все можно было бы растащить... Мы должны были организовать огороды, чтобы каким-нибудь способом смягчить недостаток продуктов. С трудом добились дотации, чтобы выдать задолженность по зарплате...»

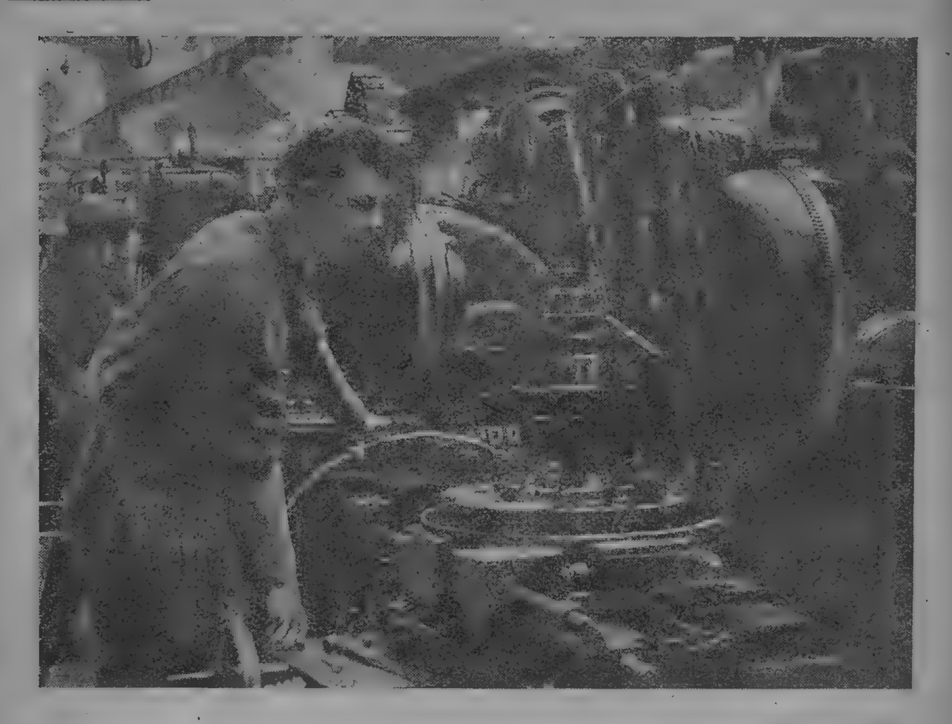
Из воспоминаний Величенко.

Эсеровщина была разоблачена, но меньшевики все еще держались на заводе. Шел январь 1918 г.

«Я работал тогда в токарной на станке. Меньшевики не прекращали своей работы. Очень сильно выделялся среди них Малец. У него был особый подход к рабочему. Сперва я не понимал его политики индивидуальных бесед и признаюсь, что, как и большинство наших ребят, я не был особенно активен. Между тем, Малец вел большую организованную работу против ячейки. Каждый день болтался он по

5*

Завод „Кр. пролетарий". Станкомеханический цех

заводу, нигде, ничего не пропуская. Не брезговал никакой мелочью. Использовал даже малейшую нашу оплошность...»

Из воспоминаний Величенко.

Объективная обстановка складывалась на заводе так же, как будто, неблагоприятно для нового хозяина, для новой власти.

«...Наши дела шли плохо. Стоял вопрос о закрытии завода. Я примкнул к тем, кто говорил против закрытия. Это были большевики. Не было ни топлива, ни сырья, о заказах можно было только мечтать, но мы держались и держали завод. Много портили нам меньшевики, выезжавшие на красноречии своих ораторов...»

Из воспоминаний Кузьмина

Но события развивались безотносительно к тому, что болтали меньшевики на Бромлее. Они могли вредить, пакостить, но они были бессильны своротить рабочий класс Страны советов с предначертанного ему историей пути. Бромлей был национализирован.

«...Подали мы докладную записку. Нас спрашивают: «А справитесь ли вы с заводом, если мы его национализируем?..» Мы стали доказывать, что с января мы сами фак-

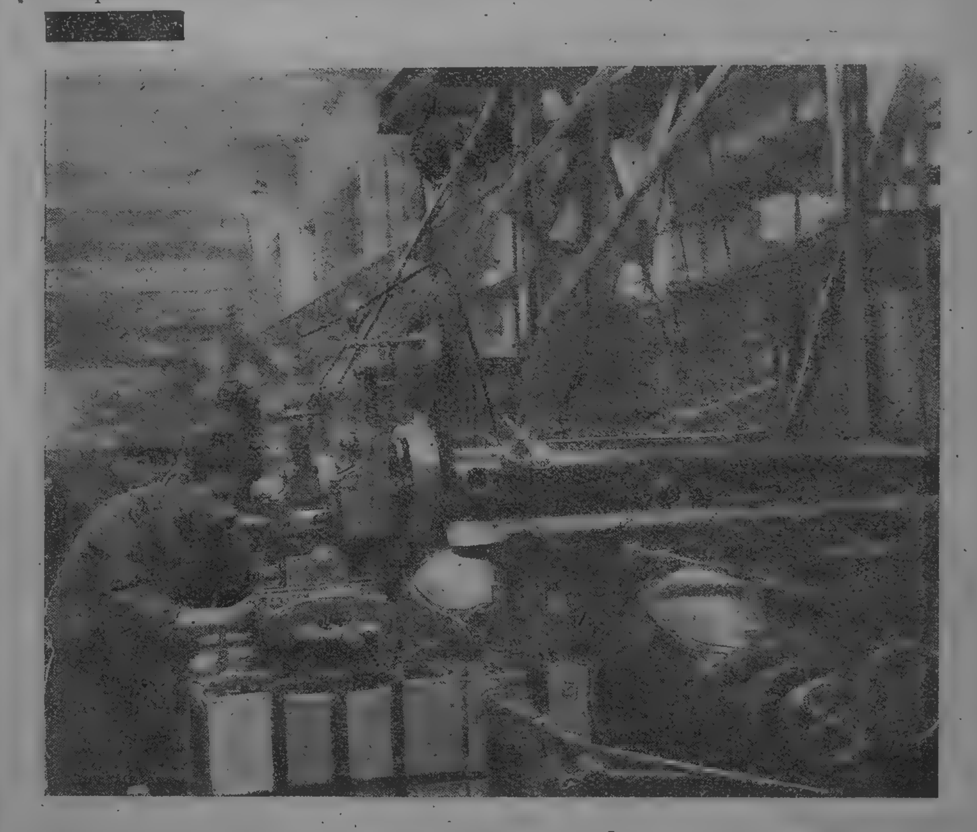
тически управляли заводом. Не помню, не то Полонский, не то Топорков принял от нас заявление, а через пять дней получаем ответ, что завод Бромлея национализируется. На ячейке обсудили кандидатов в заводоуправление. Намечено было пять человек: председателем Кузнецов В. В., я — заместителем, Фрадкин — член правления и П. И. Шнейдеров — главный инженер. Работали мы усиленно, собирались обычно по окончанию работы...»

Из воспоминаний Бурдачева.

Итак, жизнью завода стали руководить сами пролетарии. Отныне каждый бромлеевец работал уже не на хозяина, а на себя, на свой класс. Не стало эксплоатации, не стало старых буржуев в роли хозяев. Но нелегко было работать новому хозяину в условиях, когда разгорался пожар гражданской войны, когда приходилось с невероятным трудом добывать топливо и сырье для завода.

«В период упадка, т. е. с 1918 г. по 1922 г., завод работал в исключительно тяжелых условиях. Рабочие мерзли

[redacted]

Завод „Кр. пролетарий“. Станкомеханический цех [redacted]

в нетопленных корпусах, голодные и оборванные. Топливо для завода заготовляли сами. Неделями пилили дрова в березовых рощах, на Брянской дороге. Сами чинили паровозы и вагоны, чтобы эти дрова везти на завод. Сами же составляли и ж.-д. маршруты. По цехам работали на товарообмен — зажигалки и все то, что можно было сменять на хлеб и картошку...».

Из воспоминаний Красавцева.

Огромный завод, развивавшийся в течение шестидесяти лет, в эти героические годы явно угасал для тех, кто не верил в силы и гений рабочего класса. За семнадцать последних предъоктябрьских лет Бромлеем было выпущено разных изделий около 70 000 тонн на сумму в 25 миллионов рублей. В годы 1918—19—20-ые завод с трудом выпускал 500 тонн изделий ежегодно на сумму каких-нибудь 250—270 тысяч довоенных рублей.

У Бромлея работало свыше тысячи рабочих, после революции их осталось меньше половины.

«В период разрухи с завода разбежались все рабочие, сколько-нибудь связанные с деревней. Осталось меньше половины того, что было. Когда молодежь стала позднее нажимать, чтобы был создан фабзауч, то мы сначала были против этого начинания. Мы, старые рабочие, опасались, что наготовим слишком много квалифицированной силы. Мы считали тогда, что увеличивать кадры не нужно, так как мы искренне опасались оставить их без работы»...

Из воспоминаний Богдановича.

Таково было положение на Бромлее в послеоктябрьские дни. Отсутствие денег, заказов, сырья, топлива и агитация меньшевиков, продовольственные затруднения и, как следствие, переход к зажигалкам, разбегание по деревням, отсутствие транспорта, — вот с чем столкнулась группка большевиков на Бромлее.

Как же получилось, что сегодня, через пятнадцать лет, на месте старого Бромлея вырос в сущности новый могучий гигант с многомиллионным промфинпланом, с тысячами рабочих, со светлыми цехами, с колоссальным учебным комбинатом, с рабочими городками вокруг, с яслями и клубами, школами и универмагами? Чтобы понять, как это могло получиться, нужно знать прошлое Бромлея. Тот, кто вышел в памятный октябрьский вечер с винтовкой в руках на завоевание власти, тот знал, что позади не было ничего, кроме цепей.

О старом Бромлее не раз и не два вспомнили краснопролетарцы за свои октябренные годы. Когда недавно партком завода созвал совещание старых бромлеевцев, то на совещание прибыли директора, старшие инженеры, крупные военные работники, видные партработники и администраторы. На новые посты выдвинула их пролетарская революция, выдвинул рабочий класс, как луч-

ших своих представителей. За эти пятнадцать лет они выросли и окрепли, став представителями новой пролетарской интеллигенции «из людей рабочего класса». Но пятнадцать — двадцать — двадцать пять — тридцать и более лет тому назад они были рядовиками, рядовыми рабочими на Бромлее.

«...Я поступил на Бромлей в 1895 году. Завод выглядел *тюрьмой*, особенно старый корпус. От керосиновой копоти рабочие были черны, как черти. Ведь зимой и летом, ночью и даже днем мы работали на Бромлее с огнем. Да с каким огнем! Не с электричеством, конечно. Просто наливали в банки керосин, втыкали фитиль, и огонь чадил, как факел. Дышать было нечем. Заводские помещения были покрыты копотью, как черным бархатом. А ведь работали мы в них одиннадцать с половиной часов в день!..»

Из воспоминаний Тулинова.

Всего тяжелее была обстановка в литейной.

«...Холод был тут неимоверный. Пару нехватало, поэтому отапливали жаровнями. В них горел кокс, от его газов разрывались легкие. В литейной было двое ворот, из-за этого всегда тут дул сквозняк. Вентиляции и в помине не было: она заменялась сквозняками, от которых тяжко болели и умирали люди...»

Из воспоминаний Беляшина.

А вот как протекала самая работа.

«...От начала до конца литейщик сам должен был делать все. Сам готовил формовочную землю, рыл для формы яму, просеивал землю, отыскивал и приносил нужную опоку, сам набивал землю, подносил стержни, чугун, сам выбивал литье, после этого поливал землю и т. д. С опоками обстояло кошмарно. Даже для массовых (стандартных) отливов не было соответствующих опок. Чтобы отобрать подходящие, литейщик должен был перебрать иной раз буквально все опоки, сваленные в хаотическом порядке. Третьей египетской казнью литейщика были вагранки... С инструментом было еще хуже. На всю литейную имелось несколько лопат, решет, сит, набоек, трамбовок, ведер. Остальной инструмент — гладилки, ложки, крючки и т. п. — литейщики изготовляли для себя кустарным способом. В течение всего рабочего дня, который длился 11—11½ часов, литейщики находились в копоти, в пыли, в грязи, в поту. Температура зимой за день несколько раз менялась. Большинство рабочих имело хронические болезни уха, горла, носа и ревматизмы. Амбулатории при заводе, конечно, не было...»

Из воспоминаний В. Серова.

Труд был каторжный, а зарплата нищенская, рабочий день официально определялся в 10—11 часов, а фактически был гораздо больше.

> «В литейной рабочий день фактически доходил до 12—14—16 часов и даже более. Удлинение получалось, главным образом, за счет несовершенства вагранок, плохой работы подъемного крана, недостатка и неприспособленности опок, нехватки инструмента и большого брака, который ни при каких условиях рабочему *не* оплачивался... Зарплата была низкая. На мелком литье зарабатывали при 12—16-часовом рабочем дне 20—30—40 рублей в месяц, на крупном — от 50 до 100 рублей, чернорабочие — от 75 к. до 1 р. в день...»
>
> *Из воспоминаний В. Серова.*

Но и из этой зарплаты часть доставалась мастерам. Даже за право работать на эксплоататоров нужно было предварительно заплатить.

> «...Вербовка новых рабочих производилась агентами Ивана Кирилловича Белова, мастера по отделению мелкого литья. Этот Белов был отъявленным взяточником. Все молодые рабочие литейного цеха, поступившие на завод в описываемый мною период, были приняты за взятки. Средняя взятка равнялась пятидесяти рублям, не считая подарков натурой — яйцами, бараниной, ветчиной и т. п.».
>
> *Из воспоминаний В. Серова.*

Расценков фактически не было.

> «Твердых расценков работы на заводе не было никогда. Заработок рабочего во многом зависел от отношения к нему мастера. Мастера, конечно, умело использовали свое положение, всячески им злоупотребляя...»
>
> *Из воспоминаний А. Галеева.*

> «Нередки были случаи, когда мастера использовывали свое положение в корыстных целях. Взятки, пьянство, сведение личных счетов и кумовство были среди мастеров заурядным явлением...»
>
> *Из воспоминаний Красавцева.*

Но, быть может, работая у Бромлея, можно было выдвинуться и самому стать мастером или хотя бы подмастером? Нет, таких надежд не было ни у кого. Фактическими хозяевами в цехах были два мастера — по крупному и по мелкому литью. По другим цехам и отделениям «администраторами» были рядовые рабочие, для которых администрирование было «почетной» и отнюдь не оплачиваемой нагрузкой. Такой «мастер» работал, как рядовые рабочие, и в сущности был тем «старшим», какие полагаются даже на африканских плантациях.

Об охране труда и говорить не приходится.

«...Бромлеи совершенно не заботились об охране здоровья рабочих. Двухэтажный корпус по М. Калужской улице был низок и темен, а трансмиссии проходили очень близко от потолка и стен. Ограждений почти не было, переборные шестерни у станков прикрывались приставными ящиками. Отсюда несчастья случались то и дело. Помню одного токаря, пытавшегося одеть на шкив соскользнувший ремень. Ремнем захватило токаря на привод, перехлестнуло еще цепочкой для отвода, прижало грудью к валу и било о потолок руками и ногами. Пока остановили паровую машину, несчастному оторвало руку и ногу. Он жил меньше суток. Другой случай был еще ужаснее. Рабочий попал на привод у лобопатронного станка. Привод проходил близко от стены, и человека буквально растрепало на мелкие части. Куски мяса и кости были собраны потом на рогожу. В новом корпусе тоже на смерть погиб, помню, молодой техник... Всех случаев и не перечтешь...»

Из воспоминаний А. Галеева.

Кто же шел к Бромлеям работать? Кто мог решиться пойти на эту каторгу? Добровольно не шел никто. На завод гнала нужда из деревни.

«Большинство рабочих было связано с деревней. Их идеология немного отличалась от крестьянской. Выступления солидарности, вроде забастовки 1893 года, несли обычный стихийный характер. В повседневной же работе на заводе солидарности не чувствовалось. Больше того, часть рабочих, совершенно некультурных, относилась враждебно к более культурным, умеющим лучше защищать свои интересы и потому имеющим более высокий заработок. Иногда эта враждебность выливалась даже в порчу готовой к литью формы...»

Из воспоминаний В. Серова.

Царем и богом в цехе был мастер.

«Мастером моего цеха был чех Френцель. Это был субъект среднего роста, полный, красный, всегда полупьяный, а частенько и совсем пьяный. Для рабочих он был грозой. Помню, подойдет, бывало, Френцель к токарю «Половому», так у того уже заранее трясутся ноги, а мастер орет и орет, как бык...»

Из воспоминаний Тулинова.

Другим таким же мастером был Рунд, Матвей Францевич, в просторечии Матвей Франтыч. Любимым обращением к рабочему у Франтыча было — «гряжный швинья». Имен он не при-

знавал, а только клички. Клички давал либо сам Рунд, либо его помощник Белов. Рунд по-русски говорил ломано, но матерщину знал не хуже ломового извозчика.

«...И хозяева, и Рунд с Беловым часто прибегали к матерной брани, к рукоприкладству и мордобитью...»

Из воспоминаний В. Серова.

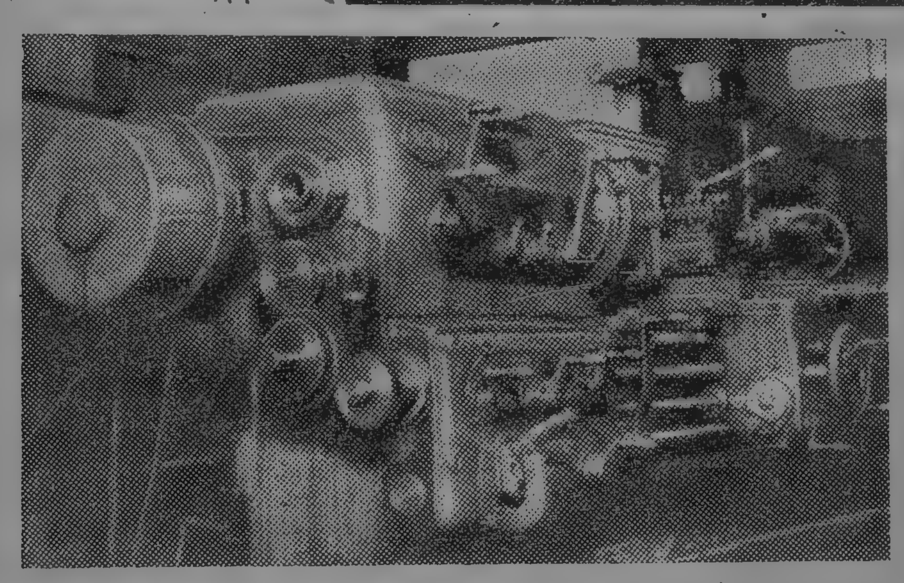
Еще более бесправными были на Бромлее ученики.

«...Тяжела была жизнь бромлеевского ученика. С «мальчиков» приходилось ему начинать свою учебу. Сначала он отдавался мастеру и целый год пребывал у него на побегушках. У каждого из мастеров была очередь на запись в «мальчики», из которой, в первую голову, выбирались только хорошо знакомые ему кандидаты. В мальчики поступали с 13—14-летнего возраста, но с первого же дня работать приходилось наряду со взрослыми по 10—11 часов в день... Такое «обучение» продолжалось обыкновенно пять лет. Пройдя подобный «курс», ученик обычно сбегал на другой завод, где ему сразу же начинали платить дороже...»

Из воспоминаний Красавцева.

«Зарплата» учеников была поденная — 33—35 копеек в день. Чтобы поднять эту «зарплату» на пятиалтынный, рабочим приш-

Новый станок „ДИП“

Так завод „Кр. Пролетарий“ борется за индустриализацию страны.

лось бастовать целую неделю. Однако всякие «прибавки» Бромлеи умели компенсировать сложной системой штрафов.

«...В чем, в чем, а в штрафах у Бромлеев был твердый расценок. Доселе помню этот бромлеевский тариф: раннее мытье рук — 1 рубль, невыход на работу — лишение приработка, за поломку инструмента — вычет и т. п.»

Из воспоминаний Красавцева.

Зверская эксплоатация не могла не вызвать на заводе протестов. Однако движению солидарности сильно препятствовала хитроумная политика Бромлеев.

«Ежегодно Бромлеи делали на заводе генеральную чистку. Чистка приурочивалась к пасхе, когда все рабочие получали окончательный расчет. Через неделю производится новый набор, причем весь неспокойный элемент отсеивался и оставлялся за воротами завода...»

Из воспоминаний Красавцева.

«Никаких отпусков рабочие, конечно, не имели. Отпуск заменялся пасхальной чисткой. Это было дьявольской механикой бромлеевской администрации: не отступая ни на йоту «от закона», освобождаться как от «вредных» элементов, так и от излишней рабочей силы...»

Из воспоминаний В. Серова.

Угроза чистки должна была держать рабочих в повиновении. Но как же жили вне завода те «счастливчики», которые десятилетиями работали на эксплоататоров Бромлеев? Жизнь была темная, беспросветная, время от времени вспрыскиваемая царской 40-градусной. Сколько-нибудь сносных жилищ не было. То, чего не выжал из рабочего Бромлей со своими мастерами, то выжимал шаболовский купчина Семиладнов, которого доселе помнят старые бромлеевцы. Каждому рабочему под «поручительство» старых, Семиладнов «делал кредит»: новый клиент получал заборную книжку и три рубля деньгами «на пропой души». Взамен выдавал Семиладнову бессрочный вексель, который купец мог предъявлять когда угодно. Цены у Семиладнова по заборным книжкам были выше рыночных, но что было делать рабочему, который поступал на завод, не имея ни копейки денег?

Вместе со своим зятем Изюмовым Семиладнов эксплоатировал и жилищную нужду рабочих.

«...Настроили они домишек, в которых и квартировали рабочие завода. Имели также и трактиры с продажей «распивочно и на вынос». Для самых неимущих эти трактиры одновременно служили и ночлежкой. После каждой получки большинство рабочих направлялось в эти душные притоны. Здесь за бутылкой водки протекал фиктивный «отдых» рабочего, происходила дележка с мастерами, давшими «зара-

ботать», и расплата с Семиладновым по заборным книжкам. Конечно, и здесь не обходилось без околпачивания неграмотных рабочих, путем приписок в книжках лишних сумм и т. п.»

Из воспоминаний А. Галеева.

Из трактира шли «домой».

«Большинство рабочих жило артелями по двадцать-тридцать человек в одной комнате. Проход был лишь по середине комнаты, — в этом случае мы спали головами к стене, — или же проход шел по стенке и тогда спать приходилось по середине, голова к голове. Нары были двухъярусные. На этом «бельэтаже» рабочие спали вповал к ряду. — А где же вещи? А какие могут быть вещи у рабочего? Белье в сумочке, сундучек под нижними нарами — вот и все рабочее добро. Помещение, кроме рабочих, было сплошь заселено блохами, клопами и вшами...»

Из воспоминаний Тулинова.

Эта грязь и нечистота объяснялись не только скученностью и грязной работой, но и отсутствием понятий о гигиене, а главное — нищетой.

«Грязное белье хранилось под нарами, а то и под подушками. Спали всё в том же грязном белье, в котором работали. За неделю белье из белого становилось совершенно черным. Вонь, духота, испарения в этих «квартирах» не поддаются описанию. Меньше двух метров жилплощади приходилось тут на человека!..»

Из воспоминаний В. Серова.

Питание соответствовало жилью.

«Питались тоже артельно. Продукты покупались в лавке Семиладнова в кредит по книжке, каждый брал по-очереди. Питались однообразно и скудно: кислые щи с мясом и каша с салом или с растительным маслом. Супов почти не ели, картошки то же самое, так как у Семиладнова ее частенько не было, а на базар ходить было некому — большинство рабочих имело свои семьи в деревне. Каждая артель ела у себя в комнате из общего блюда, сидя на нарах, так как кухня была тесная и обеденных столов в ней не было...»

Из воспоминаний В. Серова.

«Время проводили скучно. Зимой больше играли в карты, в «козла», но некоторые читали и литературу. Летом собирались на Воробьевых горах, в Орловой роще, где происходили большие собрания...»

Из воспоминаний Беляшина.

«В праздники после вечернего чая начинались «часы развлечений». С болью в сердце вспоминаешь о них сейчас. Больше всего дулись в «козла» — карты были в каждой комнате. Ни музыки, ни пенья не было. Лишь после получки, раз в месяц, праздник проводился по-иному, по-пьяному. Пили вскладчину. Один только мастер был «почетным» гостем — пить — пил, а платить не платил. Мастер являлся со своим венским стулом, прочие стояли или сидели на нарах. Ни в театр, ни в кино никто из нас не ходил. Фотографию путали с типографией. Не имели никакого представления о музеях, галлереях и т. п. Купались очень редко, солнечных ванн не знали. Спортом рабочие не занимались совершенно. Велосипедов я не видел ни у кого. Не было и коньков, хотя Москва-река всегда была рядом. Танцовать не умели, да и негде было...»

Из воспоминаний В. Серова.

III

Все эти отрывки взяты из воспоминаний старых бромлеевцев. Впрочем, старость их довольно относительная. Большая часть воспоминаний восходит к началу XX века, и только некоторая часть относится к концу XIX века. Мы сознательно были щедры на цитаты — слишком дики и для современного советского рабочего «невероятны» описываемые в этих воспоминаниях факты.

Но «фирма» Бромлеев просуществовала ровно шестьдесят лет. Что же там, за этими годами, от которых не осталось живых свидетелей? На этот счет мы не имеем и, очевидно, никогда не будем иметь других документов, кроме инвентарных описей, бухгалтерских книг да корешков использованных чековых книжек. Сквозняки литейных, незащищенные трансмиссии других цехов, «кредит» Семиладнова и Изюмова, их знаменитые «квартиры», преждевременно прибрали тех, кто мог бы сейчас не мало порассказать о «первоначальном накоплении» Бромлеев. Сами Бромлеи потребности в составлении истории завода не чувствовали. Им было не до того. Как и каждый капиталист, они предпочитали оставаться в тени, чтобы после досужие люди могли слагать о них легенды — о том, как они — «энергичные и способные» — «своими руками начали» и т. д., и т. п. Мы не углубляемся в эти сказки о Ромуле и Реме Бромлеях. Мы знаем, что «начало» Бромлея, относящееся к 1857 году, очень похоже на «начало» всякого другого капиталистического предприятия, возникшего в крепостной России. Маленькая мастерская, постепенное ее расширение на почве растущих казенных заказов, толкаемое жаждой новых барышей строительство новых цехов и жалкенькая механизация, дальше процесс акционирования, — что нового и оригинального могли внести в этот типичный процесс капиталистического развития Бромлеи?

Из старых бухгалтерских книг видно, что, зарекомендовав себя на двух промышленных выставках — Петербургской (1870 г.) и Московской (1872 г.), где заводу были присуждены разного рода медали и гербы, Бромлеи через десять лет после того довели число своих рабочих до 700 человек, а еще через полтора десятка годов до тысячи с лишним. По тем временам это был уже большой завод. Незадолго перед империалистической войной оборудование на Бромлее состояло из 350 станков, а общая мощность двигателей (паровых и керосиновых) равнялась 500 лош. сил.

Завод делал все, что придется, отовсюду хватая заказы. Водоподъемные машины и топоры, колесно-токарные станки и нефтяные двигатели, насосы и лесопильные машины, станки для обточки паровозных колес и станки для обработки артиллерийских снарядов, приводные молоты и локомобили, всем этим и многим другим занимался завод Бромлея.

Производству сопутствовала неизменная погоня за заказами и борьба с возможными конкурентами, сопровождаемая дачей взяток, подкупами и т. п. На руководящие посты главных инженеров ставились не знатоки производства, а дипломированные дельцы, имевшие большие «связи в сферах». Эти «связи» нужны были для получения выгодных заказов, кредитов, субсидий и прочего.

Бромлеи не боялись «разбрасываться». К их услугам всегда, ведь, была дешевая рабочая сила, в изобилии прибывающая из тульских, рязанских и тверских деревень. Барыши Бромлеев обеспечивались зверской эксплоатацией, а в особо «трудных случаях жизни» Бромлеи не брезговали даже поджогами своих, предварительно застрахованных, сооружений.

Своего «расцвета» Бромлей достиг в годы кровавой мировой бойни. Война оказалась для Бромлеев «находкой». На завод посыпались заказы военного ведомства, дивиденды пухли от крови рабочих и крестьян. Завод организует производство шанцевого оборудования для армии и производство станков для обработки артснарядов. В 1916 году — год наиболее крупных поражений царизма на военных фронтах — отмечается максимальным выпуском готовой продукции на Бромлее. Бромлеи готовы были воевать без конца — ведь заказы сыпались в таком изобилии!..

IV

История посмеялась над эксплоататорами. Если на одном полюсе все больше и больше накапливались богатства, то на другом столь же стремительно накапливалась ненависть. Класс против класса стал в Октябре, но еще задолго до Октября не раз и не два вставал рабочий класс против своих эксплоататоров. Так было всюду, так было и на Бромлее.

О первой забастовке бромлеевцев сведения скудны, но довольно характерны.

> «В 1891 г. забастовали мы всем заводом. Помню, собрались на Серединке (ныне М. Калужская ул.) и решили на завод никому не итти. Стояли, говорили, требовали 10-часового рабочего дня и увеличения заработка. Видя, что мы не шутим, вышел к нам директор Стекольщиков вести переговоры. Стекольщиков обещал удовлетворить наши требования и просил стать на работу. На другой день завод опять работал, требования были удовлетворены...»

Из воспоминаний А. Галеева.

Вторая забастовка произошла в 1896 году. К этому времени в завод влилось не мало городских пролетарских элементов, настроенных по-боевому. Толчком к подъему революционных настроений явилась николаевская Ходынка. После Ходынки прошла волна арестов и обысков, тогда же были высланы с Бромлея двое рабочих революционеров — токарь Двойников и слесарь Шмелев. Оба поселились в Харькове, и кажется, именно это обстоятельство содействовало тому, что в ноябре 1896 г. на Бромлее вспыхнула новая стачка. Как и пять лет назад, рабочие требовали 10-часового рабочего дня, выдачи получки два раза в месяц, введения полной сдельщины и т. п. Бромлеи были встревожены. Завод был окружен казаками и полицейскими во главе с полицмейстером Бульдбергом.

Через несколько лет разразилась новая забастовка — «на трубах». В течение двух недель на заводском дворе сидели на готовых трубах рабочие и обсуждали, как выставить с завода осточертевшего всем мастера Котова. Эта забастовка не была для рабочих удачной, но она причинила немалые убытки и Бромлеям. Рабочие явно сплачивались, и вот, чтобы расколоть их, на сцену выступает всем известная зубатовщина.

> «Многие рабочие нашего завода попали в сети Зубатова. В 1902 г. зубатовцы открыли свой филиал на Симоновке; а затем перенесли свою деятельность в трактиры у Серпуховских ворот и на Калужской площади. В трактирах зубатовцы устраивали легальные собрания для обсуждения экономических нужд рабочих. Группа профессоров во главе с И. Х. Озеровым читает свои реакционные лекции уже не только в Историческом музее, но и в трактирах на Калужской. На эти «чтения» особенно усиленно зазывались наши бромлеевцы. Одновременно и на заводе зубатовцы по всем цехам развернули свою агитацию о том, что достигнуть улучшения в своей жизни рабочие могут законным и мирным путем в тесном союзе с правительством»...

Из воспоминаний Н. Моисеева.

Но зубатовцы не только агитировали. Из своей среды они выдвинули опытных провокаторов. Подготовлявшаяся революционными рабочими стачка 1903 г. была зубатовцами провалена, многие были арестованы и высланы. В то же время началось либеральное заигрывание с массой.

На Пречистенке либеральная буржуазия устраивает для безработных столовую, куда приглашаются и бромлеевцы. Либеральная газетка «Кремль» проникает на Бромлей и некоторое время читается рабочими.

Но уже надвигались события всероссийского масштаба. Как в зеркале, они отразились на Бромлее. 10 января 1905 г., получив известие о расстреле питерских пролетариев, бромлеевцы дружно бросают работу и с пением революционных песен выходят на улицу. Демонстрация имела успех: к Бромлею пристали рабочие Шварцкопфа, Гоппера, Карнеева и Горшанова, Сытина, Брокара и других предприятий. В последующие дни, в знак протеста против кровавых расстрелов в Питере, бастует уже все Замоскворечье. Забастовка сопровождается уличными столкновениями с полицией, зубатовщина терпит крах. Руководство движением все больше и больше закрепляется за партией большевиков. На очередь выдвигается массовая политическая стачка и вооруженное восстание против царизма.

На Бромлее в это время не дремлют.

> «Усилиями наших организаций в наш район и на Бромлей доставляются большие транспорты оружия, которое и хранится в конспиративных квартирах на Шаболовке. МК большевиков нас не оставляет, посылая на завод лучших своих агитаторов, как-то: Соколова, Войткевича, Скворцова-Степанова, Саврасова, Гиммера, Седого и некоторых других. Совков являлся нашим парторганизатором, ободрял, давал тактические советы, был близким товарищем. Войткевич — боевой организатор — читал тактику уличного боя и обучал метанию бомб. Гиммер обучал стрельбе в Орловой роще, там был у нас и «полигон»...»
>
> *Из воспоминаний Н. Моисеева.*

Декабрьское восстание, в котором многие из бромлеевцев приняли активное участие, было подавлено. Прошла полоса массовых обысков, арестов, высылок, военно-полевых судов и казней. Администрация завода «конкурировала» с полицией в терроре. В ходу были «черные списки», выдача зарплаты «через участок», шпионаж и т. п. Пригодился и «пасхальный обычай» Бромлеев: ежегодная массовая чистка завода осталась и после революции 1905 года.

Но уже с тех пор завод не утихал. В 1907 г., выставив ряд требований, бромлеевцы проводят большую забастовку. В апреле 1912 г. они опять бастуют — в знак протеста против Ленских

расстрелов, а в мае того же года невыходом на работу по-боевому отмечают день международной пролетарской солидарности. В 1914 г. завод бастует в знак сочувствия путиловцам, а через год — бакинским рабочим. В 1916 году бромлеевцы бастуют в знак протеста против роспуска Гос. думы, а через три месяца — в половине февраля 1917 г. — они же с красным знаменем и возгласами «Долой войну, давай хлеба!» выходят на улицу и из Замоскворечья пытаются прорваться в центр.

Ощутимо для всех надвигалась революция. «Патриотические» манифестации 1914 г. и немецкий погром в Москве не могли сбить с толку рабочих: бромлеевцы не снимали шапок ни перед царскими портретами, ни перед поповским крестом.

Огромные барыши от военных заказов требовали бесперебойной работы, и администрация пошла на кое-какие уступки. В 1915 г. открыли «общество потребителей», в 1916 г. шли толки о «старостатах», в конце того же года заговорили и о создании военно-промышленного комитета, где наряду с хозяевами заседали бы и рабочие. Все эти заигрывания имели одну цель — отвлечь рабочих от главного — от борьбы за власть. Выверты эти пришлись по душе лишь меньшевикам. Социал-оборонцы верховодили тогда в потребиловке. Они же вместе с хозяевами «сотрудничали» в военно-промышленном комитете. Подлинные же революционеры — большевики — выдавались провокаторами, шли в тюрьмы и ссылку.

Летом 1914 г., когда началась мировая бойня, на Бромлее уже не было официальной организации большевиков. Оставались лишь отдельные партийцы, они мужественно продолжали свою работу. Каждый день войны укреплял позицию большевиков на заводе, в феврале 1917 г. они выходят из подполья. Новая забастовка, но на этот раз рабочие с негодованием отвергают предложение директора оплатить им «революционный прогул». Рабочие считают эти дни праздником и не хотят за него получать денег.

Но уже в апреле завод Бромлея бастует в знак протеста против министров-капиталистов с их декларацией «о войне до победного конца». В июльские дни завод бастует снова. Приезд Корнилова бромлеевцы встречают возгласами: «Да здравствует Ленин!» Экономических требований рабочие уже не выставляют: 8-часовой рабочий день явочным порядком они ввели у себя на заводе еще в марте, администрация присмирела, хамское обращение с рабочими прекратилось, впервые в истории рабочий мог разогнуть спину и поднять голову.

V

Шестьдесят лет понадобилось Бромлеям на то, чтобы развернуть и свернуть свой механический станкостроительный завод. 1917-й год был последним годом Бромлеев. С первых же дней февральской революции завод резко сократил производство. Глав-

ные акционеры завода — ленинградские банкиры братья Абельсон — предусмотрительно бежали за границу. Завод уже тогда остался без хозяина.

За пятнадцать лет от Октября завод не только восстановлен, но и вырос — стал подлинным гигантом станкостроения. И всего только шесть лет понадобилось на то, чтобы восстановить производство на бывшем Бромлее.

> «1924 год принес нам громадную радость. Впервые за долгие годы мы получили прибыль — мы стали хозяйственной организацией. Положение еще более окрепло, когда наш завод получил большой заказ от нефтяной промышленности на токарные станки. Теперь-то мы уже были достаточно сильны, чтобы этот заказ выполнить!..»

Из воспоминаний Богдановича.

Богдановичу эти трудные шесть лет показались «долгими годами». Это ничуть не удивительно, если вспомнить, через какую разруху, через какие испытания прошел завод «Красный пролетарий».

Рабочий класс и его партия не испугались трудностей, как не пугаются и сейчас. В 1924—25 г. «Красный пролетарий» обгоняет уровень выпуска изделий 1917 года, а в следующем 1925—26 г. достигает 95 проц. довоенного уровня — 1913 года, года расцвета русского капитализма. В еще больших темпах в этот восстановительный период растет производительность труда. Тогда же начинается широкая реконструкция завода, до полной неузнаваемости преображающая его лицо.

Капиталовложения растут из года в год. За 1923—26 гг. капитальные вложения по «Красному пролетарию» составили 4,3 млн. червонных рублей. Только за восстановительный период основной капитал завода вырастает более, чем в 3 раза.

С 1927 г. начинается полное обновление оборудования механических цехов «Красного пролетария». Попытка вредителей сорвать реконструкцию переводом литейной с «Красного пролетария» на завод им. Ильича — не приостанавливает реконсттрукции.

По тому, как рос и развивался завод в послеоктябрьский период, можно судить, как росла и развивалась вся страна после победы пролетариата. В годы, когда не было ни хлеба, ни топлива, завод не только делал зажигалки, но и изготовлял машины для приготовления картофельных галет. В 1923 г. завод делает упор на машино- и станкостроение. Изготовляются, по заказам, 30- и 50-сильные бескомпрессорные двигатели, колесно-токарные станки, быстроходные лесопилки и т. п. Дальше следуют паровые молоты, долбежные станки, станки карусельные, фрезерные, наждачные и другие. С 1926 г. начинается производство деталей новой марки и разрабатываются конструкции новых токарных

станков. С 1927 г. начинается серийный выпуск этих станков и дальнейшее их усовершенствование.

В первую пятилетку строительства социализма в СССР завод вступает уже с определившимся, со своим собственным лицом. Он постепенно сужает свою номенклатуру, специализируясь, главным образом, на изготовлении токарных станков и быстроходных дизелей. Откликаясь на призыв т. Сталина, краснопролетарцы выдвигают идею создать токарный станок «ДИП» («догнать и перегнать»). Одновременно на заводе — и в цехах и в новых экспериментальных лабораториях — разрешается ряд технических проблем, связанных с освобождением Советского союза от импорта.

Но если «Красный пролетарий» почти ничем не напоминает старого Бромлея, то трудно узнать и старого бромлеевца, ставшего краснопролетарцем.

Говорить о производственной обстановке, об условиях и оплате труда на «Красном пролетарии», говорить о жилищно-бытовых условиях краснопролетарца, о том, как он отдыхает, учится, развлекается, совершенствуется, — это значит рассказывать о том, как живет «хозяин страны» — советский рабочий.

На б. Бромлее сейчас свыше 2,5 тысяч рабочих — производственников и более 300 инженерно-технических работников. Огромное большинство из этой массы — ударники, все почти сплошь — пайщики своих кооперативов, свыше 600 — члены партии или ее кандидаты, около 1000 — состоит в комсомоле.

Рабочий класс представлен на б. Бромлее одним из лучших передовых своих отрядов. Сгинули навсегда Бромлеи и Абельсоны, Семиладновы и Изюмовы, Рунды и Котовы. На месте старых завалюшек и ночлежек поднялись новые корпуса Хавской улицы, заселенной краснопролетарцами. Возник мощный учебный комбинат, огромная школа ФЗУ, где ребята совсем не похожи на прежних «мальчиков». Расцветает новая, невиданная жизнь, и бывший Бромлей — ныне «Красный пролетарий» — уверенно и бодро шагает во вторую пятилетку.

Один из вновь построенных рабочих домов

Хавско-Шаболовский рабочий поселок.

ЭЛЬВЭ.

Московская кондитерско-конфектная фабрика „Красный Октябрь" — передовое предприятие, идущее в первых рядах среди ударных заводов и фабрик СССР.

Фабрика „Красный Октябрь" выполнила пятилетний план в два с половиной года. Из сравнительно небольшой и отсталой технически фабрики „Эйнем" ныне выросло огромное, механизированное и реконструированное предприятие пищевой индустрии.

Выпуск продукции фабрика увеличила по сравнению с довоенным временем в восемь раз, доведя ее количество до 57 тыс. тонн в год. Во второй пятилетке фабрика будет давать 60 тыс. тонн продукции в год.

Ряд работников „Красного Октября" награжден орденами за ударную работу. Трудовой и революционный путь от фабрики „Эйнем" до победно работающего „Красного Октября" героичен и показателен. Об этапах этого пути, о борьбе трудового коллектива фабрики, о ее революционном прошлом и рассказывает этот очерк.

„Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план".

И. СТАЛИН

I

Осенний полдень лижет холодными струйками дождя запотевшие стекла.

За окнами живет и работает огромная фабрика: в пяти этажах ее бормочут в кипении котлы, струятся ремни пассов, металлическим говором перекликаются механизмы. Тысячи людей в белых халатах и колпаках нагнулись к машинам, прильнули к столам и станкам, растворились в работе.

Сиренами кричат тяжелые Бюссинги, теснясь на дворах у

складов, разгружают гулкие бочки с патокой. Их грохот слышен отсюда, с четвертого этажа. Этажем ниже в просторных комнатах слышится тонкий посвист и клекот в ретортах и колбах; в их хрустальной прозрачности играют многоцветные блики; в колбах этих таятся, кипят, сочетаются и зарождаются химические растворы и смеси. Они алые, темные, золотистые; они крепко и сладостно пахнут острой пестрядью вкусовых ароматов, лимонных цветений, померанцевых корок, концентратом июльских плодов. Здесь работает новая *центральная лаборатория НИИ* — научно-исследовательского института советской кондитерской промышленности — первого института этой отрасли.

Собеседник мой — человек средних лет; он худощав, коротко острижен и подвижен.

— Мы — молодой институт, — говорит он, — всего полгода существуем. До сих пор еще не было у нас в стране такого института.

Я слушаю волнующий рассказ о том, как трудно было создать большое научное дело на пустом месте; как по скляночкам и колбочкам собирались лаборатории, как приходилось отвоевывать каждый метр помещения, каждый стол или стул, — драться за свое право жить и работать.

— Наркомат нам сказал, — говорит собеседник, — деньги мы вам дадим, а вы докажите свою пользу на деле. И мы доказали. Сейчас у нас, кроме центральной лаборатории, есть еще ряд лабораторных точек, свои библиотеки, целый штат опытных работников. Мы разработали новый метод определения кислотности, сконструировали свои собственные новые аппараты — вискозиметры и аппараты для инверта... Мы добиваемся, чтобы наши кондитерские фабрики забыли о буржуазной мишуре и утонченности извращенных вкусов. Мы не роскошь даем потребителю-трудящемуся. Мы даем ему необходимый добавок к его питанию — углеводы и сахары. Мы выпускаем сорта, доступные широкой массе: полезную карамель, драже, питательный шоколад и марципаны. Наибольшего количества заключаемых в них углеводов и сахаров мы и добиваемся в своем НИИ. И еще — мы ищем и находим новое и дешевое сырье, осваивая его технологически.

Человек берет со стола коробочку с образцами.

— Вот! — говорит он с гордостью, — этот марципан сделан из «чуфы» — земляного ореха, которым мы заменяем дорого стоящий миндаль. Чуфу мы уже начали культивировать сами и вот первые наши результаты... А вот эта конфета — тоже «новорожденная», она из гидрированного жира. Мы твердо решили стряхнуть с плеч «какаовое иго» заграницы. Валютное импортное масло-какао стоит больших денег, и вот мы сейчас пробуем заменить его таким же ароматичным сырьем, добытым из простого говяжьего жира, обработанного особыми способами. Сейчас мы работаем над освоением растения «сорго» — будем делать сиропы из своего сырья, и вырабатываем молоко из сои.

Я гляжу на лицо человека во френче, на радостный блеск его глаз и радость его мне близка и понятна. Он говорит о мирных, как будто незначительных победах, а из этих побед и складывается грандиозное и победоносное целое первой социалистической пятилетки.

— Свою вторую пятилетку мы разработали всем инструментом. Намечена масса интереснейших технологических и химических проблем, решить которые необходимо для полной реконструкции кондитерской промышленности. И если мы справимся со всеми намеченными нами работами, — а я думаю, что мы справимся, ведь надо справиться! — то во второй пятилетке мы целиком реконструируем всю кондитерскую промышленность СССР.

Мой собеседник — это замдиректора нового института, его основоположник и профессор своего дела. Зовут его *Петр Никитич Калганов*. Свое право на ученую работу Калганов добыл пятнадцать лет тому назад. Октябрь дал ему, бывшему кондитерскому мальчугану, подмастерью фабрики «Эйнем», — теперешнее его звание.

Петр Калганов здесь не один. Он — полноправный член крепкой семьи соратников, еще работающих на обновленной фабрике.

Да это настоящая семья бойцов, сродненная годами работы и испытаний. Их скромные имена неразрывны с историей фабрики — они сами живая ее история.

Товарищи Капалин и Кузнецов, Калошин и Воробьев, Рыхлов, Борисов и Разносчиков, Хлебников, Лебедевы Михаил и Александр, Зайцев и Соколова, Цыганов и Колобушкин, Росиков, Щербакова, Беляева... много их здесь, прошедших тяжелый путь от черной работы до теперешних их кресел и кабинетов и командных мостков.

Все они командиры теперь.

И есть среди них герои: на отворотах рабочих рубах и халатов тт. Капалина, Калошина, Реутова, Висборновой алеют почетные ордена.

II

...Весной 1912 года самоуверенный и плотный господин Гейс, судорожно стискивая в толстых пальцах дорогую сигару, с испугом глядел из окна кабинета на двор своей фабрики. На дворе колыхалась, взволнованно гудела толпа рабочих, оставивших в неурочное время свои цеха. Господин Гейс вызвал по телефону своих компаньонов. Потом он звонил «во все полицейские колокола», сообщая полиции города Москвы, что:

— На фабрике «Эйнем», до сих пор безропотно подчинявшейся строгому режиму дирекции, «взбунтовались» рабочие. Что они самовольно бросили работу, вышли на двор и «осмелились дерзко осуждать» правительство и протестовать против Ленского расстрела.

Через полчаса монументальные полицейские торчали во всех

углах двора. Какие-то юркие личности шныряли в толпе, исподтишка наблюдая и запоминая имена рабочих ораторов, чтобы донести о них хозяевам и полиции. Полиция тоже была встревожена. Выступление рабочих говорило о том, что на фабрике «поставщиков двора его величества» зреют и кипят грозные для правительства силы, что там идет какая-то вулканическая подпольная работа. «Фараоны», наемные провокаторы и шпионы, — хозяйские верные псы, утроили наблюдение. Но все было напрасно.

Как ни караулила дирекция каждый шаг рабочих, все равно в цехах то и дело появлялись листовки и прокламации. Осторожно собираясь кучками в закоулках фабрики, рабочие впивались глазами в строчки «Правды» и листовок, приносимых на фабрику организаторами движения тт. *Будзинским* и *Машечковым* и передовыми рабочими *Лебедевым*, *Калгановым*, *Александровым*, *Сидоровым* и другими. Искра разгоралась в костер. Уже в 1913 году, когда забастовали доведенные до отчаяния хозяйскими прижимками рабочие фабрики «Сиу», их товарищи с «Эйнема» организовали помощь бастующим, собирали трудовые двугривенные и полтинники, чтобы поддержать бастующих в их борьбе против эксплоататоров.

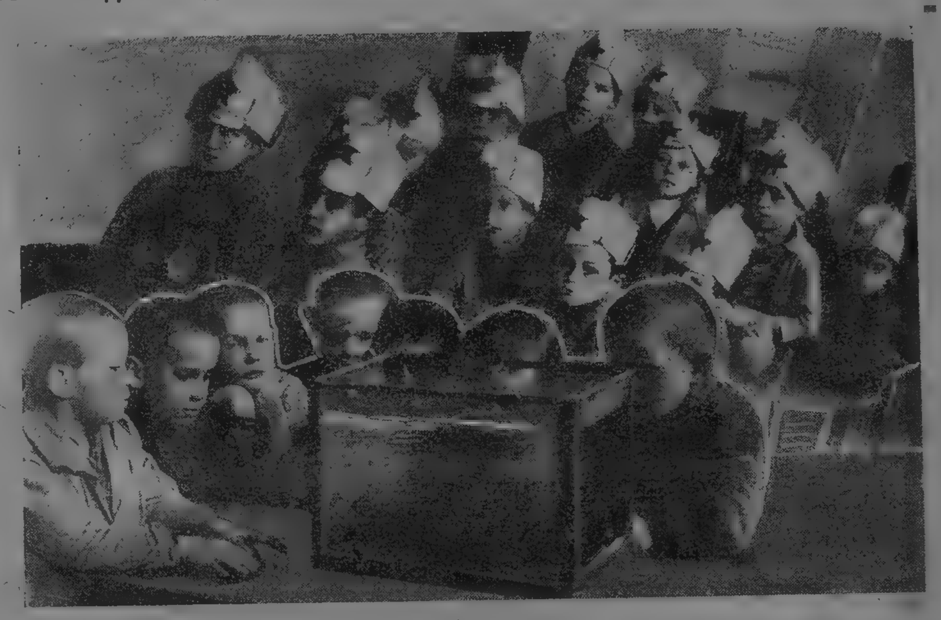
Еще зорче следила полиция и уже имелись в ее «черном списке» имена обреченных на аресты и ссылку зачинщиков. Рабочие фабрики выбирали своих верных людей в молодой еще профессиональный союз; в работе союза, в его укреплении опять-таки принимали горячее участие тт. *Калганов*, *Лебедев*, *Сидоров* и другие передовики.

В 1913 году на фабрике уже создались первые подпольные кружки РСДРП(б). Уже сотни рабочих, под влиянием вожаков-организаторов, проснулись от спячки, посещали самообразовательные курсы, следили за газетами, принимали участие в массовках, и уже в этом-же году фабрика впервые открыто выступила против хозяев, объявив экономическую забастовку и требуя повышения зарплаты. Но забастовка эта была взорвана изнутри хозяевами. Они недаром содержали целый отряд своих провокаторов. Подосланные к рабочим предатели сначала подбивали рабочих на преждевременное выступление, а когда рабочие выступили и оказались слабо подготовленными к борьбе, то эти же провокаторы всячески запугивали отсталую часть рабочих, вносили панику в их ряды, грозили им безработицей, голодовкой и сорвали забастовку.

А в воздухе пахло войной. Грозовые ее молнии сверкали на капиталистическом горизонте. Перед самой войной хозяева фабрики перешли в наступление на рабочих. Они уже выяснили вожаков и теперь решили одним ударом обезглавить движение. Случай им представился вскоре.

«Эйнемовцы», руководимые тт. *Калгановым*, *Ильиным*, *Лебедевым*, собирали средства на поддержку издания своей рабочей

[redacted] Пять тысяч детей находятся сейчас в детских садах. Вторая пятилетка предусматривает грандиозное дошкольное строительство. Уже в 1937 г. детские сады района будут воспитывать 31 тысячу ребят. До революции в районе не было ни одного детсада.

На снимке—детсад фабрики „Кр. Октябрь". [redacted]

«Правды». Инициаторов сбора, перечисленных выше, полиция арестовала в первую голову, лишив рабочую массу ее актива. Многие были уволены, выброшены за ворота с вызолоченным царским орлом. На время затихла вся фабрика. Хозяева, продолжая наступление, установили еще более суровый режим. Жестокие штрафы за минутное опоздание, увольнения за малейшую промашку, за смелый взгляд, не понравившийся хозяину, так и сыпались на рабочие головы.

В июле грянула война. Многих рабочих забрали в солдаты; поредели с трудом сплоченные шеренги уже подготовленных, уже втянутых в движение рабочих. А хозяева праздновали временную победу и нажимали все крепче, выворачивая рабочие карманы. Но напрасно казалось господам Гейсам, что на фабрике у них «все спокойно». Революционная работа не останавливалась. Большевики-организаторы тт. *Хлоплянкин, Мышкин, Островитянов* собирали вокруг себя все большую группу передовых рабочих, готовя «новобранцев революции». А в 1917 году эти «новобранцы», молодые еще большевики, уже выступили реальной сплоченной силой.

И в первый Московский Совет от фабрики вошли большевики-эйнемовцы *Лобанов* и *Анушкевич*. Большевистское ядро крепло, обрастало новыми бойцами. Среди них все чаще слышались имена тт. *Беляевой, Цыгановой, Щербаковой, Удотова, Сорокина, Лебедева, Нилова*. К июлю 1917 года на фабрике уже образовались и боролись друг с другом три силы: еще несдавшиеся хозяева с кучкой их прихвостней, затем — группа эсеров и меньшевиков и боровшаяся с обеими этими «силами» большевистская организация.

Организовалось два фабричных комитета: один, где засели эсеры и меньшевики, «топтался на месте», переговариваясь с хозяевами, поддерживая политику керенщины; другой состоял почти целиком из большевиков и сочувствующих им рабочих. Этот комитет открыто требовал национализации фабрики, а в октябрьские дни уже настолько мобилизовал рабочую массу, что немало эйнемовцев вступило в боевые дружины и в санитарные отряды, помогавшие Красной гвардии во время тяжелых боев.

Грозный гул и скрежещущий шорох тяжелых снарядов царил над приникшей к земле буржуазной Москвой. Старый город трещал перестрелкой, махал небу дымными рукавами пожарищ. С упорством отчаяния дрались защитники капиталистического мира. С железным упорством дрался за свое будущее пролетариат Москвы. Исторический бой двух миров кончился победой Октября; но победителям некогда было передохнуть. Начались бои новые, долгие и упорные, бои на гражданских фронтах, с разрухою, бои за свои станки.

В это время вернулся на фабрику едва уцелевший в царских окопах, потерявший там половину здоровья, но неутомимый *Калганов*. Еще оставшиеся на фабрике хозяева всячески пытались удержать ее в своих руках. Они пускали в ход самое предательское оружие.

Тут были и попытки открыто навредить фабрике; агенты хозяев подучивали несознательных рабочих растаскивать дорогое сырье, портить машины, всячески расшатывали дисциплину. Первый фабричный комитет, состоявший из большевиков, неустанно отбивал все покушения классового врага. В декабре 1918 года на фабрику было назначено первое правительственное правление, в которое вошли тт. *Калганов, Кузнецова, Гусев и Сиватюгина*. Это рабочее правление крепко взялось за восстановление фабрики и ежедневно боролось с еще оставшимися на ней акционерами-правленцами. Только благодаря железной настойчивости первых большевиков-эйнемовцев удалось, наконец, в январе 1919 года добиться полной передачи всей фабрики, ее сумм и дел в руки рабочих.

Понуро взглянули последний раз из бывшего своего кабинета развенчанные «поставщики несуществующего величества». Скрипя зубами, они вышли за ворота, за те самые ворота, в которые они много лет выкидывали всех неугодных им рабочих.

В декабре 1919 года на фабрику был назначен из тогдашнего главка — «Главкондитера» — некий специалист Пашкевич и повел вредительскую политику, явно разрушая дело. Его сообщники вели по цехам беседы, натравливая отсталых рабочих на профсоюз и на партийную организацию, в то время малочисленную, так как многие партийцы ушли на фронт. Этим ослаблением и воспользовался Пашкевич. Тяжелые удары наносил он фабрике. За полтора-два месяца в ряде цехов были попорчены машины и аппараты, разбежались рабочие и служащие, упало производство. Со злостной целью были оставлены на зиму без отопления и заморожены водопровод и канализация.

Как ни выступали на собраниях рабочие против Пашкевича, он продолжал морочить управление «Главкондитера», и так тянулось до февраля 1920 года, когда вернулась с фронта часть большевиков и возвратился на фабрику мобилизованный на другую работу т. Калганов. С большим трудом удалось добиться удаления Пашкевича с фабрики. После вредителя остались тяжелые раны, пришлось восстанавливать многие разрушения.

Немало трудовых боев выдержали большевики на фабрике, борясь ежедневно с разрухой. Эти бои должны быть вписаны в их послужные списки.

* * *

За время разрухи многие знатоки-мастера разбрелись с фабрики. Новые кадры были неопытны, учить их было некому. Рецепты и секреты производства были украдены у народа хозяевами при их бегстве с фабрики. Восстановить производство некоторых цехов и сортов конфект можно было только изучив их составы. И вот здесь пригодилась огромная практика мастера *Калошина*, перешедшего на фабрику в 1919 году с фабрики б. Сиу.

Он проводил целые дни в карамельном цехе, делал пробы и смеси, комбинировал сырье; он рылся в своих собственных записях практика и, делая сотни опытов, делился ими с инженерами *Реутовым* и *Кафка*, работавшими в восстановленной лаборатории. В свою очередь, оба инженера подводили под опыты мастера техническую базу, составляя расчет технологических процессов и химических реакций. В этом сочетании теории с практикой и был залог успеха.

Мастер Калошин и два инженера добились победы, — восстановился громадный карамельный цех. Открылись древние «секреты производства», хранимые хозяевами и старыми мастерами.

Открытые эти секреты теперь изучают фабзайчата на фабрике, слушая лекции. *И за один год они узнают более, чем раньше узнавал рабочий за двадцать лет подневольной работы.*

По заслугам получены почетные трудовые ордена и мастером *Калошиным* и инженером *Реутовым*.

По заслугам дан орден Ленина и т. *Капалину*, бывшему рабочему, а с 1924 года директору фабрики. Под его энергичнейшим руководством были реконструированы и механизированы все цеха фабрики.

Заслужен этот орден комсомолкой-ударницей т. *Выборновой*, сумевшей захватить своим энтузиазмом всю молодежь «Красного Октября» и сорганизовавшей десять молодежных ударных бригад.

Комсомолка Выборнова училась на примере старых бойцов, ведших фабрику от победы к победе.

* * *

Да, это был настоящий конвейер побед.

Первая была одержана в 1921 году, когда государственная кондитерская фабрика б. Эйнем была занесена на красную доску «за исключительное повышение производительности труда».

В 1922 году рабочие фабрики на общем собрании постановили переименовать ее и приняли славное имя «*Красный Октябрь*».

О дальнейших победах «Красного Октября» говорил мне ветеран фабрики, ее инженер-технолог т. *Кафка*:

— Мы приняли в руки старое дело с отсталыми методами, с примитивными механизмами. А сейчас мы имеем комбинированное предприятие, состоящее, в сущности, из целого ряда взаимносвязанных фабрик. Ведь один наш карамельный цех сейчас, — это половина старого Эйнема по своим размерам.

Инженер нагибается к папиросному листочку с цифрами и, внушительно подняв обожженный кислотами и пробами палец, читает выдержки из рапорта фабрики.

— На последний год пятилетки было намечено довести выпуск продукции до 140 тонн в сутки, а фактически мы уже в 1931 году достигли ежесуточной выработки 165,3 тонны.

Вот вам цифры — они громче и ярче всяких слов говорят о победе!

— На фабрике капиталистов Гейсов за 1913 год было выработано 7643 тонны конфект. А мы в 1931 году выработали 57,5 тысяч тонн, обогнав далеко довоенные нормы.

— На старом «Эйнеме», в лучшие годы его расцвета, было всего 2000 человек, а у нас в мае 1931 года уже работало 4320 рабочих и работа шла в три смены... Все производственные цеха фабрики с 1 апреля 1931 года переведены на хозрасчет. Создается ряд подсобных цехов, механизируется подача сырья, развернулся и вырос вдвое механический цех фабрики, ранее представлявший из себя обычную механическую мастерскую.

— Общественность фабрики принимает горячее участие в ее строительстве, в культурно-бытовом улучшении положения рабочих. Организован свой большой ЗРК, столовая на 5 тысяч обедов, собственные огороды, два пионерских лагеря... — перечисляет инженер и помолодевшим голосом заключает:

— Но самое главное это то, что первая пятилетка проделана нами в два с половиной года, о! — внушительно и округленно произносит инженер.

— Вы понимаете? это сделала наша фабрика, сделали все мы, ибо фабрика — это мы... она и здесь (он тяжелой рукой очертил помещение института), и там, в цехах... нас пять тысяч, о!!

Стекла окон чуть вздрагивали. Контрабасный звук мотора шел снизу. Осевшие под грузом трехтонные автослоны поднимали на дощатые спины сотни ящиков с карамелью, чтобы пронести их к вокзалам и отправить этот груз по тысячам рельс, по селениям и городам Союза, — от Самары до Весьегонска, от Охотска до Батума...

III

Весною этого года на фабрике стало туго с тарой.

Ждать дерева? Усилить переписку в конторах?

Сидеть сложа руки у груд неупакованной продукции?

Нет, трудности должны побеждаться!

И вот в ирисном цехе 25 мая партийцы-вербовщики вызвали желающих ехать на заготовку тары.

— Куда? Ехать самим? Как так на заготовку? Вот еще новое дело!..

Организаторы отвечали: — Ехать надо на север, в район лесозаготовок, на Северную Двину. Выходить из любого тяжелого положения своими силами, всем коллективом, не считаясь с расписанием обязанностей, — это не «новое», а старое дело, ибо уже 15 лет так делает каждый честный рабочий, — это дело партийное и ударное. Лес будем отгружать на место и отправлять в Москву.

Через неделю бригада ударников-добровольцев выехала на Север.

Москвичи как динамит взорвали вялые темпы на лесозаводе «А» и на его лесобаржах.. Бригада работала на погрузке до полночи. Сама рыскала всюду. Бригада билась до 28 августа и за это время отгрузила собственными руками для своей фабрики 10 тысяч кубометров пиломатериалов.

Так коллектив, пронизанный волей партии, понял свою задачу — не бояться трудностей, а их преодолевать. Также был в марте 1931 года реализован полностью выпущенный фабрикой «Заем техники», — ответ на призыв партии «овладеть техникой».

Как всколыхнул этот призыв всю фабричную массу, как был принят всей душой этот лозунг, — говорит замечательнейший факт.

— *За прошлый год фабрика сэкономила полтора миллиона рублей только благодаря улучшениям и предложениям рабочих-рационализаторов и изобретателей.*

Предложения по лучшей расстановке сил, по усовершенство-

ванию станков, по упрощению операций так и сыпались сотнями.

С хозяйской пытливостью сами рабочие берегли каждый шаг, каждый грамм материала.

О действительном энтузиазме говорит внушительная цифра: на фабрике работают три тысячи ударников — три тысячи из пяти. И вот как они работают.

* * *

Сталинская эстафета подняла всю фабрику. Специально формируемые парторганизацией «тройки» шли в цеха, подходили к бригадам, к машинам, объясняли всю важность внедрения шести условий в производственную ткань фабрики и вот уже смена мастера *Мотасова* в карамельном цехе после такой беседы приняла на себя ряд ударных обязательств.

Работницы-коммунарки коммуны «*Память Ильича*» дважды набавляли себе норму по съемке глазированных изделий, снизив расценки и выполнили эти нормы.

Женская бригада т. *Медведской* закрепилась до конца пятилетки за цехом и вызвала на это соседние группы.

Особые бригады были посланы для обмена опытом на другие фабрики, а вернувшись внесли ряд практических улучшений на своем «Красном Октябре».

Сменновстречный план, выдвигаемый в цехах фабрики, дает изумительные результаты.

Бригада т. *Юдкевича*, получив задание в 2 460 *кг*, приняла свое встречное — 2 700 *кг*. А выработала — 3 400 *кг*.

Группа т. *Шишкова* перевыполнила в порядке встречного свой план *на 39,5 тонн выше*.

На сегодняшний день парторганизация фабрики насчитывает свыше 900 членов и кандидатов партии. Их было 500 в начале 1932 года. Их было два десятка двадцать лет тому назад.

В январе 1924 года, под яростный треск морозных костров, озарявших трагические ночи не спавшей у великого гроба столицы, в дни, когда под рыдающий стон гудков, на пять минут застыла в железном прощальном салюте вся шестая часть мира, опуская в могилу его величайший мозг, — в эти страшные и величавые дни еще выросли и еще крепче сплотились ряды большевиков «Красного Октября».

В эти дни в ряды партии вступили новые ее бойцы. И с тех дней, по полной революционного духа и смысла традиции, каждый праздник революции фабрика отмечает массовым вступлением в партию своих рабочих.

Всего не расскажешь, всего не опишешь. И нет еще, не придумано таких гирь и весов, чтобы взвесить на них необъятный груз — всю энергию, волю, заботы и тягости — годы схваток, усилий, миллионы ударных часов, сотни здоровий, все что вложено в дело возрождения славной фабрики ее бойцами.

* * *

Я сидел больше часа в парткоме фабрики. Ежеминутно хлопала низенькая дверь. Один за другим заходили, нагибались к столу секретаря, перебрасывались с ним краткими деловыми словами десятки людей в спецовках и в куртках, пожилые и юные.

И как капли наполняют чашу, так отдельные капли дела живого, творческого, горячего дела наполняли чашу рабочего дня.

Тогда я увидел те незримые для постороннего, крепкие нити, которые протянулись, как струны, от двери с надписью:

«Ячейка ВКП (б)».

в каждый цех фабрики, к каждой бригаде, к машине, к десятку, к пятку людей.

Нити эти звучат в один тон.

«Основная задача парторганизации — это перестройка работы и структуры парторганизации таким образом, чтобы они были ближе к цеху и сосредоточили свои главные силы и внимание в самом цехе» (Каганович).

В этих четких, простых словах, в их реальном выполнении и есть главный двигатель конвейера побед «Красного Октября», взявшего крепость первой пятилетки.

Т. Х.

Сорок лет назад в Москве, на углу Дмитровки и Георгиевского, в странном здании, похожем на монастырскую столовую и одновременно на конюшни, загудел первый генератор, и извлекаемая им электрическая энергия ринулась в город. Представленный китайгородскими оптовиками и титулованными владельцами особняков по Дмитровке, Тверской и Кузнецкому, город воспринял событие не только без тревоги, но и с оттенком торжества людей, довольных собой и существующим порядком.

В первые дни после пуска станции купцы и дворяне развлекались тем, что попеременно включая и выключая свет, *делали электричество*. Позже приевшееся развлечение стало достоянием приказчиков и кучеров, покамест и им не надоело это кажущееся покорство таинственной силы, эта постоянная ее готовность не только служить человеку, но и забавлять его. Никто не заметил что новая сила, вторгшаяся в быт одних пока только избранников, уже изменила что-то во всей жизни, внесла нечто новое в привычное понятие купли-продажи, ввела контроль, поставив в чужой передней своего неподкупного электрического приказчика.

Это вторжение стало особенно чувствительным, когда автоматические счетчики появились на отдельных заводах и фабриках, когда станки и машины, исконную собственность фабрикантов, начала там крутить посторонняя, пришлая сила.

Можно ли ей доверяться? Каковы были не только барыши акционеров и учредителей «Общества 1886 г.», но и его планы захвата чужих доходных предприятий? Обо всем этом можно было лишь гадать. Но из всех гаданий неизменно вытекало:

раз люди строят станцию, значит это выгодно и надо строить станцию самому.

Так «электрифицировали» старую Москву на купецкий лад: «Общество 1886 г.» разветвляло свою сеть из центра, завоевывая почти исключительно барские особняки, доходные дома и мелкие предприятия в черте Садовых, а на окраинах доморощенные текстильные короли в спешном порядке устанавливали собственные «колтыхалки» — карликовые, неэкономные, прожорливые машины, порой просто убыточные, — что из того? Лишь бы были свои, собственные!..

Но первый, начавший бег, имеет преимущество перед прочими, прозевавшими команду. В Замоскворечье, на огромном пустыре, между Раушской набережной и Садовниками «Общество 1886 г.», успевшее к 1898 году прочно завоевать аристократические кварталы Тверского района, начинает строить новую станцию, по тем временам весьма грандиозную. Привозятся из Германии мощные турбогенераторы, призванные обслуживать уже не только жилье, а такие «отечественные» фирмы, как Циндель, Эйнем, Бромлей, Густав Лист, Гужон.

Начинается подобие расцвета.

В начале 1911 г. в связи с юбилеем Общества подводятся итоги электрического завоевания «первопрестольной». Издается даже роскошный альбом, рекламный, со многими фотоснимками и цветными диаграммами, с текстом, разумеется, лишь на немецком языке. Задача альбома не только привлечь новую клиентуру, но и поразить противников, вроде Городской управы, тоже обзаведшейся своей станцией где-то на Болоте.

Альбом старался бить «цифрами», «темпами». Он подчеркивал бурный рост установленных мощностей (с 4 000 киловатт до 43 000 киловатт за 12 лет). Он подчеркивал, что за эту дюжину лет максимальный отпуск энергии увеличился почти в восемь раз — с 2 000 до 15 000 киловатт.

Одновременно юбиляры «готовились» к передаче Раушской станции Городской думе. Доламывались старые машины, новые агрегаты на Раушскую уже не поступали. Их везли к Павлову-Посаду, на богородские болота, в лесную глухомань, где по слухам какое-то новое общество строило новую станцию. Станция и впрямь была новая, но общество — старое, только вывернувшее шубу и назвавшееся «Электропередачей». Городской думе было предоставлено строиться в центре города на давно осушенном Болоте рядом с лабазниками и расходовать драгоценное дальнепривозное топливо, чтобы получить для своего трамвая ток. «Электропередача» же обосновалась в ста верстах от Москвы на полувысохшем болоте: дешевый торфяник должен был сжигаться на месте и транспортироваться в столицу в виде мощных потоков энергии.

В первый же год начавшейся вскоре мировой бойни все преимущества «Электропередачи» сказались весьма явственно.

Железнодорожный и водный транспорт разрушался у всех на глазах. Узловые и сортировочные были забиты грузами и не успевали пропускать эшелоны и военное снаряжение. Стояли по тупикам и маршруты с нефтью для московских электростанций. А на Измайлово как ни в чем не бывало тянулись подвешенные к высоким столбам передач тугие провода трехфазного переменного тока; по ним мчалась с богородских болот энергия.

На Измайловской подстанции, единственной понизительной подстанции огромного двухмиллионного города, ток с болот преобразовывался: усиленный при выходе в своем напряжении до 30 000 вольт, он в жалконькой будке у Измайлова понижался до своих первоначальных 6 000, по системе кабелей мчался к новым трансформаторам, преобразовывался там из переменного в постоянный, молниеносно перекидывался по кабелям в моторы и моторчики, через них сообщал движение станкам. И станки заводов Гучкова, Рябушинских и прочих крутились, сверля цилиндры снарядов, делая нарезку, навинчивая головки, начиняя снаряды смертью.

Установленная мощность всех московских электростанций, вошедших после революции в систему МОГЭС вместе с «Электропередачей», составляла около 93 000 киловатт, но фактический отпуск энергии потребителю был ничтожен. Огромная часть тока расходовалась на потери в сетях, на заземления при многочисленных авариях.

Первые годы революции были для МОГЭС годами разрухи. МОГЭС 1, на Раушской, заволакивалась тучами черного едкого дыма: вместо нефти в топки котлов поступали теперь сырые дрова, заготовленные на субботниках. Ток с «Электропередачи» поступал с перебоями, почти некому было добывать торф, не было хлеба, чтобы накормить тех, кто еще оставался на торфоразработках. В столице почти прекратилось трамвайное движение. Таяли кадры: кочегары, техники, монтеры уходили на фронт, перебирались в деревню, кое-кто мешочничал. Старые «колтыхалки» в начале девятнадцатого были включены в общую сеть. На МОГЭС 1 из строя выходили целые агрегаты, люди дурели от бесконечных, часто непоправимых аварий. Большие дома и целые кварталы даже в центре столицы ежедневно выключались из сети: поставленные в подвалах трансформаторы заливало водой испорченных водопроводов и мутной жижей лопнувших канализационных труб. Один за другим трансформаторы выходили из строя. Нагрузка заводских двигателей ни на одном заводе не была постоянной, часть двигателей работала вхолостую, это вело к колоссальным потерям энергии на станциях и в сетях.

В то время мощность электростанций Москвы составляла не свыше 18 000 киловатт.

Нужно было огромное напряжение, чтобы не допустить катастрофы.

К 1927 году мощность агрегатов МОГЭС достигла 195 000 киловатт. Отпуск энергии более чем утроился — до 195 миллионов киловатт-часов в 1927 году до 602 миллионов. Уже в 1919 году был пущен в ход первый новый турбогенератор «Электропередачи», приступлено к строительству временной Шатуры и Каширы, зрел, по идеи Ильича, план ГОЭЛРО.

План ГОЭЛРО — «это наша вторая программа партии», и пропагандировать эту «вторую программу» должна «каждая электрическая станция, построенная нами», — говорил Владимир Ильич.

Задача была нелегкая. Однако на третьем конгрессе Коминтерна весною 1921 года Ленин сообщал уже об утверждении плана ГОЭЛРО, а в декабре того же года съезд Советов подводил итоги первых успехов электрификации.

«Россия пойдет вперед, к другим временам!» — бросает с трибуны Ленин.

Какое событие так вдохновило его?

То был пуск маленькой Шатуры и ожидавшийся вскоре пуск временной Каширы с ее тогдашними 6 000 киловатт. За два года во всей стране прибавилось 12 000 киловатт новой мощности, одна Кашира должна была на одну треть увеличить электроснабжение красной столицы.

Но энергии все равно не хватало. Ее теперь и не могло хватать. До революции в барских особняках сверкали тысячесвечные люстры, а рядом в рабочем подвале подкручивали двухлинейную лампу, чтобы экономить керосин. Рабочие окраины тонули во мраке осенних ночей. Потоки энергии не вырывались дальше кольца «Б», очерчивающего центр Москвы.

Революция произвела и здесь переворот: она сделала ток общедоступным. Дворцы, где теперь заседали съезды, работало правительство и наркоматы, были посажены на электрический паек. Но одновременно стали получать паек и хижины. К 1927 году МОГЭС успел электрифицировать помимо Москвы шесть городов, полсотни рабочих поселков, сто шестьдесят шесть дальних и ближних деревень. Свыше 110 000 электрических ламп было установлено населению бесплатно. Несмотря на общий рост цен, отпуск энергии для освещения был удешевлен: с четвертака (до революции) до пятиалтынного за киловатт-час. Позже к тарифу была накинута копейка, она пошла целиком в фонд сельской электрификации, на то, чтобы осветить сотни глухих деревень, еще недавно озарявшихся лучиной.

После долгих неполадок Кашира наладилась. На протяжении ста двадцати километров бежал ток напряжением в 115 000 вольт, какое не снилось ни «Обществу 1886 г.», ни тем более городской управе.

Постоянная Шатура была начата строительством возле временной станции в 1923 году. Вступив в строй, Шатура, вы-

росшая на торфяных болотах, стала давать энергии в $2\frac{1}{2}$ раза больше, чем все старые станции МОГЭС в девятнадцатом году.

МОГЭС 1 получила передышку. Раушская разгрузилась, но не для отдыха, а для нового строительства. Рядом со старым котельным помещением поднялся многосаженный гигант, разбитый по вертикали на клетки, каждая высотой в двухэтажный дом. Ставились новые котлы, монтировались мощные турбины, устанавливалась сложнейшая аппаратура управления. Распределительный щит занял четырехэтажное помещение, пронизываемое невидимыми токами, приближение к которым для всего живого смертельно.

Но стройка кипит не только на Раушской. Капитальные вложения растут из года в год. В 1917 году капиталисты вложили в электростроительство Москвы около 700 000 рублей, а МОГЭС за десятилетие — около 100 миллионов рублей.

Направление борьбы за электрификацию строго определено МОГЭС. Топливом МОГЭС становятся по преимуществу фрезерный торф, дешевый подмосковный уголь, угольная пыль. Второе направление — борьба за повышение коэфициента мощ-
Третье направление — борьба за увеличение установленной мощности, иначе говоря — борьба с потерями вырабатываемого тока.
ности агрегатов. И, наконец, четвертое направление — борьба за дисциплину потребителя, точнее — двухсоттысячной армии могэсовских абонентов, где гигантский автозавод и маленькое кино при детском клубе, московский трамвай и лечебница Мосздрава, будка Моссельпрома и лаборатория треста точной механики, где десятки тысяч квартир, где новостройки, заводы, мастерские, депо, вузы, гаражи, парки, красноармейские казармы, общежития сезонников, прачечные, бани, световые рекламы, электрогазеты, типографии, наркоматы. Хватит! Укажите, где, в каких отраслях, кроме индивидуальной кухни с корытом, пролетарская Москва обходится без электричества!..

В десятках тысяч моторов, в миллионах лампочек, в сложнейшей системе кабелей, проводов, трансформаторов и турбогенераторов сверкает МОГЭС!

Не так это легко было сделать могэсовцам, хотя «довоенные нормы» и были оставлены позади еще к 1927 году. МОГЭС не должен был отставать от бурно растущей промышленности, гигантского строительства, начавшейся реконструкции городского хозяйства.

МОГЭС сегодня — один из гигантов всесоюзной энергетики. Мощность основных станций МОГЭС — 514 000 киловатт. Сюда надо добавить 28 000 киловатт нескольких мелких станций, которые показались бы гигантами, возникни они десятилетием раньше.

Отпуск энергии МОГЭС более чем удесятерился даже по сравнению с 1927 годом: тогда — 195 миллионов киловатт-часов, сегодня — два миллиарда киловатт-часов в год!

Потери в сетях снижены даже против плановых заданий.

При огромном протяжении могэсовских сетей, в особенности дальних высоковольтных передач, во много десятков раз превзошедших довоенные «нормы», считалось неизбежным, что потери в сетях составят 14%. Каждая десятая доля процента здесь равна двум миллионам киловатт-часов. И вот МОГЭС в 1930 году сберег сверх плана четыре таких доли, в прошлом году — десять долей, в текущем — двенадцать, а в общей сложности — 52 миллиона киловатт, т. е. почти столько же, сколько затратил в 1916 году московский трамвай на все свои надобности.

Сэкономить, да еще сверх плана, «целый трамвай», это возможно только в таком огромном хозяйстве, как МОГЭС, где за экономию борются не единицы, а тысячи и миллионы людей.

К концу второй пятилетки МОГЭС должен будет давать уже не два, а десять с половиной миллиардов киловатт-часов энергии — столько, сколько вырабатывает вся Германия, — а мощность агрегатов МОГЭС составит 2 200 000 киловатт, т. е. в двадцать пять раз больше довоенного.

Москва создает у себя новую энергетическую базу. Это будут десять новых теплоэлектроцентралей общей мощностью свыше миллиона киловатт. Подземная сеть теплофикации должна в Москве дойти к 1937 году до 500 километров. Подмосковный уголь для всех десяти ТЭЦ будет предварительно обогащаться на месте добычи, иначе с его перевозками не справиться никакому транспорту.

Вот когда Москва станет подлинно электрической!

Она получит новое энергетическое кольцо, и от этого кольца будет питаться не только метрополитен с глубоким вводом, не только вся промышленность и новые рабочие кварталы, но и все совхозы области, все пригородные хозяйства, добрая треть колхозных ферм, весь московский железнодорожный узел и три дальних дороги — на Нижний, на Донбасс, на Ленинград.

Уже во второй пятилетке, когда вступят в строй электростанции Бобрики, Орша и Ока с их полумиллионной мощностью, — электрическая энергия, вырабатываемая станциями МОГЭС, вырвется за пределы области, высоковольтные сети МОГЭС охватят все города и сотни сельских районов области, соединятся с электросетями Ивановской, Нижегородской, Центрально-черноземной и Западной областями, и через них, в конце второй пятилетки Москва и область включатся в единую высоковольтную сеть Союза!

При затмениях наблюдается повышенный интерес к солнцу. В остальное время никто из нас как бы не замечает светила, являющегося центром нашей планетной системы.

Без работы МОГЭС не мыслима ни современная промышленность, ни рельсовый транспорт, ни городское благоустройство. Однако, кто думает о МОГЭС, зажигая лампочку или включая мотор? Но стоит лишь начаться в комнате электрическому затмению, как москвич вспоминает не только о МОГЭС, но и о том,

что можно позвонить этому самому солнцу, вызвав монтера для срочной ликвидации аварии.

Особенно часты могэсовские затмения осенью.

Частенько лампочки горят вполнакала, излучая скудный красноватый свет. Явление продолжается иногда полчаса, иногда час, а иной раз и до утра.

В газетах в это время пишут, что надо всячески экономить электрическую энергию, что энергии не хватает, что в таком-то клубе состоится показательный суд над растратчиками энергии, а в таком-то домтресте или жакте уже оштрафованы нижеследующие растратчики энергии — управдомы.

В Чикаго одна световая реклама как-то хвастливо сообщала, что ею поглощается электрической энергии больше чем всем городским хозяйством. Вероятно, так оно и есть. В умирающих городах капитализма скоро не останется ни работающих заводов, ни городского хозяйства, а только — реклама. Сотни тысяч безработных перешли на первобытную коптилку, так как им не по карману электричество. Фабрики и заводы свертывают производство и закрываются. Каждый остановленный мотор на таких предприятиях автоматически сокращает потребление энергии. Только буржуазные кварталы ярко, порой чересчур даже ярко, освещаются электричеством: времена для буржуазии наступили такие, что электрические фонарики полисменов явно недостаточны.

Наша реклама далеко не так роскошна, как в любой столице Западной Европы. Зато во всей Москве вы не найдете ни одного рабочего дома, ни одного вновь выстроенного рабочего городка или поселка, где чадили бы коптилки. Не найдете и предприятия, где бы не были установлены электромоторы. Огромное количество энергии поглощает московский трамвай, в несколько раз увеличивший и свою сеть, и свой парк, и количество перевозок против самых лучших времен капиталистического «расцвета».

Осенью, когда по-ударному заканчиваются многочисленные новостройки, когда после месячной передышки пускаются в ход новые и старые текстильные фабрики, мельницы, всевозможные предприятия пищевой и легкой индустрии и когда вечер начинается рано, захватывая у станков дневные смены, — у МОГЭС наступает «максимум».

Уже с июня идет ремонт крупнейших агрегатов. Заготавливаются миллионы тонн сезонного топлива (торф). Проверяется и расширяется сеть. Мобилизуются все силы и средства для борьбы «за косинус фи» — коэфициент мощности. «Максимум» должен быть встречен в полной боевой готовности.

...В дни революционных торжеств миллионами цветных огней сверкает МОГЭС... Три миллиона москвичей, сотни тысяч гостей, отовсюду приезжающих на праздник, считают приятным долгом полюбоваться на иллюминацию. Тысячи киловатт-часов энергии

расходуются в это время. Энергия хлещет через край, отражаясь в москворецких волнах и восторженных глазенках октябрят. Хмуры бывают лишь оштрафованные управдомы. Зная МОГЭС по счетчикам, они никак не могут понять, почему никто не штрафует МОГЭС за столь ужасный перерасход энергии.

Но это не перерасход! Это — капли того избытка, который некуда девать станциям МОГЭС ввиду двухсуточного останова 100 000 московских моторов. А МОГЭС отдыхает в эти дни, чтобы завтра с удвоенной силой продолжать великую переделку города, страны, мира.

[redacted]

Бригадир ударной бригады завода „Красный факел" [redacted] П. В. Богданов. [redacted]

В. Бобров.

РАССКАЗ о ненаписанной книге

Люди делают историю, как делают железную дорогу, завод, фабрику, шахту.

История завода имени т. Молотова также сделана людьми.

Многогранен и широк материал этой истории.

Эпизодов, характеров, фактов, событий столько, что хватило бы на огромную книгу широкого социального охвата.

Это была бы книга о заводе, революции и большевиках-людях.

А пока — это рассказ.

Рассказ о ненаписанной книге должен начинаться так:

Давно, когда еще была Россия, в портовом морском городе Гамбурге жил капиталист Вагау.

Капиталист Вагау был миллионер, истый сын класса эксплоататоров, яркий представитель своей эпохи.

От Гамбурга на всю Россию тянулись сети этого паука.

Захватывая самые разнообразные отрасли хозяйства, ловкий коммерсант не брезговал ничем. Быстрый рост Вагау начинался в закоулках фабричных улиц, с лавок и магазинов, на которых полупьяным, отощавшим российским живописцем, размалевывались радужными красками зазывные вывески «Чайная и кофейная торговли Вагау».

Богатейшие просторы страны неутомимый заморский эксплоататор покорял не сразу. Наживаясь на чае и кофе, он внедряет сначала свои капиталы в фармацевтическую промышленность. Немного после — в парфюмерную.

В середине своей капиталистической карьеры предприимчивый немец становится акционером предприятий Гужон.

В стране снега, городовых, златоглавых церквей и произвола завоеватель доходов не знал поражений. Он приобретает Подольские цементные заводы, Кольчугинские предприятия, завод Розенкранца (б. «Красный Выборжец») и ряд медеобрабатывающих предприятий Урала.

С Урала, Подольска, городов и местечек, с угрюмых предместий блестящего Петербурга стекалась прибыль хозяину.

Конечным пунктом деятельности промышленника в России был основан в 1911 г. в Москве и закончен строительством в 1913 г. металлоаффинерный и медеплавильный завод, верней, скрупулезный заводик капиталиста Вагау.

Но было все это давно, когда еще была Россия....

У истоков истории.

История завода им. т. Молотова начинается в Верхних Котлах, на окраине Москвы.

На большом пустыре, недалеко от невысокого обрыва, глиняных ям, в 1913 году задышал завод.

Рядом с заводом, белея новым тесом и бревнами, стояла контора. В стороне, как серая мрачная насыпь, находился барак, в котором жили рабочие.

Было так:

Вечерами блуждала по окраине подвыпившая гармоника, голосила до утра, жалуясь на судьбу.

Электролизный цех завода им. В. Молотова.

Беспросветные песни гармоники игрались неспроста. Рабочие жили в бараке для «каторжан». Койка в бараке холостому стоила 2 р. 50 к., семейному — 5 руб. Питались рабочие кто как мог.

Зарплата за 10-часовой рабочий день для неквалифицированных была 15—20 руб. в месяц, квалифицированных — 25—45 руб., для высококвалифицированных — 50—75 руб., а последних было 3 человека.

...Ревел гудок.

Угрюмые, неотдохнувшие за ночь, шли утром на завод рабочие.

Начинался день полукаторжного труда, в грязи, в копоти, в произволе хозяйских слуг — заводского начальства.

К 10 часам приезжал в пролетке на породистом вороном рысаке коммерческий директор Шаров. В новой коверкотовой паре, в перчатках, надушенный, с безучастными глазами полицейского пристава — директор брезгливо обходил цеха. Его обход состоял из окриков, визгливого сквернословия, всевозможных придирок. А если кто пытался надушенному директору возражать, он, топая ногами и багровея, давал смельчаку немедленный расчет.

В 12 часов дня, злобно провожаемый взглядами рабочих, директор уезжал обратно.

До пролетки директора провожал, подобострастно подпрыгивая на ногах, остроглазый рыжий мастер. Не смея прикоснуться к директорской холеной ручке, мастер непрерывно кланялся, выслушивая приказания. А когда красноносый, бородатый кучер взмахивал кнутом и пролетка, оставляя после себя облако пыли, уезжала, рыжий мастер петушиным подпрыгиванием возвращался в цеха выполнять приказания. Это был верный хозяйский страж. Он выполнял одновременно роль мастера и полицейского на заводе. Когда рабочий Смирнов попытался было распропагандировать несколько человек рабочих, достав книжки и прокламации, мастер шепнул куда следует, и Смирнов был арестован. Обращение мастера было жестокое: пинки, сплетни, обсчеты, увольнения ни за что.

Тяжелое положение рабочих заставляло их дважды протестовать. Лишенные политической жизни, живя в полукаторжном режиме, они дважды проводили собрания, требовали убрать мастера. Хозяйские окрики директора разгоняли эти собрания. Мастер не был убран.

И так шли годы.

Палили из пушек. Над Москвой гремели самодержавные гимны. Под покровом трехцветных флагов гибнущего самодержавия духовые оркестры провожали эшелоны на фронт. О окраины, из бараков, взяв с собой деревянные сундучки, уходили с завода рабочие сражаться за отечество хозяев.

А пыльный металлоаффинерный заводик Вагау работал на военное ведомство и был нагружен полностью.

За годы войны завод расширялся, рос. Количество рабочих было увеличено сначала до 126 человек, а к 1914 — до 184 человека. Завод давал чистой прибыли 419 тысяч рублей.

Страницу за страницей накапливала история прошлого эпизоды для ненаписанной книги.

На московской окраине, в трех узких и низких цехах, в полукаторжных условиях труда, в бараках, похожих на мрачную, серую насыпь, развивалась история завода.

Но давно это было, давно, когда еще были капиталисты и была Россия.

Глава о наследстве.

В 1932 году, осенью, с рабочим завода им. т. Молотова мы сидим на обрыве, недалеко от завода. Напротив пламенеет на прохладном сентябрьском закате золотистая осенняя роща. Позади, окруженный сетью газопроводных труб, в насыпях шлака грохочет завод, блестя на закате большими в человеческий рост окнами и багровыми крышами громадных новых корпусов. По откосу, к заводу идет гурьба комсомольцев на собрание. В наступающем вечере разносится звонкая песня:

Покорили генералов,
Разгромили воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход.

Рассказчик дымит папиросой. Из-под мохнатых уст вместе с сизыми струйками дыма льется неторопливая грубоватая речь:

— Вот сейчас какой заводище стоит, любо-дорого смотреть, но, а начинали мы не с этого.

После революции достались нам от хозяина хомут да дышло, поглядеть не на что. Стоял он маленький, низкий и был рассчитан на получение только четырех тысяч тонн катодной меди, 3 узких цеха имел заводик, повернуться негде. Электролитический цех имел две небольшие печи для плавки обсосков. Силовой состоял из одного нефтедвигателя. Электролитический цех держался «на честном слове»; аноды подвешивались на крючки и колышки. Тут и вся механика заводская была. Да, взглянул бы сейчас старый хозяин Вагау, а не то директор Шаров на завод, что есть в нем и вокруг него... — Ни за что не узнали бы. Ничего от прежнего завода не осталось.

Осталась одна только история...

На завод приходят большевики.

Вся сила истории в фактах. Эти факты опровергают буржуазный мир, утверждая торжество социалистической системы.

Говоря проще, никудышный завод дожидался большевиков, своего настоящего хозяина.

И самые яркие страницы в историю завода вписаны после Октябрьской революции.

А перед этим развертывались такие события.

1. Февральский переворот больших изменений в жизнь завода и рабочих не внес.

2. В ноябре 1917 года завод остановился, а в декабре был закрыт.

Рабочие кадры завода после закрытия его разбрелись.

И в Москве около завода осталось всего семь семей. Это были потомственные пролетарии, не имевшие в деревне никаких корней.

Завод молчал. Смотреть на такой завод новому хозяину было не под силу. И тогда актив из оставшихся рабочих, участники боев с юнкерами во время Октябрьского переворота в Москве, начали хлопотать о пуске завода.

В конце 1920 г., после трехлетней консервации, загудел гудок. Годы 1920—1924 завод слабо работал.

Поднимающееся после разрухи народное хозяйство предъявляло требования на медь. Стал вопрос не только о полной загрузки завода, но и о его расширении.

С этого времени начинается перерождение завода, обновление его истории.

Реконструкция — простой перевод этого слова — означал для завода, для коллектива большевиков, рабочих и специалистов вот что: несмотря ни на какие трудности из скрупулезного наследства построить мощный завод-гигант.

Первым реконструированным цехом была силовая станция. Из небольшой клетушки с одним старым двигателем силовая выросла в мощную станцию. Следом, по последнему слову техники, был построен огромный новый корпус электролитического цеха с пропускной способностью в 35—40 тыс. тонн катодов в год. Третьим был реконструирован цех плавильный. Вырос огромный корпус с пропускной способностью до 40 тыс. тонн анодов в год. Вместо 2 печей старой системы в новом цехе в настоящее время — одна 100-тонная печь, 4 отражательных качающихся печи, 3 ковертера, 2 ватара-жакета. Построен цинкоуловитель и строится катрель. Лучшими импортными и советскими машинами оборудован цех спекания.

* * *

Что могут сделать и сделали люди, строящие бесклассовое общество?

Гудит большой, громыхающий, им. т. Молотова завод. Его жизнь вросла в эпоху. И от завода тянутся крепкие нити, связывающие завод с сознанием его творцов и их бытом. На заводе

1 500 рабочих, 200 служащих, 180 ИТР. В соцсоревновании участвует 80%, ударников — 82%. Вместо тесного барака для «каторжан» — 10 многоэтажных, светлых, с паровым отоплением и электрическим освещением домов, с площадками для цветников. Это городок рабочих на 400 квартир.

Зарплата: сдельщики I группы получают от 80 до 175 руб. II группы — от 175 до 250 руб., III группы — от 250 до 305 руб.

На I полугодие парторганизация насчитывает 316 членов партии, членов комсомола 265 чел. Вместе с массой рабочих весь этот могучий коллектив борется за высокую организацию производства, новый быт нового человека.

* * *

Есть еще одна яркая страница в истории завода, рассказ о том, как была создана на заводе мощная продовольственная база.

...Тихим прохладным утром сентября, среди деревьев осиновой рощи, сбрасывающей листву, ходили люди, останавливались у вольеров. За вольерами ворочались, показывая куцые хвосты, серебристые шампан, голубые венские и пепельные под шеншиля кролики.

Секретарь ячейки с зоотехником Николаевым, осторожно трогая ценнейшую пушнину и тонны будущего мяса, обходили продовольственную базу завода. Николаев, заглядывая в крольчатник, вытаскивал за загривок из чистых клеток племенных самок и самцов, говорил о скрещивании пород, требовал разобраться в какой то истории с овсом, настаивал на срочном отпуске леса для изгороди крольчатника.

Крольчатник завода им. Молотова скорее напоминает выставку образцового племенного кролика, чем обычный заводской крольчатник. Такой, каких пока не много. 540 племенных кроликов имеется у завода. Но производственная база не ограничивается этим. Столовая завода — одна из лучших в районе. В столовой почти каждый день мясные блюда. Тарелка щей и мясная котлета стоят всего 60 коп. Свиная отбивная — 1 рубль 20 к. ЗРК сумел снабдить заводской детсад на 90 резвых, веселых ребят молоком собственной фермы. Дети рабочих получают сливочное масло, печенье, сыр, конфекты.

* * *

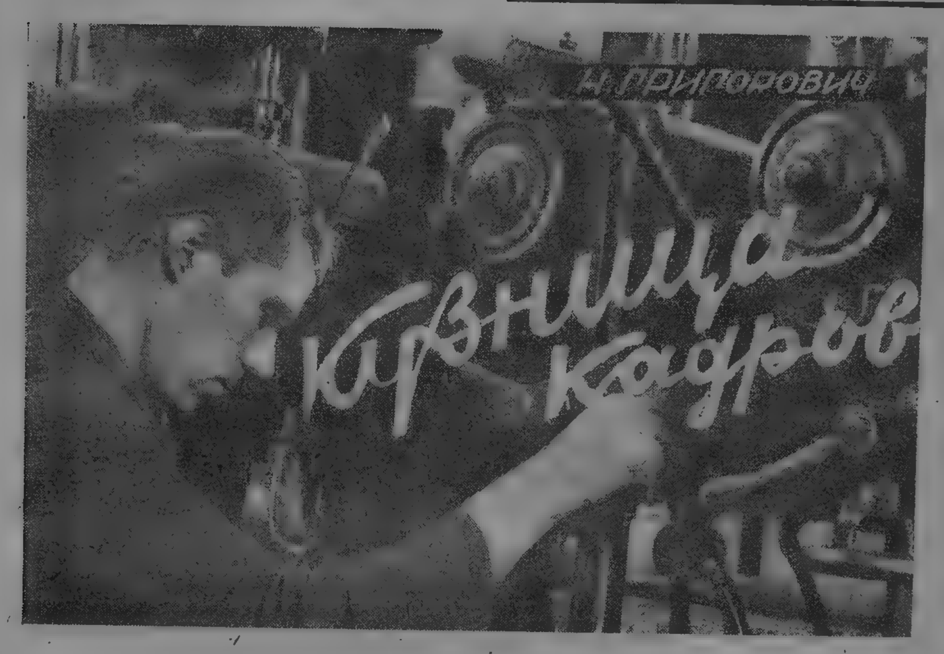
7 ноября 1932 года завод имени т. Молотова будет встречать 15-ю годовщину Октябрьской революции. На торжественном собрании история будет подводить итоги, что могут сделать и сделали люди, строящие социализм, как люди прошли в короткий срок сложнейший путь от азиатщины, через кустарщину небольшого примитивного заводика к выплавке $1/3$ всей меди, производящейся в СССР, как в недрах завода вырос и продолжает

расти и крепнуть новый быт и новый человек, как среди таких больших дел, равных эпохе, большевики-люди не забыли о кролике, свинье и грибах, создав свою, и далеко не плохую, продовольственную базу.

В Верхних Котлах, на окраине Москвы история будет подводить итоги 15-летнему хозяйствованию рабочего класса и большевистского руководства.

На октябрьском вечере на заводе имени т. Молотова история впишет заключительные строки в ненаписанную книгу о заводе, революции и большевиках-людях.

Г. Григорович, Яник.

Прошлое...

Оно было одинаково для всей дореволюционной пролетарской Москвы. Как осенняя туча, беспрестанно моросящая холодным дождем, нависало оно над каждой фабрикой, над каждым заводом.

И завод «Шарикоподшипник» на Шаболовке, основанный в 1898 году, не составлял исключения.

— Наши три хозяина-немца, прозванные рабочими «три святителя», — вспоминает старейший квалифицированный рабочий завода тов. *Новиков*, — проводили твердую политику: неквалифицированный рабочий — четвертак в день. Квалифицированный — хоть на части разорвись, а за 11—12 часов больше рубля шести гривен тоже не выработаешь. И точка! Да мастеру услужи из тех же доходишков. Мастер — большая сила. Его и в трактир своди, и в пивной попотчуй, и на дому ему поднеси, — ну, тогда смилостивится, даст тебе сверхурочную работу — по 16 часов у станка гнуться. Ему же на новое угощенье. А не уважишь, и совсем без работы останешься: пошлет, как у нас говорили, «за ворота вывеску смотреть».

Тов. Новиков продолжает вспоминать:

— Ни спецодежды, ни квартиры, ни завтраков, ни даже кипяченой воды. Врачебная помощь — один табельщик, он же и расчетный стол, он же по совместительству и фельдшер.

У меня заболела рука, ушибли угольником. Придешь к фельдшеру-табельщику: «Лекарство есть?» — «Касторка есть. Бери. А больше — ничего». Вот и вся медпомощь. А если посерьезней болезнь, рабочий сам ее скрывал; перемогался покуда ноги носят. А не то один из «Трех святителей» вызовет и вежливенько: «Тебе надо бы уехать полечиться». И — увольнение. Вот тебе и весь курорт. Умер у нас у станка один рабочий, вынесли его во двор, покрыли рогожкой... Вот тебе и вся помощь на погребение. Ну, от таких хозяйских забот и хлопот наши рабочие быстро начали приходить к понятию. Хозяева, хоть и немцы, а православные обычаи соблюдали: ежегодно в Николин день устраивали молебны с пьянкой. Дескать: «кто пьян да богомолен, в том хозяин волен». И лампады в цеховых иконах учредили. Благолепие... С этих-то лампад у нас на заводе и началась революционная борьба.

Этот красочный эпизод следует рассказать.

От полной необеспеченности, нужды, которая неизбежно настает в случае болезни или другого несчастья в семье, рабочие завода коллективно искали выход. Что делать? Решили организовать *больничную кассу*. Но хозяева и стоявшая на страже их интересов полиция были достаточно догадливы, чтобы понять, что подобные рабочие учреждения есть первый подлинный окоп на фронте борьбы с капиталом. Полиция категорически запретила шарикоподшипниковцам взаимопомощь. И тогда рабочие решили перехитрить своих «Трех святителей» и их охрану.

Рабочая делегация явилась к хозяевам и «смиренно» заявила:

— Дозвольте пустить кружку для сбора на лампадное масло. Мы решили: с каждого рабочего — в получку по гривенничку. Воздвигнем в цехах иконостасы.

В восторге от такого благочестия «Три святителя» расщедрились:

— Разрешаем. И со своей стороны часть штрафов в эту кружку жертвуем.

Так шарикоподшипниковцы сделали первый шаг к борьбе со своими хозяевами. Так у шарикоподшипниковцев впервые образовались общие деньги, из которых, через верных рабочему делу старост, можно было более или менее широко помогать нуждающимся товарищам: на болезнь, на несчастье в семье, на погребение и т. д.

А затем в 1905 году не одна копейка из этих денег ушла и на печатание прокламаций.

1905 год.

— Злейшее тогда было настроение у рабочих, — вспоминают старые рабочие «Шарикоподшипника», — многие из наших и в московских боях участие принимали. Баррикады строили, телеграфные столбы валили. Ружей не было, так нюхательный табак с собой брали: засыпали казакам глаза нюхательным табаком и разоружили эту царскую лейб-гвардию.

Так подходили шарикоподшипниковцы, насчитывающие в своих рядах после 1905 года уже несколько сотен рабочих,— к Февральским демонстрациям и Октябрьским дням.

Это «злое» настроение против хозяев-капиталистов, эта борьба с ними — моментами притихала и уходила вглубь, но никогда уже не прекращалась.

И когда пришел Октябрь, а за ним попытки белой реставрации и капиталистической интервенции, шарикоподшипниковцы были в числе первых московских заводов, пославших на фронт красногвардейцев.

«Три святителя», удрав заграницу, протягивали свою руку, руку вооруженную и хищную, назад за своим добром. И по этой руке нужно было со всей силой ударить красногвардейским прикладом, чтобы навсегда похоронить и хозяйский соцстрах, и хозяйскую лечебную помощь, и хозяйскую заботу о «душе». Таково прошлое Шарикоподшипника № 2.

* * *

А вот его настоящее.

После разрухи, вызванной гражданской войной, советская власть сдает шарикоподшипниковый завод на Шаболовке в шведскую концессию. Мы еще были слишком слабы, чтобы освоить это сложнейшее производство! Часть старых кадров погибла и рассеялась во время двухлетних боев, остальные же рабочие еще несли в большинстве тот проклятый груз, который оставили в наследство «Три святителя»: незнание своего производства в целом. Ведь «Три святителя» не только заботились о «душе» своих рабочих и не только старательно обсчитывали их, но и всячески следили за тем, чтобы на их плечах в шарикоподшипниковое производство не проникли российские конкуренты: «святители» тщательно охраняли тайны своего производства, остерегаясь слишком любознательных или не в меру пытливых русских пролетариев. Завод рос, особенно он вырос за годы войны, когда на смену «Трем святителям» официально пришла полуподставная шведская компания, которой в самом начале войны передали все свои дела в России хозяева-немцы. Но и при немцах, и при шведах во время войны, обстановка оставалась прежней: все мастера — только иностранцы.

Вот почему, когда мы начали наш восстановительный период, мы имели на заводе старых квалифицированных слесарей, токарей, шлифовщиков и т. д., но совершенно не имели наших специалистов, охватывающих шарикоподшипниковое производство в целом или его важнейших частях и знающих производственные секреты. В 1922 г. был подписан договор о концессии со шведской компанией, который давал возможность нам поставить новое крайне сложное производство шарикоподшипников.

Но то было уже совсем другое время! Совсем иные «права» имели хозяева-иностранцы на нашей советской земле, и совсем

иные задачи были и у нашего рабочего класса по линии овладения производством!

Восстановительный период требовал все больше шарикоподшипников, которые необходимы для автомобиля, аэроплана, для трактора, для трансмиссий и т. д.

— Работайте на нашей советской земле, но нашими советскими руками! — такое первое условие ставил концессионный договор.

И на шарикоподшипниковом заводе впервые появляются рядом с токарями, слесарями и шлифовальщиками первые русские подмастерья, а затем и мастера.

Но это нисколько не уменьшило попыток концессионеров продолжать и после Октября политику «Трех святителей»: во что бы то ни стало отбиваться от советской любознательности и сохранить все тайны дела только для себя, на возможно больший срок оттянув советскую конкуренцию.

И тогда на заводе, насчитывающем к этому времени уже почти двухтысячный коллектив, начинается долгая и скрытая борьба.

Понятно, что политика концессионеров получила яркое противодействие со стороны пролетарского коллектива завода, со стороны всей советской общественности. Страна росла невиданными в мире темпами. Первая пятилетка создавала огромнейшие тракторные, авиационные, моторостроительные и автомобильные заводы. Нужда в шарикоподшипниках росла, начинался стройкой большой советский шарикоподшипниковый завод в Москве, — подлинное детище Октября. Проектировался и закладывался также огромный шарикоподшипниковый завод на Урале. Эти заводы, — и в первую очередь новый московский, — требовали ясности во всех деталях производства, требовали подготовленные, многотысячные кадры, в том числе квалифицированных инженеров и мастеров, требовали немедленного действия.

И тогда, 16 апреля 1931 года, советское правительство выкупает у шведов концессию, и завод на Шаболовке становится подлинно советским заводом, где еще работают по договору иностранные специалисты и частью иностранные мастера, но где главный хозяин — советский рабочий.

...На заводе начались необычные, подлинно-героические дни.

Яркий подъем охватил всех, начиная с вновь назначенного красного директора и кончая любым подсобным, неквалифицированным рабочим.

Три дня всем коллективом принимали: каждый уголок, каждый винтик на станке проверили и вызнали. Потом подряд три субботника, — без всяких часов и сроков. Вычистили завод, заблестел он у нас как новая иголочка: никогда таким не был! Затем и за работу принялись:

делать из своего советского материала, советскими руками первые советские шарикоподшипники...

Необычайный энтузиазм, охвативший в те дни завод и сразу вскинувший его на недосягаемые ни при «Трех святителях», ни при концессионерах высоты, лучше всего характеризуются следующими данными.

При концессионерах по договору мы имели от завода «Шарикоподшипник» продукции:

В 1923 году — 8 000 штук шарикоподшипников.

В 1925 году по новому договору — 50 000.

В 1927 году, по дополнительному соглашению, — 150 000.

И за первый квартал 1931 года, после чего была выкуплена концессия — 172 000 штук.

А вот бесстрастные, но очень о многом свидетельствующие цифры выпуска советского «Шарикоподшипника»:

За второй квартал 1931 года, немедленно же после выпуска концессий, 281 000 штук.

То есть 162%.

И за третий квартал — 481 000.

То есть 276%.

И за четвертый квартал — 681 000.

То есть 336%...

А в 1932 году завод уже имеет задание в 4 100 тыс. штук шарикоподшипников.

И еще цифры.

Стоимость шарикоподшипников при концессионерах в 1930 г., когда она была наиболее низкой, равнялась 4 руб. 48 коп. В 1931 году в первом квартале, она уже скакнула до 5 руб. 14 коп.

А вот стоимость подшипника, выпускаемого нами:

Во втором квартале 1931 года — 2 руб. 64 коп.

В следующих кварталах того же года — 2 руб. 35 коп.

В этих сухих цифрах подлинный революционный пафос. Концессионеры мяли, душили живую творческую инициативу. Партийно-комсомольская организация была малочисленна. И только тогда, когда завод был выкуплен из концессии, широко развернулась массовая работа, полной грудью вздохнули общественные организации.

Вся фабрика вступила в соцсоревнование, причем ударничество в первые же дни охватило свыше 60% всего состава завода и выделился целый ряд ведущих ударных бригад.

Производительность возросла до 10% и больше! Отдельные ведущие бригады и даже цеха, — например калильный цех и авто-токарный, — включились в ударничество в полном составе. Многие ударники, — например тов. *Розенбли* (шлифовщик), *Поздняков* (шлифовщик), комсомолец *Давыдов* (шлифовщик), — дали выработку до 178%!

Возглавив энтузиазм масс, партийная, комсомольская и профсоюзные организации вели рабочий коллектив к новым победам, непрерывно пополняя свои ряды лучшими ударниками советского «Шарикоподшипника». И если на концессионном заводе

насчитывалась горстка коммунистов, комсомольцев, небольшое ядро профсоюзного актива, — теперь завод не узнать...

В партии — 207 членов и 48 кандидатов.

В комсомоле — 164.

В профсоюзе — все.

Даже наиболее поддавшиеся капиталистической заразе мастера и рабочие очень быстро и в полном объеме поняли, что не скрытие тайн производства, а наоборот, наилучшее воспитание смены, новых кадров, — вот что подлинно упрочивает их положение на заводе, их звание советских мастеров и подмастерьев. 1060 человек по разным специальностям, — таково то количество квалифицированных рабочих, которых в один год обучил для своего собрата старый «Шарикоподшипник» на Шаболовке. И 60 человек старых кадровых высококвалифицированных работников, — вот тот ведущий актив для нового завода, который двухтысячный коллектив «Шарикоподшипника» на Шаболовке выделил для нового завода.

Подлинная кузница советских кадров!.. Так определилась роль старого «Шарикоподшипника».

Завод — *школа*. Завод — *техническое училище*.

И сегодня, отдав свыше 1120 обученных рабочих, завод продолжает обучение все новых и новых кадров. Он принимает деревенских парней, колхозников, фабзаучников, — и день за днем, месяц за месяцем, приобретая квалификацию, они превращаются в опытных рабочих всех основных шарикоподшипниковых цехов: автоматно-токарного, шлифовального, ремонтного, шарикового, втулочного, полировального, сборочного и других.

Состояние технической учебы сейчас на заводе такое: *53 специальных кружка с общим охватом в 572 человека*. Постоянная посещаемость кружков — 90% и выше.

Каковы перспективы завода?

— Установка на рост со всей страной, со всей ее промышленностью, — вот с чем подходит «Шарикоподшипник № 2» к 15-й годовщине Октября.

Завод строит для своих кадров три стандартных дома. Завод развертывает и усиливает культурное и бытовое обслуживание своего коллектива. Столовая, ЗРК, крольчатник на 800 голов, свой огород при деревне Шаболовке, — таковы отдельные показатели.

Советский завод «Шарикоподшипник № 2» крепко стоит на ногах.

Он полностью овладел, — после многолетней борьбы, — своим производством. Он охотно и щедро передает *тайны* этого производства, переставшие быть тайнами, другим советским заводам.

Партия и рабочий класс — вот кто подлинный хозяин этого завода сейчас.

«Три святителя» и шведская концессия — навсегда перечеркнутый вчерашний день.

Н. Гудимов

Почти до самого последнего года мы в Советском Союзе не производили сложных станков, специальных автоматов и полуавтоматов. Наши станкостроительные заводы производили несложные, простейшего типа токарные, фрезерные, строгальные и им подобные станки. Точность у этих станков была очень относительная. Точные детали делать на них было нельзя.

Если заводу нужна была точная, быстрая работа, если он хотел иметь поток совершенно одинаковых, точно сделанных деталей, он выписывал из заграницы — из Германии, из городов Хемница, Ганновера или Гамбурга, револьверные, строгальные, фрезерные автоматы и полуавтоматы, делающие семь, десять, тринадцать операций зараз с одной деталью, работающие в течение нескольких часов без заправки и без особого присмотра.

Год тому назад, когда был только пущен новый «АМО», Харьковский тракторный завод, а Сталинградский тракторный разворачивал производство, некоторые инженеры-станкостроители говорили:

— Что трактор?.. Его делают заграничными станками. Вот построить станок, который мог бы тракторные детали сделать быстро и точно, — это, пожалуй, мы не скоро сумеем.

Ахали и восхищались, думали об импортных станках и не замечали того, что недалек тот день, когда такие же станки будем выпускать и мы.

Этот день настал.

ТИП 136

...Мягкий свет падает через застекленную крышу и освещает его ровно со всех сторон. Отчетливо вырисовываются шлифованные детали, литое тяжелое основание.

Он стоит перед нами окрашенный в строгую серую краску и его рукоятки и маховички, еще не обтертые рабочими ладонями, блестят свежим металлом. Он широко и уверенно расставил ноги свои, раскрыв большое корыто для приема металлической стружки. Напряженно и уверенно позади его станины прижимается электромотор, как будто ожидая сигнала завертеть и оживить этого

серого иностранца, выкормленного и выстроенного на нашем заводе.

Нам пришлось быть свидетелями, как принимали *первый револьверный станок*, выстроенный на новом заводе. Его недоверчиво обходили рабочие со всех сторон, его смотрели и щупали, двигали суппорт вдоль и поперек, ковыряли на станине ногтем краску, вертели маховичками. Но револьверный станок типа 136, выпуска 1932 года держался под обстрелом недоверчивых глаз спокойно и уверенно.

Краска от ковыряния ногтем не отвалилась, суппорт и вдоль и поперек двигался хорошо, револьверная головка и ее салазки отточенные и отшлифованные, блестели и также прекрасно двигались.

Постепенно недоверие сменялось удивлением:

— Эх, чорт... Все-таки револьверный станок сделали... И работает... А?..

Бой на площадке

Июнь 1930 года... Холодные северные ветры.

У Окружной железной дороги, между Калужской и Шаболовской улицами, в переплете Донских переулков и тупиков выделили участок для будущего станкостроительного завода.

В июне на площадку пришли первые рабочие. Работа долго не клеилась.

За лето 1930 года предполагалось по строительному плану выстроить главный механический корпус, котельную, трансформаторную и дом для рабочих.

Но настали первые осенние заморозки, упала первая белая пороша, а на площадке произвели только земляные работы, да подвели воду и электричество. И немудрено. На стройке вместо 1500 человек, работало 250, вместо нужных 25 000 бочек цемента, стройке дали только 2000 и т. д. и т. д.

5-й Донской переулок, на территории которого строился завод, представлял собою непроходимое желтовато-черное болото. Лошади, надрываясь, увязали по самые хомуты, и проехать с нагруженной телегой почти не представлялось возможным.

Пришлось строить шоссе...

Железная дорога проходила рядом, но на действующем полотне не поставишь прибывшие с грузом вагоны и не разгрузишь их. Нужна была *своя* железнодорожная ветка. А рельс для строительства ветки никто не давал.

Тогда сварщики предложили свои услуги. Они сварили всю ветку из метровых и полуметровых кусков рельс. По этой ветке, конечно, не могли проходить, громыхая, блестящие экспрессы, но зато обыкновенные товарные вагоны подходили прямо к основаниям будущих цехов.

Весна 1930 г. Начальник „Станкостроя“ т. Ратнер осматривает площадку будущего завода-гиганта.

И пока прокладывали новое шоссе, пока искали цемент, вербовали рабочих, пока строили из кусочков металла железнодорожную ветку, — наступила зима.

Зимой строительство почти замерло, еле-еле подвигаясь по теплякам.

Враги торжествовали:

— Ага... говорили же с самого начала, что завод построить не удастся. И вот яркое подтверждение наших слов...

Но площадку окружали не только непролазная грязь и мелкие деревянные домишки московского пригорода. Недалеко был и Ленинский райком партии, совсем близко, забор о забор были военно-политические курсы им. Ленина. Немножко дальше, родной брат — завод «Красный пролетарий». Они не могли допустить такого позорного положения на площадке.

И с весны 1931 года наступает резкий перелом в строительстве. В апреле на площадке уже 1 000 человек рабочих. Ровно через год после начала строительства, к концу июня, на площадке — 2 000 человек. *Если в феврале на площадке было 8 коммунистов, то в декабре их — 250 человек.*

Люди уже не терялись на холодном ветре под дождем, на разрытой и грязной площадке. Люди уверенными отрядами-бригадами шли в бой за стройку.

Столярная бригада *Кузнецова*, только недавно организованная на площадке, с первых же дней начала выполнять план на 130—190%, т. е. почти вдвое больше, чем было задано. Бригады плотников *Семочкина* и *Галибенцова* выполняли план на 130—150%. Старик подносчик *Марычев* организовал свою бри-

гаду подносчиков кирпича. В бригаде Марычева — одни старики, но старики тоже не хотят отставать от всех. И бригада Марычева свою программу выполнила на 270%. Бригада кровельщиков *Кондрашева* на ветру, на дождях, выполняет свою программу на 186%. Бригада бетонщиков *Муравьева* дает вместо заданных 240 замесов — 300. Комсомольская бригада бетонщиков т. *Морозова* за время штурма строительства работала без выходных дней, выполняя задание на 150—160%.

На глазах у всех рос корпус завода. Росли стены, появлялись окна. Наконец стены накрыли перекрытия, на перекрытиях выросли тонкие переплеты световых фонарей. Крышу покрыл руберойд, а в переплеты световых фонарей вставили квадратные стекла. Оставались строительные недоделки в разных углах корпуса.

Монтажники не ждали полного окончания строительства. Как только оканчивалась строительством одна сторона цеха, они входили в него со своими ящиками, ключами, чертежами и начинали устанавливать станки.

Весь район строит завод...

1 января 1932 года завод, согласно постановлению партии и правительства, должен был закончить строительство и монтаж и приступить к освоению производства. Коллектив строителей и монтажников постарался оправдать возложенные на него обязательства.

Каждый день на завод прибывают станки и оборудование. Каждый день из железнодорожных вагонов выгружают ящики со штампами:

«Гамбург — Ленинград».

«Транзит через Польшу» и т. д. и т. д.

1931 год... Весь район строит завод. В центре — револьверный станок... 1932 г. Завод вступил в строй действующих.

В еще недостроенный корпус въезжали знатные иностранцы. Их вынимали из ящиков, где они были уложены в тонкую и мягкую древесную солому, обрывали оберточную бумагу, которая облегала шлифованные части и ставили на бетонные основания. К бетонным основаниям подводили в канавах провода. Концы проводов закругляли, наваривали на них специальные наконечники и присоединяли к моторам станков.

К шеренгам установленных станков, каждый день прибавлялись новые и новые. Серые станки-красавцы заполняли пролет за пролетом. Они словно туман стелились над полами цехов. Монтажники двигались вслед за станками, упорно шаг за шагом, они осваивали станками площадь корпуса. Если утром бригада монтажников была в середине цеха, то вечером, когда вспыхивали в ранних декабрьских сумерках электрические лампочки, их надо было искать где-нибудь в другом углу цеха.

Если строители показали, что несмотря ни на что строить завод можно и нужно, то монтажники доказали, что выстроенный завод можно оборудовать, что импортные станки не так уж сложны, как кажется, и что в них можно, при желании, разобраться.

За сравнительно короткий срок в цехах завода было установлено более 300 импортных станков, по большей части весьма сложной конструкции. Были установлены два «Сиповских» специальных расточечных станка, величайшей точности, которые стоили заводу около 100 000 рублей золотом. Монтажники влезали в середину сложных станков, щупали, изучали части и детали, подчиняли их своей воле и собирали.

Бригады монтажников тов. *Щербакова*, *Никанорова*, *Васильева*, *Семенова* и других выполняли свои задания на 130—140%. Комсомольская бригада монтажников тов. *Харламова* выполнила задание на 150%.

Но когда большинство станков было смонтировано, когда большинство электромоторов было присоединено к сети, когда строители ушли из цеха и надо было фактически пускать цеха, выяснилось, что электроэнергия в срок дана не будет.

Строители электропровода МОГЭС — Станкозавод растерянно разводили руками:

— Надо вести 10 километров кабеля, а сейчас зима... Земля замерзла... Ее только динамитом взорвешь.

Над заводом нависла реальная угроза невыполнения постановления партии и правительства о пуске завода 1 января. И нависла эта угроза как раз с той стороны, с какой завод меньше всего ее ожидал и к какой меньше всего он готовился. Заводские организации стали в тупик. Не было ни людей, ни средств, проложить эти 10 километров кабеля. Но завод был не один. Он был в районе, окруженный со всех сторон фабриками, заводами, школами, вузами.

Весь район пришел на помощь заводу. Ленинский райком

партии мобилизовал на помощь заводу 2000 рабочих с соседних заводов. Комсомольская организация завода объявила штурм. В штурм включились курсанты Военно-политической школы им. Ленина. Шли рабочие бригады с Обозного завода, с завода «Красный пролетарий» и многих других. В холод, в промерзшей земле, рабочие, комсомольские и курсантские бригады с песнями и шумом копали канавы, прокладывали кабель. И 16 декабря кабель подошел к трансформатору. Трансформатор от прикосновения напряженных концов кабеля загудел и через жилы проводов дал жизнь присмиревшим моторам и станкам в цехах.

Через некоторое время цеха загудели веселым гулом. Цеха завода приняли настоящий рабочий вид.

IV. Завод готов...

1 января 1932 года, ровно через полтора года после начала строительства, в число действующих предприятий Советского союза вступил еще один гигантский завод — *завод револьверных станков.*

С ворот завода была снята огромная вывеска «Станкострой» и слово «строй» было зачеркнуто. Наверху было написано «Завод».

Началось выполнение производственной программы. В первом квартале завод должен был выпустить пять первых револьверных станков. Это должно было быть первой пробной партией из того бесконечного потока станков, который должен был выпускать завод.

Надо было налаживать все производство с самого начала.

Без инструмента не сделаешь ни одной детали. От точности и качества инструмента зависит качество деталей. И прежде всего выяснилось, что инструментальный цех слаб, что он не справляется с возложенными на него задачами.

Большевики «Станкозавода» взялись вплотную за устранение неполадок в инструментальном цеху.

Только немного справились с инструментом, как выяснилось, что кроме инструмента сильно хромает планирование. Плановики перед пуском много рассуждали об американских темпах в работе. Но когда вопрос коснулся проведения этих темпов в жизнь, выяснилось, что плановики более склонны планировать по старым кустарным методам. Вместо сборки по конвейеру они предложили кустарную сборку. Рабочий коллектив сборочного цеха с этим не согласился.

Началась длительная и упорная борьба за поточное производство.

Так, преодолевая трудности, держась за каждое звено во всей сложной цепи производства, коллектив рабочих «Станкостроя» овладевал техникой постройки сложного револьверного станка.

Первые пять станков выпущены. Это была пробная партия станков. Сейчас завод начал серийный выпуск. К 15-й годовщине

Октября рабочие «Станкозавода» обязались закончить первую серию в 30 станков. 30 станков — это уже значительное количество. 30 станков — это уже оборудование небольшого цеха. Это уже более 100 000 золотом сбережено государству.

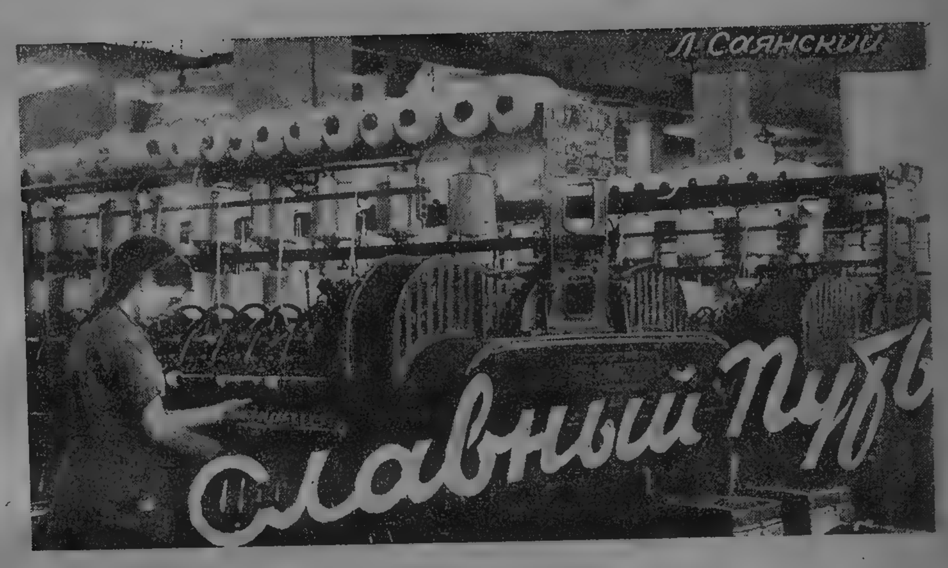
Завод должен полностью освободить нас от импорта револьверных станков и полуавтоматов. *Согласно проекту он должен дать 6 140 станков в год на сумму 67 миллионов рублей. 67 миллионов рублей ежегодно он будет сохранять нам валюты.*

Перед большевиками завода револьверных станков впереди стоят огромные задачи. Впереди массовый выпуск револьверных станков и полуавтоматов. Завод должен будет давать советской стране, советской промышленности 17—18 станков ежедневно. Это почетная и трудная задача. И рабочий коллектив и ИТР должны и обязаны с этой задачей справиться.

XVII партконференция постановила:

«Третьей коренной задачей промышленного плана является дальнейшее развертывание союзного машиностроения».

За быстрейшее развертывание машиностроения и должны драться рабочие и ИТР станкозавода.

I

«Не пройти верблюду в игольно ухо», — так рисовала передел невозможности древняя поговорка. Две тысячи лет верило ей человечество, пока на четвертом году пятилетки не опровергли ее рабочие советской прядильной фабрики имени всероссийского старосты.

Волнующий рассказ о том, как калининцы-большевики «протащили верблюда» в игольное ухо сельфактора, тесно связав с историей самой фабрики, ее жизни, работы и долголетней борьбы на путях революции.

Полсотни лет тому назад, далеко за чертою Москвы, построили свою фабрику первые ее хозяева: гильдейский купец Алексеев и купчиха Нейгебауер. Не без умысла выбрали это место матерые толстосумы: они рассчитывали на рабочую силу из окрестных деревень, на ее дешевизну и малосознательность.

Городские рабочие казались малонадежными дальновидным купцам. Их хитрый расчет оправдывался в течение многих лет; эта фабрика была одной из самых отсталых и малосознательных по составу своих рабочих.

Но грозный 1905 год опрокинул расчеты хозяев. В этом году рабочие Даниловской прядильни впервые показали свою окрепшую силу.

Об этих первых революционных шагах мне много рассказывали ветераны фабрики, ее старые боевики.

В живых словах, в живых людях, вставала яркая картина многолетней борьбы передовиков-рабочих с вековыми их угнетателями.

— Нас здесь немало! — говорил мне старый мастер т. *Конюхов*, один из ветеранов фабрики и участник всех ее классовых боев.— Нас немало: *Беляев* и *Савин*, *Шераухов* и *Вьюгин*, *Гусев* да *Алексеев*, — все мы здесь с малолетства, все локоть к локтю жили. Ясно помню, как в пятом году мы впервые забастовали всей фабрикой и крестьянскую часть прядильщиц подняли... Вышли мы на улицы под красным флагом, — вон там в механической его и сделали накануне... Пошли соседнюю фабрику останавливать... Были с нами товарищи *Пронин* и *Миронов* — наши передовики-организаторы... Казаки на нас налетели, а мы их камнями, — мостовую всю разворотили... Помнишь, Шероухов?

— А еще бы! — скупо усмехнулся крепколицый Шероухов, — жаль, оружия у нас еще не было... Разогнали нас казачишки... Похлестали, помяли многих... А мы забастовку объявили... Ноябрь и декабрь бастовали.

— Зато и победили! — вставил Конюхов, — добились-таки десятичасового дня вместо полусуточной лямки и прибавку в десять процентов вырвали из алексеевской глотки... А помнишь, как с нами хозяева счеты потом сводили. Как Пронина с Мироновым фараоны забрали и Ваню Сучка искалечили...

— Не его одного... Когда Миронова драгуны взяли ночью на фабрике, так сначала его без шума вывели... А за воротами и давай его калечить...

Старики нахмурились и замолчали, вспоминая о тяжелых потерях, понесенных их боевой семьей. Многих выхватили из нее цепкие лапы жандармов. Пали храбро в октябрьских боях рабочие дружинники тт. *Юричев*, *Алексанкин* и *Мельков*, записав алой кровью свои имена в историю фабрики. Долог, труден и славен был ее боевой путь.

— В 1913 году сильно нас подвела крестьянская часть рабочих, а их было тогда девять десятых у нас! — вспоминали товарищи.— Забастовали мы в июне, прибавки потребовали, улучшения условий... Втянули и крестьян. Но хитрые хозяйчики не сдавались, а все выжидали июля, — когда на полевые работы ушло много народа по деревням. Остались мы, городская мастеровщина-пролетарцы... Держались до августа. А осенью навалила из деревень новая рабочая сила, сбила «цену на руки» и сорвали нам все дело... Пришлось встать к станкам, стиснув зубы...

— Зато в пятнадцатом году мы всего два дня простояли, а прибавки добились, — напугали хозяев своей сплоченностью. Ну, тогда уже нас, — городских, сотни три было на фабрике... Легче было организоваться...

— А в семнадцатом мы совсем окрепли. Уже свои большевики выросли на фабрике. *Беляев* и *Алексеев* от нас в первый Московский совет вошли. *Уткин*, *Мельков*, *Шероухов*, *Юричев* и многие

еще в боевой дружине дрались неделю целую в ноябре... Много сил мы потратили, но зато — свою фабрику из хозяйских рук вырвали...

О незабываемых днях вспоминали старые товарищи; молодели их лица и загорались глаза.

Говорили о свергнутом старом. О тяжкой свинцовой усталости от полусуточной работы, о голодовках, грошевых заработках, о жутком бесправии.

— Нас пятеро было в семействе, — вспоминал старый прядильщик большевик *Прохоров*. — Трое работали, а получали в день... Не поверишь даже теперь, — *втроем сорок четыре копейки!..* на харчи нехватало, ребят побираться посылали, в кусочки...

— «Полторы копейки в день, — куда хочешь, туда день!» — так бывало и в песнях пели...

— А как жили! Ну, прямо скажу, иной собаке впору, — припомнил и. т. *Савушкин*, — спали мы на полу по двадцать душ в комнатушке...

И вдруг бодро рассмеялся третий ветеран — т. *Аверьянов*, — рассмеялся воспоминанию:

— Я здесь с мальчишек начал. Так, ей-ей, портков не было у меня до двенадцати лет; двугривенный отец мой зарабатывал, — не до портков... А нонче мой сынишка — малец уже три костюмчика износил за два года... Загляни-ка, товарищ, в квартирку рабочую — глянь, какие кровати с шишками мы себе завели... Чистота у нас нонче, цветы на окошках... А бывало, что и не слышали о цветочках-то при хозяевах!..

— Зато «ягодок» много они нам подносили...

— Волчьих! — веско, — как точку поставил, — сказал, завершая беседу, Конюхов, первый рабочий-правленец на завоеванной в Октябре фабрике.

* * *

Да. «Волчьими» горькими ягодами кормили своих рабочих господа Алексеевы и К°.

О них выразительно говорит сохранившийся с давних лет протокол одного совещания пайщиков фабрики. Августовским серым вечером собрались они, матерые, золотозубые «волкодавы в визитках» и чинных купеческих сюртуках.

Бархатистым басом докладывал кругленький лысый директор «почетный потомственный гражданин» *Жучков*.

За один 1907 год было выжато почти полмиллиона чистой прибыли.

И делили ее в благоговейной тишине господа акционеры. Вот он — потрясающий протокол этой волчьей дележки.

— 125 тысяч золотом решено «разнести в дивиденд» по паям, принадлежащим всем акционерам *.

---

* Дивиденд—прибыль на пай.

— 32 527 рублей ассигновать на вознаграждение за работу пятерым членам правления.

— 170 тысяч — на расширение фабрики, на покупку новых машин. И остаток — полсотни тысяч, — «в пользу членов правления»!..

Но из всей этой груды золота *ни одного гривенника* — на врача для рабочих, на столовую, или клуб, или на прибавку зарплаты.

Они не подозревали, что через несколько лет им придется остаться «с нулем»...

* * *

А в это же время, в низком корпусе с рубчатой крышей из отдельных «шэдов» *, тысяча усталых и serолицых людей копошились с рассвета и до полуночи в тесных цехах.

Негнущиеся от усталости пальцы сортировали шерсть, пропускали сотни пушистых пудов через мойку, чесальню, тростильню...

Едва двигаясь на опухших от полусуточного стоянья ногах, метались вдоль банкоброшей сотни женщин, неотрывно следя за бегущими лентами «ровницы» — разделенного «топса» **.

И такие же оглушенные усталостью и недоеданием сотни людей стояли у длинных сельфакторов, у сложнейших ватеров, карауля вращение шпулек, снимая намотанные початки пряжи, то и дело присучивая порванную нить омертвевшими, озябшими пальцами...

Бессонно гудела закоптелая механическая; пыхала дымом трубища, как будто окуривала ладаном фабрику с ее ровными гробоподобными крышами — «шэдами».

Да, похожа была на гроб эта старая фабрика, погребенная в двух лощинах, далеко за городом. Но все ближе и ближе подступали к ней громыхающие железом пролетарские окраины разраставшегося города.

И все ярче горели ненавистью глаза новых рабочих, приходивших на фабрику с этих окраин.

В перелесках, оврагах, за деревней Котлами, ночами собирались первые революционные кружки. А в механическом цехе шелестели листовки. Оттуда, — от горнов, тисков и токарных станков, — от покрытых железною пылью усталых и хмурых людей, — попадали в другие — «деревенские» цеха и брошюра «Пауки и мухи» и первые номера большевистской «Правды».

II

Отгремели тяжелые громы орудий на окрепших границах Советской страны.

* Двухскатная крыша со стеклами.
** Топс—широкая лента шерсти, полуфабрикат ее.

Банкоброшный цех фабрики им. Калинина.

Бодрый грохот бетономешалок, скрип кранов и машинный, радостный гул стройки пришел на смену. Зарастали бетонным, кирпичным мясом раны разрухи. Кружевились леса вокруг новых зданий, возникавших над грудами развалин, — остатков жестоких боев. Подмосковное небо темнело от сотен новых фабрично-заводских дымов.

Задымилась и охладевшая на время труба бывшей Даниловской прядильни; имя Михаила Калинина уже золотилось на воротах восстановленной фабрики.

Росло число веретен. Рос рабочий массив, — две тысячи людей работало в цехах, и уже не вмещали старые корпуса новых машин.

И вот четыре года тому назад Камвольный трест постановил — построить новые корпуса. Они были заветной мечтой всех калининцев, — эти долгожданные здания. Ведь они делали старую фабрику мощнейшим прядильным предприятием. Ведь по плану фабрика должна была снабжать пряжей разных сортов все ткацкие фабрики области.

Да, именно на калининцев возлагалась почетная задача — дать тысячи тонн полуфабриката для ткацких станков, для будущих советских сукон и шевиотов.

Как же было не радоваться, когда новое строительство делало фабрику втрое мощнее.

И вот тут-то в последний раз щелкнули над фабрикой волчьи клыки бывших хозяев.

В последний раз пытался укусить рабочих притаившийся, зловеще-хитрый старый враг.

И об этом рассказывали мне калининцы.

— Смотрим мы, — говорил мастер *Гусев*, один из активнейших работников фабрики, — строят нам, ну, просто дворцы!.. Потолки высоченные, света масса. Раздевальни со шкафчиками просторные, чистота, воздух и свет, — не фабрика, а санаторий...

«Оно, конечно, мы рады. Но только начали поговаривать опытные рабочие между собой, что дескать уж больно не экономно все строится... Этак строить во второй пятилетке впору, а мы только первую начинали; деньги-то больно надобны на другие заводы, на машины для них... А наши строители их на паркеты убухивают...

«А особенно говорить начали, когда узнали, что среди новых цехов нет самого важного, — чесальни.

« — Суть дела тут вот в чем, — пояснил пом. директора рабочий *Степанов*, — нашему делу необходимо мощное отделение для расчески сырья — приходящей на фабрику шерсти. А засевшие в Камвольном тресте вредители, во главе со *Ставровским*, тоже бывшим фабрикантом, пытались закабалить фабрику и сознательно не построили чесальни для отечественного сырья, спроектировав всю работу с расчетом исключительно на импортный «топс», то есть на уже полуобработанную ленту мериносовой

Фабрика им. Фрунзе. Мюльный цех.

шерсти. Поняли теперь, куда они гнули? И все наши машины тоже были приспособлены только для проработки заграничного тончайшего «топса». И сельфакторы и ватеры установлены были такие, что на них с грубым сырьем, не расчесанным, не обработанным тщательно, работать нитку было нельзя.

«Вредителей вскрыли и ликвидировали, но нам пришлось пожинать «плоды»,—приходилось работать в «плену у заграницы»—тратить драгоценную валюту на импорт мериносового «топса».

«Тут такая злость нас всех взяла, так за сердце нас забрало, что вся фабрика на дыбы встала... На десятках собраний, в фабричной газете, в цехах и бригадах развернулась боевая кампания:

«за выход из плена!»

«Особенно воевали наши «старики» из ячейки и фабкома. В цехах ночи целые проводили; изобретательство среди всех опытных мастеров началось,—как, дескать, эти тонкие машины к нашему сырью приспособить? Суть-то в том была, что у нас мериноса нехватка, а больше грубой шерсти,—«каза», «орда», «хоросан»,—все не тонкорунные сорта. Трудно из них тончайшую нить сделать и между валиками и крохотными отверстиями провести.

Много тут нам помогли Щукин, наш инженер-большевик, Шумов—его помощник, ну и все буквально мастера...»

— Ну и что-же? Нашли выход?

— Вот он!—и товарищ Степанов показал мне небольшую прядь белой шерсти, уже прошедшей через банкоброши.

Толстый, пушистый и мягкий шнур, — потом этот шнур, называемый «ровницей», идет на сельфакторы, где из него вьют миллионы километров нити, — волокнистый, белый шнур лежал на столе. И на него с гордостью смотрели собравшиеся в ячейку калининцы.

— Ты знаешь, что это за «ровница»? — таинственно спросил меня т. Макаров. — Это наша победа! Это «метис», смесь из всяких грубых шерстей и хлопка, но смесь, отработанная нами так, что по качеству годится для любой ткани. Ты пойми, — вот в этом шнуре, — три года нашей общей упорнейшей работы! Ты не поверишь, — ведь здесь и верблюжья шерсть даже есть! Мы и это грубое сырье завоевали. И не даром теперь наши ребята гордятся:

— Мы, говорят, «верблюда сквозь ушко протащили»...

Макаров сорвался с места, разрыл какие-то папки и торжественно показал мне табличку:

— На! Видел цифрочки? Еще в 1930 году мы ввозили из-за границы 92 процента импортного «топса». В 31-м мы добились того, что ввезли только 34 процента, остальной «топс» был уже *наш*, ты понял это слово — *наш «топс»*?

Но гляди: за первое полугодие этого года мы еще имеем 20% импорта, а во втором — *ни одной «куфты» у капиталистов не взяли, — все мотки топса сделаны нами, вот здесь, на Калининской фабрике!* Кукиш с салом теперь получит от нас заграница! Иди на любую ткацкую нашу фабрику, посмотри, — из нашей метисной нити и сукна разных сортов и шерсть-ткань делается...

* * *

В просторных и светлых цехах настойчиво и мерно жужжали вальки сельфакторов и ватеров. Хитроумнейшие щупальцы, шпульки, кольца и бегунки вращались с неизмеримой скоростью; и струились меж ними, постепенно все утончаясь, каскады советской шерсти...

Как-будто бы тонкие белые ручейки ниспадали с пухлых куфт* «ровницы», текли в тончайшие щели между пальцами машины и с легким свистом наматывалась белая нить на нижние шпульки. Сотни красных платков и сосредоточенных лиц пытливо склонялись к шпулькам. Быстрые руки с чудесной ловкостью подвязывали оборванную нить, меняли початки на новые, пустые еще шпульки.

В корзинах накапливались груды коконов пряжи.

И я спросил одну из молодых работниц:

— Вы знаете, куда потом пойдет эта нить?

— А как-же! Сперва на ткацкую, а потом и в деревню доберется, — пускай колхозники в нашей пряже ходят!

* **Куфта — большая катушка.**

— Ну, а не знаете вы, сколько вашей пряжи понадобится на мужской костюм?

— Четыре кило, — подумав, высчитала работница, — вот я восемь кило напряду, глядишь два костюма и готовы! Мы-же теперь во-всю нажимаем, потому что вызов ленинградцев приняли. Ты наш ответ им не читал?

Да, я читал этот твердый ответ:

— *«Несмотря на все трудности с сырьем мы обязуемся добиться перевыполнения промфинплана к 15 годовщине Октября и обеспечить победное завершение пятилетки в четыре года».*

И еще:

— Провести самозакрепление на фабрике на вторую пятилетку.

Хлопотливые, озабоченные лица, в большинстве молодые, быстро мелькали в коридорах и комнатах правленского корпуса. Хлопали двери ячейки и завкома. У крыльца тюкали молотки по сгибаемой фанере, извивались шнуры проводов, алел кумач; калининцы готовились украсить главную башню своей новой фабрики световыми транспарантами.

И сотни лампочек должны были начертить над ее фронтоном огненные цифры и даты:

1913 год — *856 594* кг пряжи, *1 074* рабочих.

И стоимость фабрики — $2\frac{1}{2}$ *миллиона.*

Год наш, пятнадцатый, он же четвертый и он же *1932-й.*

Выработка — *1 536 242* киллограмма.

Рабочих — *2 010.*

Стоимость фабрики — $7\frac{1}{2}$ *миллионов золотом.*

Но особенно четко запомнилась мне одна строчка из этих данных:

Процент импортного сырья = *0.*

Да! К нулю свели рабочие-калининцы все попытки капиталистов удержать большевиков в импортном плену.

И жалким, ничтожным нулем оказались все усилия кучки вредителей и последышей господ Алексеевых всунуть палку в колеса большевистской истории и затормозить ее победоносный ход.

Круглый нуль оставила им история боевой фабрики.

А нам досталась четкая цифра, огненно врезанная в ноябрьское ночное небо:

— *Полтора миллиона кило тонкой пряжи в год.* —

— *Сотни тысяч костюмов для строителей пятилетки.*

РАПОРТ ПОБЕДЫ

Под руководством Ленинского ЦК, МК и РК ВКП(б) коллектив ударников-рабочих, ИТР и служащих Московского ***государственного машиностроительного завода им. Владимира Ильича 27 сентября 1932 г., в 8 часов вечера, досрочно выполнил свою первую большевистскую пятилетку.***

По выпуску продукции план выполнен ***на 100.2 проц.*** *Производительность труда повысилась* ***на 46 проц.*** *(89,16 проц. к плану). Себестоимость снижена* ***на 28 проц.*** *(54 проц. к плану).*

Выпуск продукции за 9 месяцев ***1932 г.*** *по сравнению с соответствующим периодом* ***1931 г.*** *увеличился* ***на 46 проц.***

В течение первой большевистской пятилетки завод освоил целый ряд новых машин и видов продукции, ранее ввозившихся из-за границы.

Завод им. Владимира Ильича в настоящий момент стал основным заводом в нашей социалистической стране, обеспечивающим новейшую техническую базу лесной промышленности СССР.

Выполнение первой большевистской пятилетки нашим заводом является результатом борьбы за генеральную линию нашей большевистской партии.

Пятилетка выполнялась на основе развертывания соцсоревнования и ударничества и борьбы за реализацию шести исторических условий ***тов. Сталина.***

Выполнение пятилетки было обеспечено непримиримой борьбой с класссовыми врагами и их агентурой, контрреволюционным троцкизмом, правым оппортунизмом, главной опасностью на данном этапе, „леваками" и примиренцами.

Коллектив рабочих, ИТР и служащих завода им. Владимира Ильича заверяет ленинский ЦК и вождя партии тов. Сталина, что, завершив первую пятилетку, приложит все силы и добьется успешного окончания программы 4-го, завершающего года пятилетки по всем показателям.

Как никогда сплоченные вокруг ленинской партии и ее ЦК, преодолевая все трудности, ведя решительную борьбу с врагами партии и рабочего класса, рабочие и ИТР завода мобилизуются и бодро и уверенно идут ко второй пятилетке — пятилетке построения бесклассового социалистического общества.

Директор завода ДАВЫДОВ.

Секретарь парткома СУХИНИН.

Председатель завкома ЖУРКИН.

содержание

Я. Г. Сойфер

1 К 15-й годовщине Октября

К. Островитянов

2 Из истории Октябрьских дней в Замоскворечьи

Л. Шушковский

3 Экономический обзор

А. Эрлих

4 Имени Владимира Ильича

Тихон Холодный

5 Конец Бромлея

Эльвэ

6 Конвейер побед

Т. Х.

7 МОГЭС

В. Бобров

8 Рассказ о ненаписанной книге

Н. Григорович, Янин

9 Кузница кадров

Н. Гудимов

10 Станкозавод

Л. Саянский

11 Славный путь

Обложка художника **И. Ф. Дегтярева,**

12 Фото **Б. Ухина и Союзфото**

На обложке цех завода „Кр. Пролетарий"

Техн. редактор Евг. Крутецкий

Бесплатно

